

Рохинтон
Мистри

Хрупкое равновесие

[роман]

XX век / XXI век – The Best

РОХИНТОН МИСТРИ
Хрупкое равновесие

«Издательство АСТ»

1995

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Мистри Р.

Хрупкое равновесие / Р. Мистри — «Издательство АСТ»,
1995 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-104896-9

Рохинтон Мистри (р. 1952 г.) – известный канадский писатель индийского происхождения, лауреат нескольких престижных национальных и международных литературных премий, номинант на Букеровскую премию. Его произведения переведены на множество языков, а роман «Хрупкое равновесие», впервые опубликованный в 1995 году, в 2003 году был включен в список двухсот лучших книг всех времен и народов по версии Би-би-си. ...Индия 1975 года – в период чрезвычайного положения, введенного Индирой Ганди. Индия – раздираемая межкастовыми, межрелигиозными и межнациональными распрями, пестрая, точно лоскутное покрывало, которое шьет из обрезков ткани молодая вдова Дина Далал, приютившая в своем доме студента и двух бедных портных из касты неприкасаемых. Снаружи гремят политические бури, вспыхивают волнения и беспорядки, но в их крошечном доме царят мир и согласие. Они дарят друг другу любовь и поддержку, помогая удерживать хрупкое равновесие на грани отчаяния и надежды...

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-104896-9

© Мистри Р., 1995

© Издательство АСТ, 1995

Содержание

Пролог	6
Глава первая	13
Глава вторая	51
Глава третья	65
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Рохинтон Мистри

Хрупкое равновесие

Погрузившись в мягкое кресло и держа в руках эту книгу, вы, возможно, подумаете: а вдруг чтение развлечет меня? Тем не менее, прочитав эту грустную историю, вы, без сомнения, с аппетитом отобедаете, а свою бесчувственность спишете на автора, обвинив того в чудовищных преувеличениях и приступах необузданной фантазии. Но уверяю вас: настоящая трагедия – не вымысел. Здесь все – чистая правда.

Оноре де Бальзак. Отец Горио

Rohinton Mistry
A FINE BALANCE

© Rohinton Mistry, 1995
© Перевод. В. Бернацкая, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Пролог 1975 год

Переполненный под завязку утренний экспресс замедлил ход, а потом неожиданно с силой дернулся, словно задумал вернуть себе прежнюю скорость. Из-за его обманного движения пассажиры не устояли на ногах. Выступ из облепивших подножки людей раздулся, как готовый лопнуть пузырь на кипящем супе.

Манек Кохлах держался за поручень, и потому не упал. Чей-то локоть выбил у него из рук учебники. Рядом худощавый юноша повалился на сидящего напротив него мужчину. Сверху на них упали книги.

Толстый том стукнул юношу по спине.

– Ух! – вырвалось у него.

Юноша и мужчина – его дядя – со смехом возились, пытаясь освободиться друг от друга. Ишвар Даржи – человек с изуродованной левой щекой – помог племяннику сесть.

– Ты в порядке, Ом?

– Все хорошо, если не считать моей бедной спины, – ответил Омпракаш Даржи, поднимая две книги в оберточной бумаге. Прикинув на руках их вес, он огляделся, ища владельца.

Манек поспешил признаться, что книги его. От мысли, что тяжелые учебники обрушились на хрупкую спину юноши, ему стало не по себе. Припомнился вдруг воробушек, которого он в детстве зашиб камнем; позже, каждый раз, когда он вспоминал этот случай, его начинало тошнить.

Манек стал горячо извиняться:

– Простите, книги выскользнули и...

– Ничего страшного, – успокоил его Ишвар. – Твоей вины тут нет. – И прибавил, обращаясь к племяннику: – Хорошо, что так вышло. Грохнись я на тебя, ты бы точно костей не собрал. – Они снова рассмеялись. К ним из вежливости присоединился и Манек.

Ишвар Даржи не был тучным мужчиной; поводом для шуток был только контраст между ним и костлявым Омпракашем. Они постоянно беззлобно подшучивали друг над другом. За ужином Ишвар всегда накладывал племяннику порцию побольше, а зайдя в придорожную дхабу¹, выжидал, когда тот пойдет помыть руки или в уборную, и тогда быстро перекладывал часть своей еды на тарелку племянника.

Если Омпракаш возражал, Ишвар говорил: «Что скажут, когда мы вернемся в деревню? Что я морил племянника в городе голодом, а сам ел за двоих? Ешь, давай! Чтобы спасти мою честь, ты должен нарастить жирок!»

– Не бери в голову, – отшучивался Омпракаш. – Если твоя честь равна хотя бы половине твоего веса, ее надолго хватит.

Однако телосложение Омпракаша сопротивлялось настойчивым усилиям дяди, и племянник по-прежнему оставался худым, как спичка. Да и деньги упорно не шли в руки, так что триумфальное возвращение в деревню пока оставалось для них несбыточной мечтой.

Направлявшийся на юг экспресс снова замедлил ход, а потом со свистом и лязгом остановился. Некоторое время еще слышался свистящий звук пневмотормозов, но вскоре затих и он.

Омпракаш глянул в окно, чтобы понять, где они находятся. По другую сторону железнодорожного заграждения стояли убогие хижины, вдоль по канавке стекали нечистоты. Дети играли с палками и камнями. Щенок с лаем носился рядом, надеясь, что и его примут в игру. Голый до пояса мужчина доил корову. Такую картину можно увидеть где угодно.

---

¹ Дхаба – дешевая закусочная в Индии, где обычно подают комплексные обеды.

До поезда донесся едкий запах горящего кизяка. Впереди, на пересечении железнодорожного пути и шоссе, собралась толпа. Несколько мужчин спрыгнули с поезда и пошли по шпалам.

– Надеюсь, мы доберемся вовремя, – сказал Омпракаш. – Если кто-то придет раньше, нам – конец.

Манек Кохлах поинтересовался, далеко ли им ехать. Ишвар назвал станцию.

– Мне туда же, – сказал Манек, поглаживая жидкие усики.

В надежде увидеть циферблат, Ишвар обвел взглядом череду запястий, тянувшихся к поручням.

– Простите, сколько времени? – обратился он к одному из мужчин.

Тот элегантно жестом отдернул манжету и показал часы. Было без четверти девять.

– Ну, давай же, двигай! – сказал Омпракаш, хлопывая по сиденью.

– Волы у нас в деревне послушнее будут, – заметил дядя, и Манек рассмеялся. Так оно и есть, заверил его Ишвар: он помнит с детства, что их деревня ни разу не уступила призовое место в праздничных состязаниях воловьих упряжек.

– От опиума и поезд понесся бы не хуже волов, – сказал Омпракаш.

Продавец расчесок и украшений для волос с трудом прокладывая путь между людьми, брэнча пластиковыми зубьями большого гребня. Потрявоженные пассажиры сердито ворчали.

– Эй! – окликнул продавца Ом.

– Обручи для волос, надежные, пластиковые зажимы в виде цветка или бабочки, разноцветные гребни, прочные. – Голос продавца звучал монотонно и безучастно – он сомневался, что его позвали не зря и это не розыгрыш, а покупатель действительно настоящий. – Гребни большие и маленькие – розовые, оранжевые, красные, зеленые, синие и желтые, – и все не ломкие.

Омпракаш перепробовал несколько расчесок и наконец выбрал красную – карманного размера. Порывшись в карманах брюк, он вытащил монету. Пока продавец искал сдачу, ему приходилось терпеть со всех сторон враждебные толчки и тычки. Рукавом он оттер отвергнутые гребешки и положил в сумку, оставив в руках только большой гребень с двумя зубьями, и возобновил свое брэнчание.

– А куда делась твоя желтая расческа? – спросил Ишвар.

– Разломилась пополам.

– С чего бы?

– Она лежала в заднем кармане. Я сел на нее.

– Плохое место для расчески. Она все-таки для головы, Ом, а не для задницы. – Ишвар обычно звал племянника Омом, называя Омпракашем только когда сердился.

– Будь это *твоя* задница, от расчески ничего бы не осталось, – парировал племянник, вызвав у Ишвара приступ смеха. Изуродованная щека нисколько не мешала этому смеху; застыв, словно на якоре, она позволяла улыбкам вволю журчать и струиться.

Он дружески пощекотал Омпракаша под подбородком. Разница в возрасте – сорок шесть и семнадцать – обычно давала неправильное представление об их действительных отношениях.

– Улыбнись, Ом. Надутые губы никак не вяжутся с прической героя. – Ишвар подмигнул Манеку, как бы приглашая того принять участие в шуточной беседе. – Этот завиток сведет с ума не одну девушку. Да ты не волнуйся, Ом. Выберу тебе девушку что надо. Большую и сильную, чтобы тела на двоих хватило.

Омпракаш заулыбался и провел расческой по волосам, как бы прихорашиваясь. Поезд по-прежнему не двигался с места. Вышедшие на разведку мужчины вернулись с известием, что на путях впереди опять нашли труп. Манек незаметно придвинулся к двери, чтобы лучше слышать. «Легкий способ уйти из жизни, – подумал он, – при условии, что поезд сбивает прямо в лоб».

– Может, это связано с чрезвычайным положением? – предположил кто-то.

– С чем-чем?

– Так сегодня утром премьер-министр произнесла по радио речь. Вроде стране угрожает внутренний враг.

– Очередная правительственная тамаша².

– Зачем самоубийцы выбирают смерть на рельсах? – проворчал кто-то. – Никто не думает о людях вроде нас. Убийства, самоубийства, теракты наксалитов³, смерти в полицейских участках – все приводит к задержке поездов. Почему бы не выбрать яд, нож или прыгнуть с высоты?

Наконец долгожданный грохот пробежал по вагонам – поезд разминал длинную стальную спину. Облегчение проступило на лицах пассажиров. Когда поезд дошел до развилки, все вытянули шеи, пытаясь увидеть, что задержало состав. Трое полицейских стояли рядом с небрежно покрытым телом, дожидаясь его отправки в морг. Некоторые пассажиры коснулись рукой лба или, сложив ладони, прошептали: «О, Рама, Рама».

Манек Кохлах вышел из поезда следом за дядей и племянником, и они вместе покинули перрон. «Извините, – сказал он, извлекая из кармана письмо. – Я первый раз в этом городе, не скажете ли вы, как мне добраться вот сюда?»

– Ты не тех людей спрашиваешь, – сказал Ишвар, не взглянув на письмо. – Мы тоже здесь впервые.

Но Омпракаш, приглядевшись, воскликнул:

– Взгляни, та же фамилия!

Ишвар вытащил из кармана клочок бумаги и сравнил адреса. Племянник оказался прав: и тут и там было написано одно и то же: Дина Далал, и ниже – адрес.

Омпракаш с неожиданной неприязнью оглядел Манека.

– Зачем тебе Дина Далал? Ты что, портной?

– Портной? Вовсе нет. Она подруга моей матери.

Ишвар похлопал племянника по плечу.

– Не впадай раньше времени в панику. Пойдем искать это место.

Манек не понимал сути разговора. Только когда они вышли из вокзала, Ишвар объяснил ему, в чем дело.

– Видишь ли, мы с Омом портные. А у Дины Далал есть работа как раз для двух портных. Вот мы и хотим предложить свои услуги.

– И вы решили, что я перейду вам дорогу, – улыбнулся Манек. – Не беспокойтесь. Я просто студент. Дина Далал училась в одной школе с моей мамой. И она разрешила несколько месяцев пожить у нее.

Они спросили дорогу у торговца пана⁴ и пошли по указанной им улице. У Омпракаша все еще оставались подозрения.

– Если ты собираешься жить у нее несколько месяцев, тогда где твой чемодан, где твои вещи? У тебя что, ничего нет, кроме двух книжек?

– Сегодня я всего лишь познакомлюсь с ней. А вещи из университетского общежития перевезу в следующем месяце. – Они обогнали нищего. Тот неуклюже передвигался на деревянной платформе на колесиках – она приподнимала его на четыре дюйма над землей. На руках у нищего отсутствовали пальцы, а ноги были ампутированы почти до ягодиц. «*O Babu, ek paisa*

---

² Тамаша – индийское песенное (часто юмористическое) представление.

³ Наксалиты – участники вооруженных революционных группировок, поддерживающих маоизм. В Индии приравнены к террористам.

⁴ Пан – жевательная смесь, в которую входят орехи и листья бетелевой пальмы.

day-ray! – тянул он, потряхивая консервной банкой в забинтованных кульнях. – *O babu! Hai Babu! Aray babu, ek paisa day-ray!*⁵»

– За все время, что живу в городе, еще не встречал такого жалкого нищего, – сказал Ишвар, и все с ним согласились. Омпракаш опустил в банку монету.

Они перешли на противоположную сторону и снова спросили дорогу.

– Я живу здесь уже два месяца, – сказал Манек, – но город такой большой и запутанный, что я знаю только несколько больших улиц. А те, что поменьше, все на одно лицо.

– Мы в городе уже полгода, и у нас та же проблема. Поначалу у нас прямо крыша поехала. Первое время никак не могли сесть на поезд – пропускали два или три состава, прежде чем научились протискиваться внутрь.

Манек признался, что ему здесь все ненавистно. Ждет не дождется, когда закончит обучение и вернется домой, в горы.

– Мы тоже приехали ненадолго, – сказал Ишвар. – Вот заработаем немного денег и уедем в свою деревню. Что хорошего в таком большом городе? Шум, толпы людей, жить негде, с водой проблемы, повсюду мусор. Просто кошмар.

– Наша деревня отсюда далеко, – уточнил Омпракаш. – Надо ехать на поезде целый день – только утром доберешься.

– Доберемся, обязательно доберемся, – уверенно произнес Ишвар. – Нет ничего лучше родного дома.

– А я родом с севера, – сказал Манек. – Туда ехать сутки и еще день. Из окна нашего дома видны снежные вершины гор.

– Рядом с нашей деревней течет речка, – продолжал Ишвар. – Слышно, как журчит вода, и видно, как сверкает она на солнце. Там очень красиво.

Некоторое время они шли молча, охваченные мыслями о доме. Нарушил молчание Омпракаш, указав на ларек, где продавали арбузный шербет.

– Неплохо выпить чего-нибудь холодненького в такую жару.

– Хорошая мысль, – сказал Манек. – И выглядит он замечательно.

– Нам не надо, – быстро осадил племянника Ишвар. – Мы утром плотно позавтракали. Выражение лица Омпракаша тут же изменилось.

– Ну, как хотите, – недоверчиво произнес Манек, заказывая себе большой стакан и поглядывая на портных. Те отвели глаза в сторону, стараясь не глядеть на возжеленный кувшин и запотевший стакан. Какие у них усталые лица, какая бедная одежда, изношенные сандалии!

Манек выпил половину стакана и сказал: «Я напился. Хотите теперь вы?»

Портные отрицательно замотали головами.

– Смотрите. Пропадет зря.

– Раз так, тогда давай, – согласился Омпракаш и взял стакан. Сделав большой глоток, он передал шербет дяде.

Ишвар осушил стакан и вернул его продавцу.

– Как вкусно! – сказал он, радостно улыбаясь. – Очень любезно с вашей стороны угостить нас. Нам очень понравилось, спасибо. – Неодобрительный взгляд племянника заставил его замолчать.

«Столько благодарности за глоток шербета, – подумал Манек, – как изголодались эти бедняги по обычной доброте!»

Латунная табличка с позеленевшими от времени буквами на двери веранды гласила: Мистер и миссис Рустам К. Далал. Открыла дверь сама Дина Далал. На клочке мятой бумаги она разглядела надпись, сделанную собственной рукой.

---

⁵ О, господин! Подайте денежку!.. О, господин! (*хинди*)

– Вы портные?

– Да, – сказал Ишвар, вежливо кланаясь. По приглашению хозяйки все трое вошли на веранду и стояли, ощущая неловкость.

Веранда, задуманная как открытая галерея, была позже перестроена и стала отдельной комнатой еще в то время, когда покойный муж Дины Далал был ребенком. Родители решили сделать ее детской, чтобы как-то увеличить площадь маленькой квартирки. Открытые места заложили кирпичом, оставив просвет для зарешеченного окна.

– Но я приглашала только двух портных, – сказала Дина Далал.

– Простите, я не портной. Мое имя – Манек Кохлах. – И Манек выступил из-за спин Ишвара и Омпракаша.

– Ах, так ты Манек! Добро пожаловать! Извини, что не признала. Я уже сто лет не видела твою маму, а тебя – и вовсе никогда.

Она пригласила Манека в гостиную, оставив портных на террасе.

– Подожди меня здесь, пока я разберусь с теми двумя.

– Конечно.

Манек осмотрелся. Мебель в комнате старая: разбитый диван, два стула с потертыми сиденьями, весь в царапинах и щербинках чайный столик, обеденный стол, покрытый выцветшей и потрескавшейся скатертью из искусственной кожи. «Хозяйка вряд ли живет здесь сама, – решил Манек, – наверное, просто сдает квартиру». Краска на стенах облезла. Некоторые места, где отвалилась штукатурка, напомнили Манеку, как он, рассматривая облака, любил угадывать в их очертаниях животных и пейзажи. Здесь ему тоже привиделись картинки. Вот собака подняла лапу. Резко пикирует ястреб. Мужчина с палкой карабкается в гору.

На веранде Дина Далал пригладила рукой свои черные, еще не тронутые сединой волосы и подошла к портным. Хотя ей исполнилось сорок два года, на лбу не было ни единой морщинки. Уже шестнадцать лет она сама обеспечивала себя, но это не ожесточило женщину и не испортило красивого лица, которое прежде заставляло друзей брата соперничать за ее внимание.

Дина Далал спросила у портных, как их зовут и насколько они опытни в своем деле. Портные заверили ее, что знают все о женской одежде.

– Надо только снять мерки с клиентки, и тогда мы сошьем все, что угодно, – уверенно заявил Ишвар. Переговоры вел он, в то время как Омпракаш только кивал.

– Мерки снимать не придется, – сказала Дина Далал. – Шьем по выкройкам. Каждую неделю будете сдавать две или три дюжины изделий – как захочет компания – в одном стиле.

– Работа для детей, – сказал Ишвар. – Но мы согласны.

– А что ты на это скажешь? – обратилась Дина Далал к Омпракашу, который с явным пренебрежением следил за беседой. – Ты ни слова не проронил.

– Мой племянник открывает рот, только если не согласен, – сказал Ишвар. – Его молчание – добрый знак.

Дине Далал понравилось лицо Ишвара – такие люди располагают к себе, с ними легко вести беседу. Но племянник отпугивал – неразговорчивый парень. У него был слишком маленький подбородок, и лицо становилось пропорциональным, только когда он улыбался.

Она назвала свои условия: работа сдельная, и еще – нужно принести свои швейные машины. «Чем больше одежды сошьете, тем больше заработаете», – прибавила Дина Далал, и Ишвар согласился, что это справедливо. Расценки устанавливаются в зависимости от сложности фасона. Часы работы: с восьми утра до шести вечера – не меньше; дополнительные часы приветствуются. И никакого курения и жевания пана в рабочее время.

– Пан мы не жуем, – сказал Ишвар. – Но любим иногда покурить биди⁶.

---

⁶ Биди – распространенные в Индии тонкие азиатские сигареты, набитые необработанными листьями табака с примесью

– Тогда придется курить на улице.

Условие было принято.

– Где мы будем работать? – спросил Ишвар. – Куда нам нести швейные машины?

– Прямо сюда. Приходите на следующей неделе, и я покажу, куда их поставить. Будете работать в задней комнате.

– О'кей! Спасибо. В понедельник обязательно придем. – Уходя, мужчины помахали Манеку. – Скоро увидимся.

– Непременно увидимся, – помахал в ответ Манек. Уловив в глазах Дины Далал немой вопрос, он рассказал о знакомстве в поезде.

– Надо быть осторожнее, – посоветовала женщина. – Можно наткнуться и на жуликов. Город – не твой поселок в горах.

– Они вроде люди хорошие.

– Похоже на то, – сдержанно отозвалась Дина Далал и еще раз извинилась, что приняла его за портного. – Ты стоял за их спинами, и я тебя толком не разглядела – у меня слабые глаза. – «Разве можно сравнить этого красивого юношу с каким-нибудь кривоногим портняжкой, – подумала она. – Как глупо с моей стороны! На вид крепкий парень. Наверное, на пользу пошли горный воздух, здоровая пища и чистая вода».

Склонив голову набок, она внимательно разглядывала юношу.

– Прошло больше двадцати лет, но я вижу в твоём лице материнские черты. Ведь мы с Абан учились в одной школе.

– Мне это известно. – От ее пристального взгляда Манеку было не по себе. – Мама писала об этом в письме. Она хотела бы, чтоб я поселился у вас со следующего месяца. Чек за аренду жилья она вышлет.

– Да, да, разумеется, – сказала Дина Далал, отмахиваясь от этих деталей и уносясь мыслями в прошлое. – В школе мы были маленькими разбойниками. С нами дружила еще Зенобия. Нашу троицу учителя звали «Бедой» с большой буквы «Б». – При этом воспоминании по лицу женщины пробежала грустная улыбка. – А теперь позволь я покажу тебе мой дом и твою комнату.

– Вы здесь живете?

– А где же еще?

Познакомив Манека с планировкой маленькой запущенной квартиры, она спросила, что он изучает в колледже.

– Рефрижерацию и кондиционирование.

– Тогда надеюсь, тебе удастся что-нибудь сделать, чтобы в квартире было не так жарко.

Манек слабо улыбнулся. Убогость обстановки поразила его. «Не намного лучше, чем в студенческом общежитии, – подумал он. – И все же – скорей бы переехать! После того, что там произошло, все сойдет». При воспоминании о случившемся его бросило в дрожь, и он поспешил переключить внимание на другое.

– Комната очень уютная. Спасибо, миссис Далал.

В углу стоял уродливый, обшарпанный буфет с чемоданом на самом верху. Рядом прилежал небольшой письменный стол. Здесь, как и в гостиной, потолок был грязный, побелка кое-где облупилась, краска на стенах выцвела, а в нескольких местах обвалилась штукатурка. Несколько замазанных цементом мест казались недавно залеченными ранами. Две односпальные кровати стояли под прямым углом вдоль стен. «Она что – будет спать в той же комнате?» – подумал Манек.

– Одну кровать я передвину к себе.

Через приоткрытую дверь он увидел комнату еще меньше своей и вдобавок в худшем состоянии. Помимо буфета (тоже с чемоданом наверху), там теснились два стула, шаткий стол и три старых сундука, поставленные друг на друга.

– Не хотелось бы стеснять вас, – пробормотал Манек, на которого квартира произвела гнетущее впечатление.

– Не говори глупости. – Голос женщины звучал весело. – Я и раньше собиралась сдавать комнату, а теперь счастливый случай помог мне заполучить в жилыцы замечательного юношупарса⁷, сына школьной подруги.

– Вы очень добры, миссис Далал.

– И одна к тебе просьба. Зови меня тетя Дина.

Манек согласно кивнул.

– Свои вещи можешь принести в любое время. Не понравится в общежитии – милости прошу. Ждать следующего месяца не обязательно.

– Нет, что вы, но благодарю вас, миссис...

– Изволь поправиться.

– Я хотел сказать – тетя Дина. – Оба улыбнулись.

После ухода Манека она во внезапно нахлынувшем волнении, словно перед долгим путешествием, бродила по квартире. Теперь не нужно ехать к брату и выпрашивать деньги. Дина Далал глубоко вздохнула. В очередной раз ей удалось сохранить хрупкую независимость.

Завтра она привезет первую партию ткани из «Оревуар экспорте».

---

⁷ Парсы – последователи зороастризма (религии, сложившейся из откровений пророка Заратустры) в Индии.

Глава первая

Город у моря

Дина Далал редко позволяла себе с сожалением и горечью вспоминать былые годы или задаваться вопросом, почему жизнь сложилась именно так, лишив ее того блестящего будущего, какое сулили ей в школьные годы, когда она была еще Диной Шроф. Но если она изредка и погружалась в такое состояние, то поспешно из него выбиралась. «Какой смысл ворошить давнюю историю, – говорила она себе, – если все равно все закончится тем же самым: какой путь ни выберешь, все равно окажешься на том же месте».

Отец Дины был врачом, терапевтом со скромной практикой, исполнявшим клятву Гиппократова с большей горячностью, чем прочие представители этой профессии. В начале карьеры сверстники, родственники и старшие товарищи приписывали его преданность работе юношескому рвению и задору. «Как бодрит этот энтузиазм молодости», – говорили они с улыбкой и со знанием дела кивали головой, не сомневаясь, что со временем здоровая доля цинизма и обязанности главы семейства умерят идеалистический пыл.

Но ни брак, ни рождение сына, а спустя одиннадцать лет и дочери никак не изменили доктора Шрофа. Время только усугубило дисбаланс между горячим стремлением облегчить людские страдания и желанием заработать приличные деньги.

«Какая жалость, – качали головами родные и друзья. – Какие на него возлагались надежды! А он трудится, как раб на галерах, не получая никакого удовольствия от жизни. Бедная миссис Шроф! Ни развлечений, ни вечеринок – безрадостное существование!»

В пятьдесят один год, когда большинство врачей стараются перейти на неполный рабочий день, нанимая дешевого помощника, или даже продают практику, уходя пораньше на пенсию, доктор Шроф не имел ни солидного банковского счета, ни стремления его иметь. Вместо этого он добровольно возглавил кампанию по распределению выпускников медицинских колледжей во внутренние районы страны. Там, где ни наука, ни техника не вступили в единоборство с тифом и холерой и болезни косили всех подряд, доктор Шроф вознамерился остановить смертельный серп или хотя бы притупить его.

Миссис Шроф в свою очередь тоже начала кампанию, которая сводилась к тому, чтобы убедить мужа отказаться от затеи, грозившей ему, по ее разумению, неминуемой гибелью. Она пыталась убедить дочь повлиять на отца. Ведь двенадцатилетняя Дина была его любимцей. Миссис Шроф знала, что сын Нусван здесь ничем не поможет. Его вмешательство только испортит дело.

Поворотный момент в отношениях отца и сына произошел семь лет назад, в день, когда Нусвану исполнилось шестнадцать. На праздничный обед созвали тетюшек и дядюшек, и кто-то из них сказал: «Ну, Нусван, скоро ты пойдешь по стопам отца и тоже станешь доктором».

– Я не хочу быть доктором, – отозвался Нусван. – Я займусь бизнесом – импортом и экспортом.

Кое-кто из родственников понимающе кивнул. Другие отпрянули в притворном ужасе.

– Это правда? Преемственности не будет? – насели они на доктора Шрофа.

– Конечно, правда, – ответил он. – Я не даю на детей.

Однако пятилетняя Дина уловила на лице отца обиду, которую тот не успел скрыть. Она подбежала к нему и забралась на колени: «Папочка, я хочу, как ты, стать врачом, когда вырасту».

Все засмеялись и заплотировали, говоря: какая смышленная девчонка, знает, как своего добиться, даром что маленькая. А позже перешептывались между собой: да, сын не из того теста, что отец – никакой цели, многого не добьется.

Дина не утратила этого желания и в последующие годы, продолжая видеть в отце своего рода божество, которое дает людям здоровье, побеждает болезни, а иногда даже спасает от смерти. Доктор Шроф был в восторге от своей умненькой дочки. Директор и учителя монастырской школы всегда превозносили ее на родительских собраниях. Доктор Шроф не сомневался: дочь добьется успеха, если захочет.

Миссис Шроф тоже была уверена: только дочь может помешать отцу осуществить глупейший филантропический план, и не даст тому уехать в глухомань. Однако Дина отказалась участвовать в заговоре – ей не нравилось, что любимого папочку хотят удержать дома насильно.

Тогда миссис Шроф пошла другим путем. Теперь она уже не говорила о деньгах, об опасностях или о семье, понимая, что так она ничего не добьется. Она напомнила мужу о его пациентах – старых, больных и немощных: «Что будет с ними, если ты уедешь? Они доверяют тебе и надеются на тебя. Как можно быть таким жестоким? Ты даже не представляешь, как много значишь для них».

«Ничего плохого не случится», – сказал доктор Шроф. Он знал, что любовь жены может подсказать ей самые невероятные аргументы, и потому терпеливо объяснил, что в городе достаточно терапевтов, которые способны справиться с самыми разными болезнями, а в тех местах, куда он едет, врачей совсем нет. Но это всего лишь временная командировка, утешал доктор жену, обнимая и целуя ее больше обычного. «Обещаю, что скоро вернусь», – сказал он. – Ты даже не успеешь соскучиться».

Но доктор Шроф не сдержал обещания. Он умер через три недели после начала медицинской кампании, но не от тифа или холеры, а от укуса кобры – смертельного из-за отсутствия сыворотки.

Миссис Шроф с удивительным спокойствием приняла печальное известие. «Это потому, что она жена врача и ближе знакома со смертью, – говорили люди. – Наверное, она не раз слышала от мужа о смерти пациентов, и таким образом как бы приготовилась к неизбежному для всех концу».

Но, когда она проворно занялась подготовкой к похоронам, с поразительной деловитостью вникая в каждую мелочь, окружающие задались вопросом, все ли с ней в порядке. Миссис Шроф открывала и закрывала сумочку, оплачивая всевозможные расходы, а в перерывах принимала соболезнования, утешала скорбящих родственников, поддерживала огонь в масляной лампе у изголовья ложа доктора Шрофа, стирала и гладила белое сари⁸, следила за тем, чтобы в доме было достаточное количество благовоний и сандалового дерева. Она лично давала наставления кухарке по приготовлению специальных вегетарианских блюд на каждый день.

После полных четырех дней похоронных церемоний⁹ Дина все еще плакала. Миссис Шроф, подсчитывающая расходы на молитвы у «башни молчания»¹⁰, сказала ей: «Ну-ка, перестань, дочка! Будь умницей. Папе это не понравилось бы». И Дина изо всех сил старалась сдерживать слезы.

Но миссис Шроф рассеянно прибавила, выписывая очередной чек: «А ведь ты могла остановить его, если бы захотела. Тебя бы он послушал».

После этих слов Дина разрыдалась в голос. Теперь она не только горевала по отцу, но испытывала жгучую ярость, почти ненависть к матери. Потребовалось несколько месяцев, чтобы она осознала: в словах матери не было ни злобы, ни обвинения – простая констатация печального факта.

---

⁸ Белое сари – символ верности и аскетизма – носят вдовы. (Примеч. ред.)

⁹ Похороны у зороастрийцев (парсов) совершаются на четвертый день.

¹⁰ «Башня молчания», или дахма – погребальное сооружение, где зороастрийцы оставляют мертвых на растерзание стервятникам. Этот обряд связан с убеждением, что мертвецы «нечистые», и такое захоронение должно препятствовать загрязнению стихий – Земли или Огня.

Спустя шесть месяцев после смерти доктора, опора, какой стала для близких миссис Шроф, стала понемногу крошиться. Замкнувшись в себе, она теряла интерес и к домашнему хозяйству, и к себе самой.

На двадцатитрехлетнем Нусване, уже строящем планы будущей жизни, это почти не отразилось. Однако Дина, которой было только двенадцать, остро нуждалась в родительской опеке. Она отчаянно скучала по отцу. А отчуждение матери только ухудшило ее состояние.

* * *

Нусван Шроф стал самостоятельно зарабатывать на жизнь за два года до смерти отца. Он был еще холост, жил в семье и откладывал деньги, подыскивая подходящее жилье и подходящую жену. Когда умер отец и мать ушла в добровольное затворничество, он понял, что искать жилье теперь необязательно, а вот жену надо найти поскорее.

Он возложил на себя обязанности главы семьи, став законным опекуном Дины. Все родственники приняли это как само собой разумеющееся. Они хвалили его за бескорыстный порыв и говорили, что раньше ошибались на его счет. Нусван взял в свои руки и семейные финансы, дав обещание, что мать и сестра не будут ни в чем нуждаться – его жалованья хватит на все. Но он лукавил, понимая, что получит достаточно денег от продажи амбулатории доктора Шрофа.

Первым решением Нусвана в роли главы семьи было сокращение прислуги. Он оставил кухарку, приходившую на полдня и готовившую два основных блюда, и уволил Лили – служанку с проживанием. «Мы не можем, как прежде, жить на широкую ногу, – заявил он. – Моего жалованья не хватит».

Миссис Шроф выразила сомнение в правильности решения сына.

– А кто будет следить за порядком в доме? Мои руки и ноги уже не те, что раньше.

– Не волнуйся, мама. Обязанности мы разделим между собой. Ты будешь делать легкую работу – смахивать пыль с мебели, например. Каждый будет мыть за собой посуду – чашки, блюдца. А Дина – молодая девушка, кровь с молоком. Ей только пойдет на пользу, если ты научишь ее, как держать в порядке дом.

– Возможно, ты прав, – согласилась миссис Шроф, не совсем убежденная в необходимости такой экономии.

Но Дина знала, что дело в другом. Неделей раньше она, направляясь ночью в туалет, проходила мимо кухни. Там она увидела Лили на столе с раздвинутыми ногами и брата, который втиснулся меж ее ног – пижамные штаны болтались на икрах – и крепко прижимал к себе бедра служанки. Дина с любопытством разглядывала его голые ягодицы, потом тихонько прокралась к себе, так и не зайдя в туалет. Щеки ее пылали. Наверно, она чуть замешкалась, и Нусван заметил ее.

Никто не проронил о случившемся ни слова. Лили (получив скромное вознаграждение, о котором не узнала миссис Шроф) покинула дом со слезами, заявив, что таких замечательных хозяев ей больше не найти. Дина жалела ее и в то же время презирала.

В доме установился новый порядок. Все старались, как могли. Эксперимент по самообслуживанию поначалу казался просто забавой. «Словно живешь в кемпинге», – сказала миссис Шроф.

– Тот же дух товарищества, – согласился Нусван.

С каждым днем у Дины появлялось все больше обязанностей. Участие Нусвана в эксперименте сводилось к мытью чашки и тарелки после завтрака. Других обязанностей у него не было.

Однажды утром, допивая чай, он сказал: «Сегодня я что-то припозднился. Пожалуйста, Дина, помой за мной».

– Я тебе не служанка. Сам мой свою грязную посуду! – Копившееся неделями возмущение девочки выплеснулось наружу. – Ты говорил, что каждый будет делать свою работу! А теперь заставляешь меня убирать за тобой!

– Вы только взгляните на эту тигрицу. – Нусвана позабавила выходка сестры.

– Нельзя так говорить со старшим братом, – мягко упрекнула Дину миссис Шроф. – Не забывай – мы все должны участвовать в хозяйстве.

– Он все врет! Он ничего не делает! Все делаю я!

Нусван обнял мать.

– Пока, мама.

Дину он дружелюбно похлопал по плечу, но та отпрянула от него.

– А, тигрица все еще в ярости, – сказал он на прощанье.

Миссис Шроф постаралась успокоить Дину, обещая поговорить с Нусваном и убедить его взять служанку хотя бы на неполный рабочий день, но ее решимость к концу дня пропала. Все осталось, как было. А с течением времени она не только не восстановила справедливость, а, напротив, прибавила забот своей и без того загруженной дочери.

Теперь с миссис Шроф приходилось обращаться как с ребенком. Она ела, только если перед ней ставили наполненную тарелку. Но еда не шла впрок – мать с каждым днем все больше худела. Ей приходилось напоминать, чтобы она помылась и сменила одежду. Она чистила зубы, только если на зубную щетку выдавливали пасту. Помогать матери мыть голову стало самой неприятной обязанностью для Дины. Волосы женщины клочьями падали на пол ванной. При расчесывании дело обстояло не лучше.

Раз в месяц миссис Шроф ходила в храм огня – возносить молитвы за душу покойного мужа. Она говорила, что для нее утешительно слышать, как старый дастур¹¹ Фрамжи молится за него. В эти дни Дина сопровождала мать, опасаясь, как бы она не заблудилась.

Перед началом церемонии дастур Фрамжи вкрадчиво пожимал руку миссис Шроф, а Дину одаривал продолжительным объятием, какое приберегал для девушек и молодых женщин. Любовь к «обнимашкам» принесла ему прозвище «дастур Обними Меня», а также враждебность коллег, которые не столько осуждали его за эту слабость, сколько порицали за отсутствие тонкости, за неумение придать этим ласкам отеческий или духовный характер. Жрецы боялись, что однажды он не сумеет сдержать свой пыл и опозорит священный храм.

Дина испытывала неловкость, когда дастур обнимал ее, проводил рукой по волосам, гладил шею, похлопывал по спине и крепко к себе прижимал. Короткая щетинистая борода, похожая на хлопья тертого кокосового ореха, царапала щеки и лоб. Дастур отпускал ее как раз в тот момент, когда она набиралась решимости и делала попытку вырваться из цепкой западни его рук.

Весь оставшийся после посещения храма день Дина старалась вызвать мать на разговор – просила совета в хозяйственных вопросах или спрашивала какой-нибудь рецепт, а когда это не действовало, заводила разговор об отце и о первых месяцах их супружеской жизни. Молчание погруженной в неведомые грезы матери ставило Дину в тупик – девочка чувствовала свое бессилие.

Но вскоре ее беспокойство за мать ослабело – молодость брала свое. Будет время, и она получит свою порцию боли и печали, так зачем раньше срока взваливать на себя эту ношу?

Миссис Шроф выражалась теперь односложно или просто вздыхала, глядя на Дину в ожидании ответа. Вытирая мебель, она никогда не забывала смахнуть пыль с рамки, в которую была вставлена фотография мужа, сделанная в день окончания колледжа. Большую часть времени она проводила у окна.

---

¹¹ Дастур – высший зороастрийский религиозный чин.

Нусван предпочитал видеть в постепенной деградации матери всего лишь приличествующий вдове отказ от мирской суеты и тягу к духовной жизни. Свое внимание он сосредоточил на воспитании Дины. Его не оставляла мысль о тяжелой ответственности, лежащей на его плечах.

Нусван всегда считал отца поборником строгой дисциплины, испытывал перед ним благоговейный трепет и даже немного боялся его. Если он хочет занять его место, то должен вызывать такой же страх в других, считал он, и часто молился, испрашивая мужества и помощи. Он признавался родственникам – дядюшкам и тетюшкам, что неповиновение Дины, ее упрямство сводят его с ума. И только помощь богов дает ему силы для исполнения долга.

Родственников трогала его искренность. Они обещали молиться за него: «Не тревожься, Нусван. Все будет хорошо. Мы зажжем лампу в храме огня».

Воодушевленный их поддержкой, Нусван стал раз в неделю брать с собой в храм Дину. Там он совал ей в руку сандаловую палочку и яростно шептал в ухо: «Молись хорошенько! Проси Великого Отца сделать тебя хорошей и послушной девочкой».

Пока она молилась перед священным огнем, Нусван бродил у наружных стен жертвенного помещения, разглядывая портреты дастуров и жрецов. Он переходил от одного изображения к другому, трогал гирлянды, касался рамок, целовал стекло, пока не подходил к величественному изображению Заратустры, и на целую минуту припадал к нему губами. Потом брал немного пепла из сосуда, стоявшего у входа в святилище, мазал себе лоб, горло и, расстегнув две верхние пуговицы рубашки, натирал грудь.

«Словно тальком себя присыпает», – думала Дина. Склонившись в молитве, она уголком глаза следила за братом и еле удерживалась от смеха. Но голову не поднимала, пока брат не прекращал свои смешные манипуляции.

– Молилась усердно? – спрашивал он при выходе из храма.

Дина кивала.

– Это хорошо. Теперь дурные мысли покинут твою голову, а на сердце будет легко и спокойно.

Дине не разрешалось навещать в каникулы подружек. «В этом нет необходимости, – сказал Нусван. – Ты достаточно видишь их в школе». Приходить к ней можно было тоже только с его разрешения. Визиты подруг не доставляли Дине радости – ведь брат все время следил за ними.

Однажды он подслушал ее разговор с Зенобией: девочки смеялись над его зубами. Это укрепило Нусвана в убеждении, что за этими чертовками нужен глаз да глаз. Зенобия говорила, что он похож на лошадь.

– На лошадь с плохими зубами, – прибавила Дина.

– Таким бивням и слон бы позавидовал, – продолжала Зенобия.

Когда Нусван вошел в комнату, девочки изнемогали от смеха. Он окинул их грозным взглядом и со зловещим видом покинул комнату, оставив за собой гробовую тишину. «Ага, сработало! – удивился он, почувствовав удовлетворение. – Страх работает!»

Нусван всю сознательную жизнь страдал из-за кривых зубов и в ранней юности даже сделал попытку их исправить. Тогда Дине было лет шесть-семь, и она без конца дразнила его. Лечение у ортодонта было болезненным, и он от него отказался, но никогда не упускал возможности пожаловаться, что отец-врач не позаботился о его зубах. И указывал на идеальные зубы сестры – свидетельство явной несправедливости.

Мать, видя его переживания, пыталась оправдаться: «Это я виновата, сынок. Я не сразу узнала, что детям надо каждый день массировать зубы. Меня этому научила только няня Дины, и тебе помочь я не успела».

Но обида у Нусвана так и не прошла. После ухода подруги Дине крепко досталось. Он попросил сестру повторить то, что она говорила. Девушка смело повторила.

– У тебя есть привычка болтать все, что приходит в твою глупую голову. Пойми, ты уже не ребенок. Кто-то должен научить тебя хорошим манерам. Полагаю, этим человеком являюсь я. – И, вздохнув, Нусван принялся неожиданно сильно хлестать ее по лицу, остановившись только когда рассек ей нижнюю губу.

– Свинья! – зарыдала Дина. – Хочешь, чтоб я стала такой же уродливой, как ты? – После этих слов Нусван схватил линейку и стал лупить девочку изо всех сил, а та уклонялась от ударов и бегала по комнате.

На этот раз миссис Шроф обратила внимание, что с дочерью что-то не так.

– Почему ты плачешь, дочка?

– Подлый Дракула! Он избил меня до крови!

– Тс-с... Бедняжка. – Мать обняла Дину и тут же вернулась на свое место у окна.

Через два дня после ссоры Нусван, желая загладить вину, принес Дине набор лент.

– Они будут хорошо смотреться в твоих косичках, – сказал он.

Дина вытащила из школьного ранца ножницы для рукоделия и изрезала ленты на мелкие кусочки.

– Ты только взгляни, мама! – воскликнул Нусван чуть ли не в слезах. – Взгляни на свою злую дочь! Мне деньги нелегко даются. Я потратил их на нее – и вот благодарность.

В борьбе за дисциплину линейка стала любимым орудием Нусвана. Чаще всего причиной наказания был непорядок с его одеждой. Проглажив, отутюжив и разложив вещи на четыре стопки, Дине надлежало убрать их в комод: белые рубашки, цветные рубашки, белые брюки, цветные брюки. Иногда она специально перекладывала рубашку в тонкую полоску в стопку с белыми рубашками или брюки в клетку в стопку с белыми. Несмотря на наказания, Дина никогда не уставала провоцировать брата.

– Она так ужасно себя ведет, что, наверное, в ее сердце поселился сам сатана, – отвечал устало Нусван на расспросы родственников. – Может, стоит отправить ее в интернат?

– Нет, не надо! Не делай этого опрометчивого шага, – взмолились родственники. – Подумай, как много девушек-парси погубил интернат! Будь уверен, Бог вознаградит тебя за терпение. Да и сама Дина, когда вырастет и поймет, что ты думал о ее благе, тоже поблагодарит тебя. – Уходя, они переговаривались между собой, называя Нусвана святым: иметь такого брата – счастье для каждой девушки.

Получив одобрение родственников, Нусван не сменил тактику. Он сам покупал Дине одежду, считая, что лучше знает, как следует одеваться юной девушке. Обычно купленная им одежда сидела на Дине плохо: Нусван не брал сестру за покупками. «Не хочу спорить с тобой в присутствии продавца, – говорил он. – Ты всегда ставишь меня в неловкое положение». Если сестра нуждалась в новой форме, он вместе с ней приходил в школу в тот день, когда там были портные, чтобы присутствовать при снятии мерок. Он вытягивал из портных сведения, касающиеся расценок и материалов, чтобы получить скидку. Дина ненавидела этот ежегодный ритуал, предвидя, что в очередной раз испытает стыд перед одноклассниками.

Все ее подруги уже носили короткую стрижку, и Дина умоляла брата разрешить ей обрезать волосы. «Разреши мне подстричься, и я обещаю мыть пол в столовой ежедневно, а не через день, – торговалась она. – А хочешь, буду каждый вечер чистить твою обувь?»

– Нет, – отрезал Нусван. – В четырнадцать лет рано носить фасонные стрижки. Косички – в самый раз. Кроме того, я не могу тратить на парикмахера. – Однако не замедлил внести чистку обуви в список обязанностей сестры.

Спустя неделю после решительного разговора с братом Дина с помощью Зенобии отрезала косички в школьном туалете. Зенобия мечтала о карьере стилиста и радовалась, что ей так повезло – может попрактиковаться на подруге.

– Давай снимем волосы по-максимуму, – предложила она. – Подстрижем тебя «под мальчика».

– Ты с ума сошла? – испугалась Дина. – Нусвана удар хватит.

Они остановились на стрижке «паж» – сантиметра на два выше плеч, и Зенобия, не моргнув глазом, отрезала Дине косички. Получилось слегка неровно, но девочки остались довольны результатом.

Дина не решилась выбросить косички в мусорный ящик и, положив их в ранец, пошла домой. Она гордо расхаживала по дому и каждый раз, проходя мимо зеркала, ловила в разных ракурсах свое отражение. Потом зашла к матери и остановилась, ожидая удивления, восторга или вообще какой-нибудь реакции. Но миссис Шроф ничего не заметила.

– Мама, тебе нравится моя новая прическа? – спросила наконец Дина.

Миссис Шроф остановила на ней невидящий взгляд.

– Очень мило, дочка. Очень мило.

В тот вечер Нусван поздно вернулся домой. Поздоровавшись, он сказал матери, что сегодня было много работы. И только потом увидел Дину. Тяжело вздохнув, он приложил руку ко лбу. Нусван очень устал, и ему хотелось на этот раз обойтись без ссоры. Но разве можно оставить без наказания такую дерзость и неповиновение? Тогда он не сможет себя уважать.

– Подойди ко мне, Дина. Объясни, почему ты ослушалась меня.

Девочка почесала шею, зудевшую от оставшихся после стрижки волосков.

– Как это ослушалась?

Брат влепил ей пощечину.

– Не отвечай вопросом на вопрос.

– Ты сказал, что у тебя нет денег на парикмахера. Так вот – я подстриглась сама.

Он снова ее ударил.

– Говорю тебе – не дерзи!

Взяв линейку, он больно ударил ее по ладоням, а потом, сочтя ее проступок слишком серьезным, стал бить по костяшкам пальцев.

– Я тебя проучу. Ведешь себя как шлюха.

– Посмотри на себя в зеркало. У тебя прическа, как у клоуна, – огрызнулась Дина, и не думая сдаваться.

Сам Нусван считал, что его прическа – образец элегантности и достоинства. Он носил волосы на прямой пробор – аккуратно уложенные и сильно напомаженные. Язвительная насмешка сестры вызвала в нем взрыв негодования. Он стегал Дину линейкой по плечам и ногам, а потом загнал в ванную, где стал срывать с нее одежду.

– Больше ни слова! Молчи! Сегодня ты превзошла самое себя! Помойся хорошенько ты, грязная тварь! Смой с себя обрезки волос, а то растрясешь их по всему дому и навлечешь на нас несчастье.

– Уж кому нечего волноваться, так это тебе! Твое лицо и смерть отпугнет. – Дина стояла совершенно голая на кафельной плитке, но брат не уходил. – Мне холодно, – сказала она.

Сделав шаг назад, Нусван окатил ее холодной водой из ведра. Дина дрожала всем телом, но во взгляде по-прежнему был вызов. Нусван коснулся соска на ее груди, и девочка вздрогнула.

– У тебя не грудь, а два пупырышка. Не думай, что ты уже женщина. Тебе надо их подрезать, как и язычок.

Брат смотрел на нее как-то странно, и Дина испугалась. Она понимала, что ее дерзкие ответы разозлили его, но это никак не увязывалось с тем взглядом, с каким он уставился на нежный пушок в том месте, где соединялись ее ноги. Благоразумнее прикинуться покорной – так гнев его быстрее утихнет. Дина отвернулась и заплакала, закрыв лицо руками.

Нусван удалился, чувствуя себя победителем. Но тут его внимание привлек лежащий на кровати ранец. По сложившейся привычке контролировать жизнь сестры он открыл его и увидел поверх учебников злополучные косички. Стиснув зубы, Нусван брезгливо взял одну

косичку большим и указательным пальцами, и ярость на его лице внезапно сменилась слабой улыбкой.

Когда Дина вышла из ванной, Нусван достал моток изоляционной ленты и приклеил косички к ее волосам.

– Так будешь ходить, – сказал он. – Повсюду – даже в школу, пока волосы опять не отрастут.

Ну почему она не спустила эти мерзкие косички в школьный унитаз? Теперь они свисали с ее головы, словно хвосты дохлых крыс.

На следующее утро Дина тайком взяла с собой в школу изоляционную ленту. Перед тем как войти в класс, она отцепила ненавистные косички. Довольно болезненная процедура – Нусван их крепко примотал. После школы Дина с помощью Зенобии снова приклеила косички. Так ей удавалось день за днем избегать наказания.

Через некоторое время в городе начались беспорядки, вызванные Разделом¹² и уходом англичан, и Дина оставалась дома вместе с Нусваном. В округе был введен комендантский час. Офисы, предприятия, колледжи, школы – все было закрыто, и от гадких косичек спасения не было. Нусван разрешал снимать их только на время купания и строго следил, чтобы после они сразу же возвращались на место.

Чувствуя себя в квартире, как в западне, Нусван постоянно ворчал, скорбя о постигших страну напастях.

– Сидя дома, я каждый день теряю деньги. Эти дикари не заслуживают независимости. Если им не терпится перерезать друг другу глотки, сделали бы это тихо и, желательно, подальше отсюда. Где-нибудь в своих деревнях. А наш тихий город у моря оставили бы в покое.

Когда волнения утихли, Дина почувствовала себя птичкой, выпущенной из клетки на волю: восемь часов в школе вдали от неусыпного надзора Нусвана казались ей счастьем. Да и он был рад вернуться в свой офис.

В первый вечер после воцарения в городе нормальной жизни Нусван вернулся домой в приподнятом настроении.

– Комендантский час отменен, и твое наказание тоже. Можешь выбросить косички, – сказал он и великодушно прибавил: – А тебе идет короткая стрижка.

Открыв портфель, он извлек оттуда обруч для волос.

– Носи его вместо изоленты, – пошутил брат.

– Сам носи, – огрызнулась она.

* * *

Прошло три года со смерти отца, и Нусван женился. А спустя еще несколько недель мать полностью замкнулась в себе. Если раньше она послушно следовала инструкциям – поднимайся, пей чай, мой руки, глотай лекарство, то теперь между ней и окружением выросла стена непонимания.

Дине стало трудно справляться со своими обязанностями по уходу за матерью. Когда запах из комнаты миссис Шроф уже нельзя было игнорировать, Нусван робко заговорил об этой проблеме с женой. Он не осмеливался открыто просить ее о помощи, но надеялся, что она сама захочет помочь.

– Руби, дорогая, маме все хуже. Она нуждается в постоянной заботе.

– Помести ее в дом престарелых, – посоветовала Руби. – Там ей будет лучше.

---

¹² Раздел Индии – процесс разделения в 1947 году бывшей британской колонии Британская Индия на независимые государства: Доминион Пакистан и Индийский Союз.

Нусван согласно кивнул, но остановился на более дешевом и более гуманном варианте – не спихнул мать в богадельню, как, без сомнения, поступили бы жестокие люди, а нанял на полный день сиделку.

Но та надолго не задержалась: миссис Шроф не прожила и года, и тогда все поняли, что жена доктора ничем не отличается от прочих смертных и не застрахована от обычной участи всех людей. Она умерла в тот же день по шахиншахскому¹³ календарю, что и муж. Поминальные молитвы по ним последовательно возносил в храме огня все тот же дастур Фрамжи. К этому времени Дина уже научилась уклоняться от его более чем дружеских объятий. Когда он приближался, она вежливо протягивала ему руку и отступала на шаг, потом еще на один и так далее. Не имея возможности преследовать ее в молитвенном зале среди чаш с горящим сандалом, дастур только глупо улыбался и прекращал охоту. После того, как истек первый месяц молитв в память миссис Шроф, Нусван решил, что Дине нет смысла продолжать учебу. Ее последние оценки оставляли желать лучшего. Дину могли отчислить, если бы директор школы в память о докторе Шрофе не закрыла на это глаза.

– Со стороны мисс Ламб очень любезно пойти навстречу и перевести тебя в следующий класс. Но факт остается фактом – твои оценки из рук вон плохи. Я не стану еще год зря тратить деньги.

– По твоему приказу я целыми днями скребу и чищу весь дом. И часу не остается в день на занятия. Чего ты ждешь?

– Не оправдывайся. Такой сильной молодой девушке ничего не стоит сделать кое-что по дому. К учебе это не имеет никакого отношения. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло? В нашем городе тысячи детей чистят ботинки на вокзалах, собирают бумагу, стекло, пластиковые бутылки, а вечером учатся. И ты еще жалуешься? У тебя просто нет интереса к учебе. Поэтому я забираю тебя из школы.

Дина не собиралась сдаваться без борьбы. Она надеялась, что жена Нусвана ее поддержит. Руби, однако, предпочла остаться в стороне, и на следующий день Дина, когда ее послали со списком на рынок за продуктами, побежала к дедушке.

Дедушка жил у одного из сыновей в комнате, пропахшей лекарствами. Стараясь не дышать, Дина обняла старика и торопливо выплеснула на него свои горести.

– Дедушка, прошу тебя! – взмолилась она. – Пожалуйста, скажи, чтоб он меня не мучил!

Дряхлевшему не по дням, а по часам дедушке потребовалось время, чтобы понять, кто перед ним стоит, и еще какое-то время, чтобы сообразить, чего от него хотят. Старик не надел вставную челюсть, и разобрать его речь было трудно.

– Принести тебе зубы, дедушка? – предложила Дина.

– Нет, нет! – яростно замахал руками дед. – Не хочу зубы! Они корявые, от них десны болят. Проклятый дантист. Ни на что не годится. Мой плотник сделал бы зубы лучше.

Дина еще раз, очень медленно, повторила свой рассказ, и старик наконец понял, в чем дело.

– Аттестат? Тебе? Конечно, нужен. Ты должна окончить школу и поступить в колледж. Я потребую, чтобы этот негодяй не мешал тебе. Велю этому Нозеру, нет, Невину, то есть Нусвану, ну конечно, Нусвану, определить тебя в колледж.

Старик послал к Нусвану слугу с приказом явиться к нему как можно скорее. Нусван не посмел послушаться деда – он очень дорожил мнением семьи. Ссылаясь на дела, он отправился к деду только через несколько дней, прихватив с собой союзника в лице Руби. Ей был дан наказ – понравиться старику.

Со времени визита Дины дед успел позабыть внучку. Из их разговора он ничего не помнил. На этот раз вставная челюсть была на месте, но это не помогло. Старик с трудом, после

---

¹³ Зороастрийский календарь, по этому календарю новый год начинается в весеннее равноденствие 21 марта.

многочисленных подсказок, похоже, признал родственников. Не обратив внимания на Руби, он вдруг решил, что Нусван и Дина муж и жена, и, несмотря на ласки и уговоры Дины, остался при своем мнении.

Руби тем временем сидела на диване, держа старика за руку. Она предложила помассировать ему ступни и, не дожидаясь ответа, ухватила его за левую ногу и стала ее растирать. У старика были длинные желтые ногти, которые давно стоило подстричь.

Дед в ярости вырвал ногу из ее цепких пальцев. «*Kya karta hai? Chalo, jao!*»¹⁴

Пораженная тем, что к ней обратились на хинди, Руби в изумлении таращилась на старика. Дед повернулся к Нусвану:

– Она что, слов не понимает? На каком языке говорит твоя *ayah*¹⁵? Пусть сойдет с моего дивана и подождет на кухне.

Оскорбленная Руби встала и пошла к двери.

– Грубый старик! – прошипела она. – Да, моя кожа немного темновата. Ну и что?

Нусван сухо попрощался и последовал за женой, но на пороге обернулся и бросил торжествующий взгляд на Дину, которая пыталась сгладить ситуацию. Она осталась с дедом, надеясь, что тот мобилизует скрытые ресурсы и придет ей на помощь. Спустя час она поцеловала старика в лоб и тоже ушла.

Больше Дина его не видела. Через месяц он умер во сне. На похоронах ей стало интересно, насколько отросли за это время дедушкины ногти, но белая простыня скрывала все, кроме его лица.

* * *

В течение четырех лет Нусван методично откладывал деньги на свадьбу Дины. Собралась уже достаточная сумма, и он решил выдать ее замуж в ближайшее время. Нусван с гордостью говорил себе, что трудностей здесь не будет. За это время Дина выросла в красивую девушку и, несомненно, заслуживала самого хорошего мужа. Свадьба будет пышной, какую и заслуживает сестра удачливого бизнесмена, и люди еще долго будут о ней говорить.

Когда Дине исполнилось восемнадцать, Нусван стал приглашать домой подходящих женихов. Все они вызывали у нее отторжение: молодые люди были друзьями Нусвана и напоминали его своими словами и поступками.

Нусван не сомневался: рано или поздно ей кто-нибудь да понравится. Теперь он не следил, когда и куда сестра уходит: она уже не подросток и не нуждается в тотальном контроле. Если Дина убиралась в доме и покупала по данному Руби списку продукты, в доме царил покойствие. Если в семье и возникали ссоры, то только между Диной и Руби, как будто Нусван передал эстафету жене.

Иногда Дина проявляла на рынке инициативу и покупала цветную капусту вместо обыкновенной, или ей вдруг безумно хотелось цыплят, и тогда она жертвовала апельсинами. Дома Руби отчитывала ее за такую самостоятельность: «Негодяйка, ты испортила моему мужу обед!» Однако эти слова шли не от души – просто ей надо было соответствовать образу заботливой жены.

Но женщины не всегда ссорились и бранились. Постепенно они все больше сближались. Среди прочих вещей Руби принесла в дом после свадьбы небольшую ручную швейную машину. Она показала Дине, как ею пользоваться, и научила шить такие простые вещи, как наволочки, простыни, занавески.

---

¹⁴ Что ты делаешь? (хинди).

¹⁵ Служанка (хинди).

Когда у Руби родился первый ребенок – мальчик, которого называли Ксерксом, – Дина помогала за ним ухаживать. Она шила детскую одежду и вязала шапочки и кофточки. На первый день рождения малыша она связала пинетки. Утром этого счастливого дня они украсили Ксеркса гирляндами из роз и лилий и нарисовали большую красную точку в центре его лобика.

– Ну что за малыш! – умилилась Дина.

– А какие ты связала пинетки – просто чудо! – сказала Руби, крепко ее обнимая.

Но это был редкий день без споров. Покончив с хозяйственными делами, Дина предпочитала проводить время вне дома. На личные траты отводились деньги, которые удавалось сэкономить на покупках. Ее совесть была чиста: эти деньги – пусть частичная, но все же компенсация за тяжелый домашний труд, считала она.

Руби заставляла ее отчитываться до последней пайсы¹⁶.

– Покажи мне чеки. На все, что ты купила. – И она ударяла по кухонному столу с такой силой, что на кастрюле подпрыгивала крышка.

– Где ты видела, чтобы торговки рыбой или зеленью у дороги выписывали чеки? – огрызалась Дина, швыряя чеки из магазинов и часть мелочи, оставшуюся от покупок с рук. С этими словами она покидала кухню, а невестка ползала по полу, отыскивая и подсчитывая монеты.

На автобусные билеты денег хватало. Дина ездила в парки, бродила по музеям и рынкам, подходила к кинотеатрам, чтобы полюбоваться на афиши, и робко заглядывала в публичные библиотеки. Вид склоненных над книгами голов наводил на мысль, что она здесь лишняя. Похоже, все они тут образованные, а она даже школу не кончила.

Страхи развеялись, когда она увидела, что эти серьезные люди читают самую разную литературу – не только трудно произносимую «Ареопагитику» Джона Мильтона, но и «Иллюстрированный индийский еженедельник». Со временем эти большие старые читальные залы с высокими потолками, скрипучим полом и темными панелями стали ее излюбленным убежищем. Свисающие на длинных штангах внушительного вида вентиляторы бесшумно гоняли воздух, а кожаные кресла, ни с чем не сравнимый запах старых книг и шелест переворачиваемых страниц вносили в душу спокойствие. И что самое лучшее – люди переговаривались шепотом. Только однажды Дина услышала окрик – то швейцар прогонял бродягу, пытавшегося проникнуть внутрь. Сама она проводила там часы, пролистывая энциклопедии, разглядывая альбомы по искусству, с интересом открывая пыльные медицинские справочники, а под конец просто сидела несколько минут с закрытыми глазами в темном углу старинного здания, где время по желанию могло останавливаться.

В более современных библиотеках были музыкальные комнаты. А еще там были пластиковые столы, флуоресцентное освещение, кондиционеры, ярко окрашенные стены, и всегда много народу. Дине эти библиотеки казались холодными и негостеприимными, и она заходила туда, только если хотелось послушать музыку. Музыка она знала плохо. Несколько имен – Брамса, Моцарта, Шумана и Баха – она помнила с детства: тогда отец сажал ее на колени, включал приемник или ставил пластинку и говорил: «Музыка помогает забыть тревоги этого мира, правда?» И Дина серьезно кивала головой.

Пластинки в библиотеке она выбирала наугад, стараясь запомнить те, которые ей нравились, чтобы послушать их еще раз. Дело было не из легких: симфонии, концерты и сонаты отличались только номерами, перед которыми стояли буквы Оп., или К., или BWV¹⁷, и она не знала, что это значит. Если ей везло, она находила пластинку с именем, отзывавшимся в ее памяти, и, когда начинала звучать знакомая музыка, на какое-то время погружалась в прошлое, и ее пронзала боль узнавания, будто к ней возвращалась некая утраченная часть.

---

¹⁶ Пайса – разменная монета в Индии, Непале и Пакистане, одна сотая рупии.

¹⁷ BWV – «Каталог работ Баха», общепринятое сокращение с немецкого.

Дина и жаждала, и одновременно страшилась этих острых музыкальных переживаний. Блаженные минуты в музыкальной комнате сменялись безотчетным гневом при возвращении домой – к Нусвану и Руби. Самые болезненные ссоры происходили после прослушивания музыки.

Журналы и газеты упрощали дело. Из газет Дина узнала, что в городе есть несколько культурных центров, спонсирующих концерты и сольные программы. На многие представления, особенно местных коллективов или малоизвестных иностранных, вход был свободный. Дина стала тратить часть своих денег на концерты и выяснила, что они являются приятной альтернативой библиотеке. Исполнители, без сомнения, тоже были благодарны ей за присутствие в полупустых залах.

В фойе Дина жалась к стенам, ощущая себя лишней. Казалось, все вокруг хорошо знают музыку и исполнителей – с таким умным видом они разглядывали программки и что-то в них отмечали. Она не могла дождаться, когда распахнутся двери и тусклый свет скроет от чужих глаз ее невежество.

В концертном зале музыка не имела над ней той власти, что во время уединенных часов в библиотеке. Здесь музыка шла рука об руку с «человеческой комедией». Со временем Дина начала узнавать постоянных посетителей.

Один старик всегда засыпал на четвертой минуте после начала концерта; опоздавшие из вежливости обходили ряд, где он сидел, чтобы случайно его не потревожить. На седьмой минуте у старика сползли очки. На одиннадцатой (если произведение было достаточно длинным, и его не будили аплодисменты) рот старика приоткрывался и становились видны зубы. Дине он напоминал дедушку.

В первом ряду всегда сидели две сестры, обе на пятом десятке, высокие, худые, с заостренными подбородками, они хлопали невпопад, прерывая сон старика. Дина сама не разбиралась в сонатной форме, однако понимала, что пауза в музыке не всегда означает конец произведения. Она аплодировала, только когда это делал мужчина с козлиной бородкой, носивший очки в круглой проволочной оправе, – тот выглядел знатоком и всегда знал, когда нужно хлопать.

Еще один постоянный посетитель, занятный мужчина средних лет, всегда в одном и том же коричневом костюме, был знаком почти со всеми. В фойе он метался от одного человека к другому, крутил головой в разные стороны и убеждал, что их ждет замечательный концерт. Его галстуки наводили на размышления. Иногда они занимали господствующее положение на груди и были такие длинные, что хлестали по брюкам. А порой еле дотягивали до живота. Узлы также варьировались от почти микроскопических до размеров гигантской самосы¹⁸. От одной группы к другой он не переходил, а, скорее, перепрыгивал, обмениваясь двумя-тремя словами, потому что, говорил он, до начала концерта всего несколько минут, а поприветствовать нужно всех.

В фойе Дина заметила молодого человека, который, подобно ей, разглядывал издали веселое содружество любителей музыки. Обычно, стремясь поскорей удрать из дома, она приезжала раньше других и видела, как юноша подкатывает к входу на велосипеде, аккуратно слезает с него и вводит велосипед в ворота. За небольшую плату охранник позволял ему эту вольность. Молодой человек ставил велосипед у стены, вешал на него замок и снимал с багажника портфель. Затем освобождал брюки от прищепок и засовывал их в портфель. И только потом устраивался в полюбившемся уголке фойе, чтобы посмотреть программку и поглазеть на публику.

---

¹⁸ Самоса – индийский пирожок с овощами.

Иногда они встречались глазами, и в их взглядах сквозило молчаливое понимание. Забавный мужчина в коричневом костюме не замечал Дину, но включил юношу в разряд тех, кого всегда приветствовал.

– Привет, Рустам! Как поживаешь? – крикнул он. Так Дина узнала имя молодого человека.

– Хорошо, спасибо! – ответил тот, глядя через плечо человека в коричневом костюме на Дину, с удивлением наблюдавшую за ними.

– Скажи, что ты думаешь о сегодняшнем пианисте? Сможет ли он достичь той глубины, что требуется в медленной части? Как ты считаешь, ларго... О, прости меня, прости, я вернусь через минуту, только поздороваюсь с мистером Медора. – И мужчина исчез. Рустам улыбнулся Дине и покачал головой с притворным отчаянием.

Раздался звонок, и двери зрительного зала призывно распахнулись. Две рослые сестры синхронной прыгающей походкой заторопились в первый ряд, опустили обитые красно-коричневой тканью сиденья и с ликующим видом плюхнулись в кресла, радостно улыбаясь друг другу, как люди, в очередной раз одержавшие победу. Дина заняла привычное место в центре зала, ближе к проходу.

Зал постепенно наполнялся, и к ней подошел Рустам.

– Это место свободно?

Она кивнула.

Молодой человек сел.

– Занятный человек, этот мистер Тоддивалла, правда?

– Его так зовут? Да, он забавный.

– Даже если концерт так себе, он не даст скучать.

Свет понемногу померк, и на сцену вышли два исполнителя, встреченные аплодисментами.

– Кстати, меня зовут Рустам Далал, – сказал молодой человек и, наклонившись, протянул руку, а в это время флейта в ответ на серебристое фортепианное «ля» послала свое – золотистое.

– Дина Шроф, – шепнула она, собираясь ответить на рукопожатие, но, не сразу заметив его движение, несколько опоздала: Рустам уже отвел руку.

В антракте Рустам спросил, что она желает – кофе или что-нибудь из прохладительных напитков.

– Ничего, спасибо.

Они смотрели, как слушатели расходятся: кто в буфет – освежиться, кто в туалет. Рустам закинул ногу на ногу и сказал: «А я часто вижу вас здесь на концертах».

– Да, я получаю от них большое удовольствие.

– Вы сами играете? Ну, на фортепьяно или?..

– Нет.

– Жаль. У вас такие красивые пальцы. Я был уверен, что играете.

– Нет, не играю, – повторила Дина. Щеки ее слегка покраснелись, и она мельком глянула на свои пальцы. – Я ничего не смыслю в музыке. Просто люблю ее слушать.

– Думаю, это самое главное.

Не совсем понимая, что он имеет в виду, Дина согласно кивнула.

– А вы? Играете?

– Родители, как всякие добросовестные парсы, заставили меня в детстве играть на скрипке, – засмеялся он.

– А теперь вы ее забросили?

– Не совсем. Иногда у меня возникает желание помучить себя, и тогда я вынимаю скрипку из футляра и извлекаю из нее ужасный скрежет и визг.

Дина улыbnулась.

– Зато ваши родители довольны.

– Они умерли. Я живу один.

Улыбка застыла на ее губах, и она уже собиралась сказать, как сожалеет, но Рустам опередил ее.

– Теперь от моей игры страдают только соседи. – И молодые люди дружно засмеялись.

С тех пор они всегда сидели на концертах рядом, и через неделю Дина позволила угостить себя во время антракта водой «Магнолия». Когда они потягивали в фойе питье из холодных бутылок, глядя как причудливо оседают на стекле пузырьки, к ним подошел мистер Тоддивалла.

– Как тебе, Рустам, первое отделение? На мой взгляд, спорное исполнение. Флейтисту, если он и впредь собирается концерттировать, надо основательно заняться дыхательной гимнастикой. – Мистер Тоддивалла не уходил, дожидаясь, чтоб его представили Дине. Собственно, для этого он и подошел. Потом он запрыгал к следующей жертве.

После концерта Рустам проводил Дину до автобусной остановки, ведя рядом велосипед. Остальные слушатели провожали их глазами. Чтобы прервать молчание, Дина спросила:

– Вам не страшно ездить на велосипеде при таком движении?

Рустам покачал головой.

– Я много лет так езжу. Это уже стало моей второй натурой.

Он дождался, пока она войдет в салон, а потом долго ехал за красным двухэтажным автобусом, пока их пути не разошлись. Дина следила в темноте за фигуркой, которая то пропадала, то вдруг возникала в свете фонаря снова, а потом превратилась в точку, которую только ее воображение могло считать Рустамом.

Через несколько недель постоянные посетители концертов уже воспринимали молодых людей как пару. За каждым их движением следили с сочувствием и любопытством. Такое внимание забавляло Рустама и Дину, но они предпочитали относиться к нему примерно так же, как к фиглярству мистера Тоддивалла.

Однажды, приехав на концерт, Рустам не увидел среди собравшихся Дину. Одна из двух сестер, узурпировавших первый ряд, тут же подошла к нему и стыдливо шепнула: «Не волнуйтесь. Она здесь. Просто отошла в дамскую комнату».

Прошел сильный дождь, и промокая до нитки Дина пыталась обсушиться в дамской комнате, однако миниатюрный носовой платок плохо подходил для этой цели. Висевшее на крючке полотенце выглядело в высшей степени непривлекательно. Сделав, что смогла, Дина вышла в фойе. С волос у нее по-прежнему капало.

– Что случилось? – спросил Рустам.

– Вывернуло зонтик. А я не смогла быстро с ним справиться.

Он предложил ей воспользоваться своим большим платком. Наблюдатели вокруг замерли, следя с интересом: примет она предложение или нет?

– Нет, спасибо, – отказалась она, проводя рукой по мокрым волосам. – Они скоро высохнут. – Меломаны затаили дыхание.

– Не беспокойтесь – платок чистый, – улыbnулся он. – Вернитесь и как следует высушитесь. А я тем временем закажу нам горячий кофе. – Дина все еще колебалась, и он пригрозил, что снимет рубашку и прямо здесь станет сушить ей волосы. Тогда она со смехом взяла у него платок и вернулась в дамскую комнату. Собравшиеся облегченно вздохнули.

Внутри Дина изо всех сил терла платком волосы. «Приятный запах у платка, – подумала она. – И это не одеколон, а просто запах чистой кожи. Его запах». Этот запах она иногда ощущала, когда сидела рядом с Рустамом. Она прижала платок к лицу, глубоко вдохнула и тут же в смущении отняла.

Когда концерт закончился, дождь еще накрапывал. Молодые люди шли к автобусу. От звука сбегавших капель, листья деревьев словно шипели. Дину била дрожь.

– Вам холодно?

– Немного.

– Надеюсь, вы не простудились. Видно, что промокли до костей. Может, наденете мой плащ, а я возьму ваш зонтик?

– Что вы такое говорите! Он же сломан! Да и как вы тогда поедете на велосипеде?

– Прекрасно поеду. На велосипеде я могу передвигаться даже стоя на голове. – Рустам настаивал, и на автобусной остановке обмен все же произошел. Он помог ей надеть свой плащ – мужская рука слегка задержалась на ее плече. На холодной коже пальцы казались особенно теплыми. Плащ подошел – только рукава были длинноваты. Девушка понемногу согревалась, наверное потому, думала она, что плащ все еще хранит тепло владельца.

Они стояли близко друг к другу и глядели, как в свете фонаря мелькают дождевые нити. Тогда они впервые взяли за руки – это казалось так естественно. Когда подошел автобус, им было трудно оторваться друг от друга.

С тех пор Рустам ездил на велосипеде только на работу. На концерты он приезжал на автобусе, и теперь они могли гулять, а потом он провожал Дину домой.

Дина была этому рада. Ей хотелось, чтобы он вообще прекратил ездить на велосипеде – опасное занятие, учитывая городское движение.

* * *

– Я собираюсь выйти замуж, – заявила Дина за обедом.

– Вот как! – обрадовался брат. – Прекрасно, прекрасно. Кто счастливец – Солли или Порус? – Этих джентльменов он недавно представил сестре.

Дина покачала головой.

– Тогда, должно быть, Дара или Фирдош, – сказала Руби, понимающе улыбнувшись. – Они оба без ума от тебя.

– Его зовут Рустам Далал.

Нусван выглядел удивленным: человека с таким именем не было среди многочисленных кандидатов, которых в последние годы он приводил в дом. Может, она встретила его на одном из семейных сборищ – их он ненавидел всей душой.

– И где же *мы* с ним познакомились?

– *Мы* нигде не знакомились. Только я.

Ответ Нусвану не понравился. Его оскорбило, что сестра с презрением отвергла всех его кандидатов, наплевала на его мнение – и все ради какого-то незнакомца.

– Значит, ты вот так сразу хочешь выйти замуж за этого парня? А что ты знаешь о нем и его семье? И что он знает о тебе и твоей семье?

– Все, – ответила Дина тоном, от которого ему стало не по себе. – Я знакома с Рустамом уже полтора года.

– Ясно. Ну и конспирация. – Нусван постарался подпустить в голос сарказма. – А чем занимается этот Далал, твой таинственный Рустам?

– Он фармацевт.

– Ага! Фармацевт! Жалкий составитель порошков! Так его и называй! Потому что он таков и есть – весь день за прилавком готовит разные смеси по рецептам.

Нусван спохватился: пока нет смысла выходить из себя.

– Ну и когда мы увидим твоего миллионера?

– Зачем? Чтобы его оскорблять?

– У меня нет повода для этого. Я просто считаю своим долгом познакомиться с ним, а потом сказать, что я о нем думаю. Но решать, конечно, тебе.

В назначенный день Рустам явился к ним в дом с коробкой засахаренных фруктов для Нусвана и Руби и вручил ее Ксерксу, которому к этому времени было почти три года. Дине он подарил новый зонтик. Она поняла смысл подношения и улыбнулась. Когда на них не смотрели, Рустам подмигнул ей.

– Какой красивый! – восхитилась Дина, раскрывая зонтик. – Будто очаровательная пагода! – Ткань была цвета морской волны, а ручка из нержавеющей стали, с заостренным концом.

– Опасное оружие, – пошутил Нусван. – Будь осторожна.

Они пили чай с сырными сэндвичами и сливочным печеньем, приготовленным Руби и Диной. Встреча прошла гладко. Но вечером, после ухода гостя Нусван сказал, что не понимает – мозги в голове у сестры или опилки.

– Выбрала не пойми кого – как говорится, ни рожи, ни кожи, ни денег, ни перспектив. Женихи обычно дарят невесте кольцо с бриллиантом. Или золотые часы, или, на худой конец, брошь. А твой что принес? Жалкий зонтик! А ведь я потратил кучу времени и сил, знакомя тебя с адвокатами, аудиторами, крупными полицейскими чинами, инженерами-строителями. Все они из лучших семей. Что скажут люди, когда узнают, что моя сестра выходит замуж за ничем не примечательного идиота-фармацевта? Не жди от меня бурного ликования, и на свадьбу я не приду. Для меня это будет день глубокого траура.

Как печально, сокрушался он, что сестра в пику ему разрушает собственную жизнь.

– Попомни мои слова, твоя злоба рикошетом ударит по тебе. Я не в силах ничего сделать: тебе уже двадцать один год, ты больше не маленькая девочка, которую я опекал. И если ты сознательно коверкаешь свою жизнь, все, что я могу – с грустью на это взирать.

Дина других слов не ждала. Но они словно обтекали ее и, журча, исчезали, никак ее не затрагивая. Так дождь струился по плащу Рустама, вспоминала она, в тот памятный вечер. Дина в очередной раз задалась вопросом, где брат научился так искусно, с таким пылом выражать свое негодование? Ни отец, ни мать этого не умели.

Через несколько дней Нусван стал понемногу успокаиваться. Если уж Дина решила выйти замуж и уйти из семьи, то будет лучше, если все произойдет мирно, без ссор. В глубине души он был рад, что Рустам Далал птица невысокого полета. Было бы куда хуже, если б Дина отвергла его друзей ради какой-нибудь шишки.

В подготовке к свадьбе Нусван проявил большой энтузиазм и щедрость, чем Дина ожидала. Он хотел заказать зал для торжества и оплатить все расходы из собранных для нее денег.

– Брачная церемония состоится после заката, а потом – свадебный ужин. Мы покажем высший класс – все будут тебе завидовать. Оркестр из четырех музыкантов, цветы, свечи. Думаю, триста гостей – мне по карману. Но никакого спиртного – и дорого, и рискованно. Полиция по надзору за выполнением «сухого закона» не дремлет, и если дашь взятку одному из полицейских, сразу же выстроится очередь из десяти.

Этим вечером, лежа в постели, Руби, беременная вторым ребенком, выразила недовольство экстравагантным поведением Нусвана.

– Если они хотят пожениться, оплачивать свадьбу должен Рустам Далал. Это не твоя обязанность – тем более что Дина выходит замуж против твоей воли. Она никогда не ценила того, что ты для нее делаешь.

Однако у Рустама и Дины были более скромные планы. Брачная церемония прошла утром. По желанию Дины церемония состоялась в том же храме огня, где возносились молитвы за родителей в дни их кончин. Дастур Фрамжи, старый и ссутулившийся, наблюдал ритуал со стороны, недовольный тем, что не его пригласили свершить свадебный обряд. Время наложило на него свой отпечаток, и теперь молодые женщины редко оказывались в его когда-то цеп-

ких объятиях. Однако, несмотря на солидный возраст, его продолжали звать «дастур Обними Меня».

– Какой позор! – пожаловался он коллеге. – Ведь с семьей Шроф меня многое связывает. Они приходят ко мне, когда кто-то умирает – для совершения обрядов, чтения молитв. А в счастливые моменты их жизни, вроде свадебных церемоний, я не нужен. Стыд – да и только.

Вечером в доме Шрофов был праздничный прием. На нем настоял Нусван, он же обеспечил обслуживание. Присутствовало сорок восемь гостей, из которых шестеро были друзьями Рустама; пришли также его тетя Ширин и дядя Дараб. Остальные были со стороны Нусвана, включая дальнюю родню, которую нельзя было не пригласить, не вызвав порицания родственников – вкрадчивых намеков, к которым он был очень чувствителен.

Столовая, гостиная, кабинет Нусвана и четыре спальни были оборудованы для праздника – расставлены столы с закусками и напитками, оставлено место для общения гостей. Ксеркс и его маленькие друзья, охваченные азартом, с визгом и смехом бегали из комнаты в комнату. Дети наслаждались внезапно обрушившейся свободой в доме, где раньше чувствовали себя как в тюрьме под суровым надзором строгого папочки. Нусван ворчал про себя, когда кто-то из детей сталкивался с ним, но виду не подавал – напротив, улыбался и ласково похлопывал ребенка по спине.

Во время приема Нусван под общие аплодисменты достал четыре бутылки шотландского виски. «Теперь праздник пойдет веселее, и веселье передастся молодоженам!» – говорили между собой гости, понимающе кивая и посмеиваясь, и тихо отпускали шуточки, не предназначенные для женских ушей.

– Ну, зятек, – сказал Нусван, позвякивая перед Рустамом двумя пустыми стаканами. – Покажи свое умение – приготовь нам нужную дозу лекарства под названием «Джонни Уокер».

– С радостью, – добродушно ответил Рустам и взял стаканы.

– Да я пошутил, пошутил, – сказал Нусван, не выпуская из рук бутылку. – Нельзя заставлять жениха работать на собственной свадьбе. – Это была единственная колкая шутка, какую он отпустил по поводу профессии жениха.

Через час после подачи виски Руби отправилась на кухню: пришло время подавать обед. Большой стол придвинули к стене, на нем стояли закуски. Официанты, слегка покачиваясь под тяжестью блюд с горячей едой, покрикивали, прокладывая себе дорогу: «Пожалуйста, посторонитесь! Пожалуйста, посторонитесь!» Все почтительно расступались перед такой великолепной процессией.

Аппетитные запахи, доносившиеся из кухни и раньше, теперь внезапно заполнили весь дом, они щекотали ноздри, дразнили нёбо. На какое-то время воцарилась тишина. Кто-то громко пошутил, что у парсов еда всегда на первом месте и только потом беседа. Другой его поправил: нет, беседа – на третьем, а о том, что на втором, не принято говорить при дамах и детях. Те, кто стоял ближе, встретили эту избитую шутку залившимся смехом.

Руби хлопнула в ладоши: «Прошу! Обед подан! Пожалуйста, угощайтесь без стеснения! Еды на всех хватит». Она играла традиционную роль доброй хозяйки, никого не забывала и каждому говорила: «Простите, мы не смогли приготовить ничего достойного вас».

– Что ты говоришь, Руби, все просто замечательно, – отвечали ей. С аппетитом угощаясь, гости не забывали о беременности хозяйки и спрашивали, когда ждут малыша.

Нусван поглядывал на тарелки, шутливо поругивая тех гостей, которые мало ели.

– Что с тобой, Мина, ты шутишь! Воробушек и тот больше съест! – И он подложил Мине еще бириани¹⁹. – Послушай, Хоза, возьми еще один кебаб – они вкуснейшие, поверь, ну еще один, будь умницей! – Несмотря на протесты гостя, Нусван ловко уронил в тарелку целых два. – Захочешь еще – прошу!

---

¹⁹ Бириани – пряный индийский плов.

Когда тарелки у всех наполнились, Дина заметила, что тетя Ширин и дядя Дараб – родственники Рустама – сидят на веранде, в некотором отдалении от остальных, и подошла к ним.

– Ешьте, пожалуйста! У вас все есть?

– Более чем достаточно, дитя мое, более чем достаточно. – Тетя Ширин поманила Дину к себе, а потом сделала ей знак наклониться и сказала на ухо: «Если тебе что-нибудь будет нужно – помни, все что угодно, – ты можешь обратиться ко мне и Дарабу».

Дядя Дараб согласно кивнул – слух у него был отменный.

– Обращайся с любой проблемой. Рустам для нас – как сын. А ты – как дочь.

– Спасибо, – поблагодарила их Дина, понимая, что это не пустые слова. Она посидела с ними, пока они ели. Со своего места Нусван, помахивая тарелкой и вилкой, звал ее, приглашая тоже что-нибудь поесть. Немного позже, ответила жестом Дина, оставаясь с тетей Ширин и дядей Дарабом, которые и во время еды не спускали с нее любящих глаз.

Когда Нусван дал сигнал официантам наводить порядок, в доме еще оставалось несколько гостей. Они поняли намек и, поблагодарив хозяев, распрощались.

Уходя, один из гостей ухватил Рустама за лацкан пиджака и со смехом шепнул ему, обдав запахом виски, что им несказанно повезло: нет ни тещи, ни свекрови.

– Просто нечестно! Счастливцев! Никто не станет спрашивать, все ли гладко прошло! И простыню не будут осматривать! – Гость ткнул Рустама пальцем в живот. – Ничего не скажешь, легко отделался!

– Всем спокойной ночи, – говорили Нусван и Руби. – Спокойной ночи! Спасибо, что пришли.

Когда дверь закрылась за последним гостем, Рустам сказал: «Это был чудесный вечер. Спасибо вам обоим за труды».

– Да, правда, все прошло замечательно. Большое спасибо, – прибавила Дина.

– Не стоит благодарности, – ответил Нусван, и Руби кивнула, соглашаясь с мужем. – Это наш долг.

Первоначально Дина и Рустам приняли предложение Нусвана переночевать у них. Но потом поняли, что комнаты после праздника нужно основательно приводить в порядок. Было удобнее сразу ехать на квартиру Рустама.

– Пусть вас ничего не беспокоит. Здесь все приберут – за это заплачено, – успокоил их Нусван. – А вы езжайте себе. – И он крепко обнял каждого из них. Второй раз за этот день он обнимал Дину. Первый раз – утром, когда дастур благословил новобрачных. За семь лет впервые он одарил ее лаской.

У Дины комок встал в горле. Она нервно сглотнула, видя, как Нусван тайком смахнул с глаз слезу.

– Желаю вам большого счастья! – сказал он.

Дина взяла чемоданчик с вещами на первую ночь. Остальное ей привезут позже. Нусван собирался отдать ей часть родительской мебели. Брат проводил их по вымощенной булыжником мостовой до такси и помахал на прощанье рукой. Дина с удивлением отметила, что голос его дрогнул, когда он сказал: «Всего хорошего! Да благословит вас Бог!»

На следующее утро они проснулись поздно. Рустам взял на работе недельный отпуск, хотя свадебного путешествия они не могли себе позволить.

Рустам нервно следил, как Дина готовит чай на темной кухне. Кухня была самым запущенным местом в квартире, ее потолок и стены почернели от дыма. Мать Рустама всю свою жизнь топила плиту углем и готовила на ней. Краткое знакомство с керосином не было приятным: пролившись, он воспламенился и обжег ей бедра. И мать пришла к выводу, что с углем гораздо удобнее.

Рустам собирался до свадьбы покрасить кухню и остальные комнаты, но на все не хватило денег. Сейчас он стал извиняться за плохое состояние квартиры:

– Ты не привыкла жить в таких условиях. Вид этих стен ужасен.

– Это не имеет значения. Все отлично, – сказала Дина со счастливой улыбкой. – Мы все здесь приведем в порядок.

Возможно, из-за присутствия в квартире Дины, да еще в столь необычное время, Рустам открывал все новые изъязны в своем быту.

– После смерти родителей я избавился от многих вещей. Понимаешь, они словно сеяли беспорядок, и я решил жить как садху²⁰, оставив скрипку в качестве единственного компаньона. Словом, для подавления страстей вместо ложа из доски с гвоздями – визг кишечной струны.

– А что, струны правда делают из кошачьих кишок?

– В далеком прошлом – да. А еще раньше скрипачам самим приходилось выходить на охоту за струнами. Тогда ведь не было музыкальных магазинов вроде «Л.М. Фуртадо» или «Годин энд Компани». Во всех консерваториях Европы студентов обучали не только музыке, но и извлечению внутренностей у животных.

– Не говори такие ужасы с самого утра, – пожурела молодого мужа Дина, которой на самом деле нравились его чудачества.

– Но теперь я обрел прекрасного ангела, и время садху кануло в прошлое. Да и скрипка может отдохнуть.

– Я люблю слушать, как ты играешь. Тебе надо больше практиковаться.

– Ты шутишь? У меня звук хуже, чем у того типа, что играл на прошлой неделе в «Паткар-Холл». А он играл так, будто у него резонаторные отверстия засорились.

– Звучит как-то не очень.

Дина скорчила гримасу, и Рустам засмеялся.

– Звучит неблагозвучно, но ничего не поделаешь. Хочешь, я тебе их покажу? – Он снял с буфета футляр со скрипкой. – Видишь, на верхней деке два отверстия?

– Да, похоже на бегло написанную «f». – Дина провела пальцем по изгибам эфы и нежно тронула струны. – Сыграй что-нибудь, раз ты ее снял.

Рустам закрыл футляр, слегка приподнялся на цыпочки и задвинул его на буфет: «Играть, играть, – говорили отец и мать».

Взяв руку Дины, он прижал ее к губам.

– Жаль, что я не оставил родительскую двуспальную кровать. – И робко ее спросил: – Тебе было удобно ночью?

– Да, – ответила Дина и покраснела при воспоминании, как они лежали, тесно прижавшись друг к другу на односпальной кровати.

После завтрака из омлета и тостов Рустам открыл входную дверь и сказал, что у него есть для нее сюрприз.

– Вчера было темно, и я не показал тебе.

– Что это?

– Выйди наружу.

На двери в солнечном свете поблескивала латунная табличка «Мистер и миссис Рустам К. Далал». Он так и засветился от доставленной ей радости.

– Я прикрутил ее позавчера.

– Смотрится красиво.

– Изменить имя на табличке нетрудно, сложнее изменить его на договоре об аренде.

– О чем это ты?

---

²⁰ Садху (инд.) – аскет.

– Квартира арендована на имя отца, хотя его нет в живых уже девять лет. Владелец надеется, что я проявлю нетерпение и заплачу деньги, чтобы перевести квартиру на свое имя. Он давно намекает.

– А ты собираешься?

– Конечно, нет. Владелец ничего не может сделать, нас охраняет закон об аренде. Неважно, на чье имя оформлен договор. Ты как моя жена тоже можешь здесь жить. Даже если я завтра умру.

– Рустам! Не говори так!

Он рассмеялся.

– Когда приходят за арендной платой с договором на имя отца, меня иногда так и подмывает сказать, чтоб обращались на небеса. Жилец живет теперь по новому адресу.

Дина положила голову ему на плечо.

– Для меня небеса здесь, в этой квартире.

Рустам крепко ее обнял.

– И для меня. – Он почистил рукавом табличку, отчего она заблестела еще ярче. Пока супруги ею любовались, к дому подкатили две ручные тележки с вещами от Шрофов.

Сначала Нусван заказал грузовик, потому что Дина просила брата отдать ей большой отцовский гардероб, отделанный палисандровым деревом с резьбой в виде солнца с лучами и цветов. Она сказала, что ничего другого ей не надо. Нусван поначалу вроде не возражал, но потом передумал. По его словам, гардероб сильно пострадает при вталкивании в узкую дверь квартиры Рустама, и царапины омрачат память об отце. Кроме того, огромный шкаф будет странно смотреться в крошечной квартирке.

Поэтому он отдал сестре другой шкаф – меньше и проще, письменный стол и две односпальные кровати. Привезли также большой ящик с кухонной утварью, собранной Руби после осторожных выпрашиваний, насколько хорошо оборудована кухня Рустама. Чтобы было с чего начать вести хозяйство, она положила в него кастрюли, сковородки, плитку, столовые приборы, разделочную доску и скалку.

Тележки разгрузили и поставили вместе парные кровати. Один из рабочих предложил купить у них старую – односпальную. Рустам уступил ему кровать за тридцать рупий, а второму рабочему матрас – за десять.

Видя, что Дина провожает взглядом кровать, он сказал: «Я знаю, что ты чувствуешь. Но у нас нет места для лишней кровати». Интересно, подумала она, будут ли они так же близко спать теперь, когда их две.

Но ночь прошла замечательно, и одна из кроватей так и осталась не смятой ко второму утру их семейной жизни. Успокоившись, Дина провела день, обустроя дом по своему желанию. Первым делом она связалась с поставщиком ужинов для Рустама и отменила их доставку. А со следующей недели, когда он выйдет на работу, она станет собственноручно готовить ему и упаковывать ланч.

– Никаких перекусов вне дома и никаких голодовок, – заявила Дина, взобравшись на стул, чтобы обследовать верхнюю полку на кухне. Там она обнаружила латунные и медные сосуды, чайник, набор кухонных ножей.

– Они никуда не годятся, – сказал Рустам. – Я все собираюсь продать их старьевщику. Обещаю сделать это завтра.

– Какая ерунда! Все вещи добротные, старинные. Их можно привести в порядок, запаять оловом. Таких качественных вещей сейчас не делают.

И когда под их окном послышался крик лудильщика, Дина позвала его, попросив запаять прохудившуюся посуду и заклепать ручку у чайника. Она не отходила от мастерского и следила, чтобы тот не халтурил. Когда он закончил работу, Дина проверила всю утварь под водой.

Точильный камень свисал на ремне с плеча лудильщика. Дина хлопнула дважды в ладоши, чтобы привлечь его внимание, и тогда тот тоже включился в работу.

Тупые ножи вскоре засверкали острыми лезвиями. Дина наслаждалась этой энергией, трудом, постукиванием и позвякиванием, которые превращали квартиру в уютное жилище на долгие годы их благословенной жизни с Рустамом. Совместную жизнь надо творить, как все прочее, понимала она, ее надо лепить, ковать и шлифовать, чтобы добиться лучших результатов.

Точильный камень искрился, и мастеровой отвернулся. «Как на Дивали²¹», – подумала Дина, а молоток мастера тем временем радостно стучал в ее ушах.

Первую годовщину семейной жизни Дина и Рустам отметили походом в кино и ужином в ресторане. Они смотрели «Командир подводной лодки» с Уильямом Холденом в роли американского адмирала в Корее. Во время фильма они держались за руки, а после в придорожном ресторанчике ели бириани с курицей.

На следующую годовщину Дина захотела пойти на фильм повеселее. Они остановились на «Высшем обществе» – последней комедии с Бингом Кросби. Дина для этого случая купила новое платье – синее, украшенное яркой баской, переливающейся при ходьбе.

– Не знаю, стоит ли тебе это надевать, – сказал Рустам, стоя сзади и обнимая ее.

– Это еще почему? – улыбнулась Дина и, дразня его, качнула бедрами.

– Ты сведешь с ума всех мужчин на улице. Захвати для обороны свой зонтик с заостренной ручкой.

– Разве ты не защитишь меня?

– Хорошо. Тогда с этим копьём пойду я. Да еще прихвачу с собой скрипку – ее визг и вой скорее прогонят нахалов.

От фильма супруги получили большое удовольствие. Синее платье весь вечер было предметом шуток: они представляли себе, как завистливые женщины и похотливые мужчины жадно тянут к нему руки. Обедать по обоюдному согласию отправились в «Монгини» – это заведение славилось своими десертами.

На третью годовщину они решили пригласить к обеду Нусвана и Руби с детьми (их было уже двое). После свадьбы отношения между семьями сложились самые сердечные. Дину и Рустама всегда приглашали на дни рождения детей, а также на Новруз и Хордад Сал²². Иногда Дина одна или с Рустамом забегала, чтобы побаловать племянников конфетками или просто поздороваться. Вражда настолько отступила, что представить себе прежнюю неприязнь было просто невозможно. Закрадывалось предположение, что она была просто игрой воображения.

Скромное застолье явно удалось. Дина не смогла позволить себе новый наряд и надела прошлогоднее синее платье. Руби пришла от него в восторг. Хвалила она и кулинарные способности Дины, а пулао-дал²³ признала просто отменным. Дина любезно ответила, что многому научилась у невестки: «Но мне еще до тебя далеко».

Для мальчиков, одному из которых было шесть, а другому – три, Дина стряпала отдельно – без специй. Однако Ксеркс и Зарир настаивали, чтоб им дали взрослую еду. Руби разрешила детям немного попробовать, но они не отставали и требовали еще, хотя во рту у них все горело.

– Ничего страшного, – сказала со смехом Дина. – Мороженое потушит огонь.

– А можно нам мороженого прямо сейчас? – хором запросили дети.

---

²¹ Дивали – главный индийский и индуистский праздник, «Фестиваль огней». Ему сопутствуют светящиеся фонарики, фейерверки и зажженные свечи.

²² Новруз – один из семи главных праздников зороастрийцев, отмечается в первый день нового года, в день весеннего равноденствия, символизирует обновление мира. Хордад Сал – день рождения Заратустры, основателя зороастризма.

²³ Пулао-дал – вегетарианский плов, смесь риса с различными овощами, травами.

– Дядя Рустам должен за ним сходить, – сказала Дина. – У нас нет такого холодильника, как у вас. А пока попробуйте вот это, – и она сунула в маленькие ротки леденцы с ритуального подноса с гирляндами и кокосом.

Позже, когда Дина и Руби убрали со стола, Рустам сказал, что пора ехать в магазин «Кволити», где лучшее мороженое.

– Если не будет клубничного, какое брать – шоколадное или ванильное?

– Шоколадное, – сказал Ксеркс.

– Ланильное, – сказал Зарир, и все рассмеялись.

– Ланильное! – шутливо передразнил мальчика Рустам. – Всегда-то тебе надо перечить.

– Не пойму, от кого у него эта черта, – сказал Нусван. – Уж точно не от отца. – Все опять рассмеялись. А Нусван, воспользовавшись подходящей ситуацией, прибавил: – А что же вы, Рустам? Думаю, пора создавать настоящую семью. Три года – достаточный срок, чтоб пожить для себя.

Рустам только улыбнулся, не желая вступать в дискуссию. Он уже открыл дверь, чтобы уходить, но тут поднялся Нусван:

– Давай пойдем вместе.

– Нет, нет, отдыхай, ты же гость. Кроме того, пешком идти долго. А на велосипеде я сгоняю за десять минут.

Дина разложила чистые тарелки, ложечки для мороженого и поставила чайник.

– К приходу Рустама чай будет готов.

Прошло пятнадцать минут, а Рустама все не было.

– Куда он подевался? Чай уже заварился. Может, я налью вам уже?

– Нет,ждемся Рустама, – сказала Руби.

– Должно быть, в магазине очередь за мороженым, – предположил Нусван.

Дина вскипятила еще воды, чтобы распарить заварку. И вернулась к гостям с чайником под стеганым чехольчиком.

– Его нет уже сорок пять минут.

– Возможно, в первом магазине мороженого не оказалось, – успокоил сестру Нусван. – На клубничное большой спрос, оно всегда быстро заканчивается. Он мог пойти в другое место.

– Нет, он знает, что я буду волноваться.

– Рустам мог проколоть шину, – предположила Руби.

– Но и с проколотой шиной велосипед можно прикатить сюда за двадцать минут.

Дина вышла на веранду, надеясь увидеть подъезжающего мужа. Ей припомнились вечера, когда они расставались после концерта, и она с верхнего этажа автобуса провожала Рустама взглядом, пока его велосипед не растворился во тьме.

Она улыбнулась от этого воспоминания, но тревога быстро стерла улыбку с ее лица.

– Пойду – постараюсь узнать, в чем дело.

– Давай лучше я, – предложил Нусван.

– Ты не знаешь, где магазин, и дорогу, по которой ездит Рустам. Вы можете разойтись.

В результате пошли оба. Видя, в каком напряжении Дина, Нусван все время повторял: «Вот увидишь, найдется какое-нибудь простое объяснение». Она кивала и ускоряла шаг. Нусван с трудом за ней поспевал.

Уже перевалило за девять, и на улицах было тихо. В конце улицы, у магазина, где продают мороженое, на тротуаре стояли люди. Подойдя ближе, Нусван и Дина заметили среди них полицейских.

– Интересно, что здесь происходит? – сказал Нусван, тщательно скрывая свое волнение.

Дина первая увидела велосипед.

– Это велосипед Рустама, – произнесла она чужим голосом, прозвучавшим непривычно для ее ушей.

– Ты уверена? – Ответ Нусвану не требовался. На искореженном велосипеде целым осталось только седло. Нусван протиснулся сквозь толпу к полицейским. В голове у Дины что-то взревело, слова полицейских еле слышались, как будто они находились далеко от нее.

– Чертов водитель, – говорил помощник инспектора. – Сбил на грузовике человека и удрал. А несчастному, видно, конец. Голова всмятку. Но скорая все-таки повезла его в больницу.

Бродячая собака жадно лакала подле велосипеда густую розовую жижу. «Значит, в магазине было мороженое», – тупо подумала Дина. Полицейский пнул ногой рыжую дворняжку. Она взвизгнула и отпрыгнула, но потом снова вернулась. Когда он опять ее пнул, собака отчаянно завизжала.

– Да прекратите же! Что она вам сделала? Пусть ест!

Удивленный полицейский только сказал: «Хорошо, мадам» – и отошел. Собака стала жадно, с хлюпаньем есть, поскуливая от удовольствия, и в то же время не отрывала глаз от ног полицейского.

Нусван выяснил у помощника инспектора адрес больницы. Тот, в свою очередь, спросил адрес Дины, не сводящей взгляда с того, что раньше было велосипедом Рустама. Велосипед придется на некоторое время оставить у них как вещественное доказательство, осторожно объяснил полицейский, вдруг удастся отыскать шофера грузовика. Он предложил довести их до больницы.

– Спасибо, – поблагодарил его Нусван. – Но, боюсь, дома будут волноваться.

– Это мы уладим. Пошлем к вам констебля, он скажет, что произошел несчастный случай, и вам пришлось ехать в больницу, – предложил помощник инспектора. – Остальное расскажете при встрече.

Благодаря помощи любезного полицейского, с необходимыми формальностями покончили быстро, и Нусван с Диной могли ехать домой.

– Давай возьмем такси, – сказал Нусван.

– Нет, я хочу пешком.

Когда они подошли к дому, по щекам Дины уже ручьями струились слезы. Нусван обнял ее и погладил по голове.

– Моя бедная сестренка, – прошептал он. – Если б я был в силах вернуть его тебе. Поплачь, это хорошо, плачь, сколько надо. – Когда он рассказывал Руби о случившемся, на глазах у него самого выступили слезы.

– О боже! – разрыдалась Руби. – Какой ужас! Счастье Дины разрушилось в одно мгновение! Как такое может быть? Как Он допустил это? – Руби постаралась успокоиться и только потом разбудила детей. Дина за это время переоделась, сняв с себя синее платье.

– Пора есть клубничное мороженое? – спрашивали Ксеркс и Зарир сонными голосами.

– Дядя Рустам плохо себя чувствует. Нам надо ехать домой, – сказала Руби, решив пока ничего не говорить детям.

Вскоре из своей комнаты вышла Дина, и к ней тут же обратился Нусван:

– Ты поедешь с нами – тут тебе оставаться нельзя.

– Конечно, – поддержала его Руби, пожимая руку невестки.

Дина согласно кивнула, пошла на кухню и собрала остатки плова. Руби с любопытством и даже с некоторым страхом следила за ней, а потом спросила: «Тебе помочь?»

Дина покачала головой.

– Зачем пропадать еде? По дороге домой отдадим ее нищему на углу.

Позднее Нусван, рассказывая о событиях этого дня, говорил, что его потрясло то достоинство, какое проявила сестра в тот страшный вечер.

– Она не выла, не била себя в грудь, не рвала на себе волосы, не делала ничего такого, что ожидаешь от женщины, пережившей такой шок, такую потерю. – Нусван припомнил и то, как мужественно вела себя в подобной ситуации мать, и какой распад, какая быстрая утрата личности последовали потом. Он надеялся, что с Диной такого не случится.

Дина сложила чемодан, положив в него белое сари и прочие вещи, которые потребуются в ближайшие несколько дней. Именно с этим чемоданом она пришла сюда после свадебного пира три года назад.

* * *

После похорон и четырех дней вознесения молитв Дина решила вернуться на старую квартиру.

– К чему такая спешка? – спросил Нусван. – Поживи еще.

– Конечно, – подхватила Руби. – Здесь твоя семья. Что тебе делать одной?

Дина недолго колебалась: она не была готова возвращаться на прежнее место. Труднее всего ей давались предрассветные часы. Дина спала, положив руку на подушку рядом. Иногда она слегка подталкивала локтем подушку – знак Рустаму, чтобы он ее обнял. Не чувствуя тяжести его рук, она просыпалась и, осознав, что мужа рядом нет, в очередной раз оплакивала свою утрату во тьме перед рассветом. Время от времени она выкрикивала его имя, и Руби или Нусван, услышав крик, вбегали к ней, обнимали и гладили по голове.

– Живи у нас. Ты нам не в тягость, – сказал Нусван. – И Руби будет веселее.

И Дина осталась. Прошел слух, что она временно живет у брата, и родственники ручейком потекли к ней со словами утешения. После формального выражения соболезнований разговор обычно принимал характер дружеского общения, чему были рады Нусван и Руби. «Это как раз то, что нужно Дине», – говорили они в один голос.

Тетя Ширин и дядя Дараб все четыре дня посещали молитвенные церемонии в «башне молчания», а через неделю снова навестили Дину. Они немного посидели, выпили по стакану воды с лимонным сиропом, а потом сказали: «Мы как будто потеряли сына. Но помни, ты по-прежнему наша дочь. Будет в чем нужда, приходи к нам. Помни об этом».

Случайно услышавшая эти слова Руби не выдержала: «Очень любезно с вашей стороны, но у нее есть мы, Нусван и я. О ней есть кому позаботиться».

– Да, конечно, слава богу, – сказали старики, обескураженные резкостью ее тона. – Да будет ваша жизнь долгой и счастливой. Дине повезло, что у нее есть вы. – Вскоре они ушли в надежде, что им удалось умиловить Руби.

Прошел месяц, и Дина вернулась к прежней жизни, взяв на себя часть хозяйственных забот. Служанку уволили. Дина не возражала – ей хотелось хоть чем-нибудь заполнить долгие пустые дни. Ксеркс и Зарир были только рады, что тетя Дина теперь будет жить с ними. Ксеркс учился во втором классе, а Зарир только пошел в детский сад. Дина отводила их утром на занятия, труда тут особого не требовалось: она делала это по дороге на рынок.

Воскресными вечерами Нусван затевал карточную игру. Трое взрослых часа два играли в рамми, а дети внимательно следили за игрой. В семь часов женщины начинали готовить ужин, а Нусван развлекался с детьми, строя домики из карт, или второй раз проглядывал воскресную газету.

Раз в неделю Дина ездила на свою квартиру, убиралась, смахивала пыль. Она поддерживала все в том же порядке, какой завела при жизни Рустама. После уборки она заваривала себе чай. И здесь, в этой прокопченной кухне она подолгу сидела с чашкой в руке, предавалась воспоминаниям, иногда тихонько плакала, пока чай совсем не остывал. Оставшийся чай она выливала в раковину.

После нескольких недель этой тайной скорби Дина пошла на небольшое лукавство: она стала притворяться, что все осталось по-прежнему – в квартире живут они с мужем и их расставание временное. «В такой игре нет никакого вреда, – думала Дина, – а она так утешает».

Но однажды вечером, с наступлением сумерек, когда зажглись фары автомобилей, она поймала себя на мысли, что, стоя на веранде, высматривает велосипед Рустама. По спине Дины пробежали мурашки. «Хватит, – решила она. – Когда ты заигрываешь с безумием – это одно, но когда безумие начинает заигрывать с тобой – это знак прекратить игру».

Ритуалу по уборке квартиры был положен конец. Если возникала необходимость ехать туда, Дина обычно брала с собой племянников. Ксеркс и Зарир обожали исследовать нежилую территорию. Знакомые комнаты неожиданно превращались в неизвестное, загадочное место – пустое, несмотря на находящуюся в них мебель. Их сбивала с толку музейная тишина помещения. Они кричали, бегали и прыгали по квартире в надежде изгнать эту тишину.

Однажды, когда Дина в очередной раз приехала на старое место, чтобы забрать кое-какие вещи, она обнаружила письмо от домовладельца. Дети как раз затеяли что-то вроде бега по пересеченной местности, Ксеркс даже начертил маршрут.

– Мы начнем с веранды, добежим до кухни, оттуда до туалета, а потом вернемся назад, пробежав по всем комнатам. Понял, Зарир?

– Понял, – ответил Зарир. Дина скомандовала: «На старт, внимание, марш!» Она открыла окна в гостиной и принялась за письмо. В нем говорилось, что квартира пустует, и потому квартиросъемщику следует освободить квартиру от вещей в течение тридцати дней и вернуть ключи.

Вечером, когда Дина показала письмо Нусвану, он пришел в ярость.

– Твой домовладелец – сущий разбойник! Со дня смерти Рустама и трех месяцев не прошло, а этот змий уже к прыжку готовится. Номер не пройдет! Квартиру надо сохранить.

– Хорошо, на следующей неделе я перееду туда, – сказала Дина.

– Я не это имел в виду. Живи здесь и год, и два – сколько пожелаешь. Но не теряй право на жилье! Попомни мои слова, недалеко время, когда квартиру в нашем городе ни за какие деньги не найдешь. А жилье в старом доме, вроде твоего, будет на вес золота.

– Ты прав, – сказала Руби. – Я слышала, что сыну Путли Мааси один залог обошелся в двадцать тысяч рупий. И ежемесячная плата – еще пятьсот.

– А моя плата... – начала Дина.

– Об этом не беспокойся, я заплачу, – перебил ее Нусван. – А мой адвокат ответит на письмо.

Нусван заглядывал в будущее: рано или поздно Дина вновь выйдет замуж. И тогда отсутствие квартиры может стать серьезным препятствием для брака. Ему совсем не хотелось, чтобы молодожены поселились у него. Тогда проблем не оберешься.

В первую годовщину смерти зятя Нусван не пошел на работу. За день до этого он написал записки в школу и детский сад с просьбой «разрешить детям пропустить занятия, чтобы они могли присутствовать в Храме Огня на богослужении в память о покойном дяде». Дина была благодарна, что все родные пришли в храм.

– Невозможно представить, что уже год прошел, – сказал Нусван, когда они вернулись домой. – Как летит время!

Через несколько дней он пригласил на чай друзей, тем самым как бы объявив о конце траура.

Среди приглашенных были Порус и Солли, двое из тех удовлетворявших всем требованиям холостяков, к которым Нусван настойчиво рекомендовал Дине присмотреться несколько лет назад. Они – по-прежнему неженатые – были, по мнению Нусвана, вполне приемлемы в качестве женихов – особенно если закрыть глаза на небольшие животики и легкую седину.

Гордясь своим умением вести дела, Нусван сказал Дине наедине:

– Хочу тебе сказать, что и Порус, и Солли мечтали бы стать твоими мужьями. У Поруса – процветающая юридическая контора, а Солли теперь – полноправный партнер в бухгалтерской фирме. Они не посмотрят на то, что ты вдова.

– Как великодушно с их стороны!

Нусвану ее сарказм не понравился. Эти слова вызвали в нем воспоминание о прежней Дине – упрямой, дерзкой, непокорной, а он так надеялся, что она изменилась к лучшему. Но брат сдержался и продолжил в прежнем спокойном тоне:

– Твоя выдержка, Дина, произвела на меня сильное впечатление. Никто не упрекнет тебя в легкомыслии во время траура. Весь этот год ты вела себя безупречно.

– Я не притворялась. Это было не трудно.

– Знаю, знаю, – поспешно согласился Нусван, мысленно ругая себя за неточные слова. – Я только хотел сказать, что восхищаюсь достоинством, с каким ты перенесла постигшее тебя горе. Но ты еще так молода. Прошел год, и теперь надо подумать о своем будущем.

– Не волнуйся за меня. Я ценю твоё участие.

– Вот и хорошо. Это все, что я хотел сказать. А теперь пришло время картишек. Руби! – крикнул он в сторону кухни. – Пора садиться за рамми. – Нусван не сомневался, что со временем Дина уступит.

Все следующие недели он неизменно приглашал на чай холостяков из прежнего списка.

– Дина, позволь познакомить тебя... – И тут, словно неожиданно вспомнив: – Да, что я говорю? Что у меня с памятью? Ты ведь знаешь Темтона. Ну да ладно, познакомишься еще раз.

В результате создавалось впечатление, что возобновляются некогда серьезные отношения, вновь разжигается былая страсть. Дину это злило, но она старалась сдерживать эмоции, разливая чай и ставя на стол блюдо с сэндвичами. После ухода гостей Нусван возобновлял свои топорные намеки, хвалил внешность одного, карьерный рост другого, говорил о наследстве, ожидающем третьего.

После четырех месяцев возни с возможными кандидатами в женихи, на которых Дина не обращала никакого внимания, Нусван потерял терпение.

– Я был тактичен, добр, разумен, наконец. Ты что, ждешь сына раджи? Воротишь нос от всех, с кем я тебя знакомлю, шарахаешься от каждого. Чего тебе еще надо?

– Ничего.

– Как можно ничего не хотеть? Тогда вся твоя жизнь пойдет прахом. Будь разумной!

– Я понимаю, ты хочешь мне добра, но меня замужество не интересует.

Ее ответ снова вызвал в памяти Нусвана образ прежней Дины – неблагодарной младшей сестры. Ему казалось, что она смотрит свысока на его друзей. А все они замечательные люди. Ладно, он все равно не позволит разозлить себя.

– Хорошо. Сказано – я человек разумный. Если не нравятся мои друзья, твоя воля. Никто не станет тебя принуждать. Ищи сама. Или можно обратиться к свахе. У миссис Гинваллы хорошая репутация в этом вопросе. Только назови свои предпочтения.

– Я не хочу пока замуж.

– Пока? Ты сказала – пока? Тебе двадцать шесть лет. На что ты надеешься? Что произойдет чудо, и Рустам вернется? Берегись – как бы тебе не свихнуться, как тетя Балси. Но у той хоть было оправдание: после взрыва в доке тело ее мужа так и не нашли.

– Какие ужасные вещи ты говоришь! – Дина с отвращением отвернулась и покинула комнату.

Она была еще ребенком, когда случилась беда, но этот день помнила хорошо. Тогда, во время войны, два английских судна с боеприпасами взорвались при входе в док. В гавани погибли тысячи людей. Взрывы еще продолжались, а уже поползли слухи о том, что это работа немецких шпионов. Власти объявили, что многие пропавшие без вести просто стерты с лица

земли чудовищными взрывами. Однако тетя Бапси отказывалась этому верить. Она чувствовала, что муж жив и где-то бродит, утратив память, и рано или поздно его найдут. Тетя также допускала, что мужа могли загипнотизировать или чем-то накормить бессовестные садху, превратив в раба. Как бы то ни было, она не сомневалась, что мужа отыщут. Со времени взрыва прошло семнадцать лет, но тетя так и не утратила эту веру. Она подолгу беседовала с его фотографией в тяжелой серебряной рамке, стоявшей у ее кровати, подробно пересказывая мужу события текущего дня и разные слухи.

– О тете Бапси мне напоминает твое постоянное уныние, – сказал Нусван, следуя за Диной. – Но у тебя нет оправданий. Ты была на похоронах, видела тело Рустама, слышала молитвы. Он мертв и переварен больше года назад. – После последних слов Нусван воздел глаза к небу и мысленно попросил прощения за такое бестактное выражение.

– Ты даже не понимаешь, насколько тебе повезло, что ты принадлежишь к нашему сообществу. В среде непросвещенных к вдовам относятся как к отбросам. В старой Индии ты стала бы примерной сати²⁴ и прыгнула бы в погребальный костер, чтобы изжариться вместе с мужем.

– Я могу хоть сейчас отправиться в «башню молчания» и отдать себя на растерзание стервятникам, если это доставит тебе удовольствие.

– Бесстыдница! Как можешь ты такое говорить! Это богохульство! Я всего лишь хочу, чтобы ты поняла, как тебе повезло. Ты можешь жить полной жизнью, вновь выйти замуж, иметь детей. Или ты предпочитаешь всю жизнь просидеть на моей шее?

Дина промолчала. А на следующий день, когда Нусван был на работе, она стала перевозить свои пожитки на квартиру Рустама.

Руби пыталась остановить золовку, бегала за ней из комнаты в комнату и умоляла:

– Ты ведь знаешь, какой твой брат вспыльчивый. Иногда он не думает, что говорит.

– И говорит не всегда то, что думает, – ответила Дина, продолжая паковать вещи.

Вечером Руби рассказала обо всем мужу.

– Ха! – язвительно фыркнул Нусван – достаточно громко, чтобы его слышала Дина. – Пусть уходит, если хочет. Посмотрим, на что она будет жить.

После обеда, когда все еще сидели за столом, Нусван, откашлявшись, заговорил:

– Мой долг как главы семьи сказать, что я не одобряю твои действия. Ты совершаешь большую ошибку, о которой потом пожалеешь. Знай, мир суров, но я не стану умолять тебя остаться. Если образумишься, двери моего дома всегда открыты для тебя.

– Благодарю тебя за эту речь, – сказала Дина.

– Ну что ж, издевайся надо мной. Ты всю жизнь этим занималась, к чему теперь прекращать? Помни, это твое решение, никто тебя не гонит. Я сделал все, что в моих силах, и родственникам не в чем меня упрекнуть. Я и в дальнейшем готов тебе помогать.

Вскоре и дети узнали, что тетя Дина уезжает. Поначалу они растерялись, а потом разгневались. Ксеркс спрятал ее сумку с криком: «Нет, тетя! Ты не бросишь нас!» Когда же она пригрозила, что уедет без сумки, Зарир в слезах вынул ее из тайника.

– Вы всегда сможете меня навещать, – успокаивала Дина племянников, обнимала их и утирала слезы. – По субботам и воскресеньям. Или на каникулах. Вот будет веселье! – Эта перспектива привела их в восторг, но они сказали, что хотели бы видеть ее каждый день.

На следующее утро после переезда Дина навестила родственников Рустама – дядю Дараба и тетю Ширин.

– Дараб! Только посмотри, кто к нам пришел! – взволнованно закричала тетя Ширин. – Наша дорогая Дина! Проходи, дитя мое, проходи!

Дядя Дараб вышел к ним еще в пижаме и обнял Дину, говоря, как они долго ждали ее.

---

²⁴ Сати – настоящая, честная (санскр.). Ритуал в индуизме, когда вдова сжигает себя вместе с умершим мужем.

– Прости за мой вид, – извинился он, садясь напротив и широко улыбаясь.

Дину, как обычно, тронула та радость, с какой старики ее встречали. Она словно купалась в их любви. Так в детстве мать в день рождения Дины устраивала ей молочную ванну, поливая дочь из чашки теплым молоком, а на его поверхности плавали лепестки розы. Молоко стекало по лицу, шее и груди девочки тонкими струйками – казавшимися особенно белыми на смуглой коже.

– Тяжелее всего, – рассказывала она, – было расставаться с мальчиками. Я очень привязалась к ним.

– Да, это всегда тяжело, – согласилась тетя Ширин. – Но Рустам говорил нам, что до твоего замужества брат часто унижал тебя.

– Нусван – не плохой человек, – слабо возразила Дина. – Просто у него свой взгляд на вещи.

– Да, конечно. – Тетя Ширин оценила ее преданность семье. – Но ты можешь остаться у нас. Мы всегда рады тебе.

– Нет, спасибо, – заторопилась Дина, боясь, что ее неправильно поймут. – Я приняла решение отныне жить в квартире Рустама. А к вам пришла за советом. Не могли бы вы помочь мне найти работу?

Дядя Дараб зашевелил губами, сиюсь проглотить разочарование от этих слов. Тихие, хлюпающие звуки нарушили тишину, в то время как тетя Ширин нервно теребила тряпку для вытирания пыли.

– Работу, – машинально повторила она, не в силах сосредоточиться. – Милая девочка... да, работу, ты должна работать. Дараб... какую работу? Что за работу мы можем найти?

Дина виновато ждала, что скажет дядя. Но тот по-прежнему не произнес ни слова.

– Пойди переоденься, – сердито проговорила тетя Ширин. – Почти полдень, а ты все в пижаме.

Дядя послушно встал и вышел из комнаты. Тетя Ширин отложила тряпку, провела руками по лицу и выпрямила спину. К моменту возвращения дяди Дараба, сменившего пижаму в синюю полоску на штаны цвета хаки и футболку, она уже кое-что придумала.

– Скажи мне, дочка, ты шить умеешь?

– Немного. Руби научила меня пользоваться швейной машинкой.

– Прекрасно. Тогда для тебя найдется работа. У меня есть лишний «зингер», я тебе его дам. Машинка старая, но служит хорошо.

Все годы, что муж служил в государственной железнодорожной компании, тетя Ширин обшивала соседей, тем самым пополняя семейный бюджет. Вещи она шила простые – пижамы, ночные рубашки, детские кофточки, простыни, наволочки, скатерти.

– Мы можем работать на пару, – предложила она Дине. – Работы хватит. Я уже не справляюсь со всеми заказами – ослабели глаза. Завтра и начнем.

Дина обняла тетю Ширин и дядю Дараба, взяла в руки сумочку и собралась уходить. Старики проводили ее до дверей, но шум на улице заставил их выйти на балкон. Марш протеста собрал много народа, толпа бурлила, заполнив все уличное пространство.

– Опять эта глупая демонстрация из-за языка, – разглядел дядя Дараб призывы на транспарантах. – Эти дураки хотят разделить страну по языковому принципу.

– Все хотят перемен, – сказала тетя Ширин. – Почему люди не научатся довольствоваться тем, что имеют. А сейчас вернемся в дом. Дине нельзя выходить. Весь транспорт стоит. – В ее голосе звучала чуть ли не радость. Ведь она могла наслаждаться общением с Диной еще два часа, пока на улицах не воцарился покой.

В течение нескольких дней тетя Ширин знакомила Дину с будущими клиентами. В каждом доме Дина с волнением стояла рядом с тетей, робко улыбалась и старалась запомнить имена и наставления по работе. Почти все новые заказы тетя Ширин передала ей.

Через неделю Дина запротестовала:

– Я не могу взять столько заказов и лишить вас заработка.

– Дитя мое, ничего ты меня не лишаешь. Нам двоим хватает и пенсии Дараба. Я и без того собиралась бросить шитье – трудно становится. Смотри, не забудь эту новую выкройку.

Помимо заказов, тетя Ширин снабдила Дину информацией о клиентах, которая могла бы помочь ей в общении с ними.

– Лучше всего иметь дело с семейством Мунши – всегда расплачиваются сразу. Парех – тоже ничего, но они торгуются. Проявляй твердость – говори, что это я устанавливаю расценки. Кто там еще? Ах да, мистер Савукшоу. У него проблемы со спиртным. К концу месяца у его несчастной жены почти не остается денег. Поэтому старайся получить аванс.

У семейства Сурти ситуация была уникальная. Когда супруги ссорились, жена переставала готовить, вытаскивала из шкафа белье мужа, все сжигала и, когда тот возвращался с работы, подавала ему на тарелке угольки и золу.

– В результате этих ссор у тебя появляется работа, – говорила тетя Ширин. – Каждые два-три месяца, после примирения, миссис Сурти заказывает в большом количестве новые пижамы. Делай вид, что это в порядке вещей, иначе заказов тебе больше не видать.

Собрание семейных портретов постепенно росло. Давар, Котвал, Мехта, Паврис, Ватча, Сервес – все эти семейства тетя Ширин подробно описала, составилось настоящее портфолио.

– Тебе, наверное, надоели эти подробности, – сказала она. – И последний совет, но самый важный: никогда не снимай мерки у мужчин на брюки. Лучше попроси образец для работы. Если это невозможно, снимай мерки в чьем-то присутствии – жены, матери или сестры. Иначе и опомниться не успеешь, как он покрутится туда-сюда и ткнется тебе в руку тем, чего ты не ждешь. Поверь мне, я однажды, когда была молодая и невинная, пережила очень неприятные минуты.

Эти слова не шли у Дины из головы, когда она познакомилась с Фредоном, одиноким холостяком. Тетя Ширин предупредила, чтобы Дина не ходила одна в его квартиру: «Хоть он и настоящий джентльмен, не забывай о злых языках. Наговорят всякого – и твоя репутация подмочена».

Злых языков Дина не боялась, да и Фредон не давал повода для беспокойства. Впрочем, попроси он ее снять мерки на брюки, она пулей бы вылетела из квартиры. Но для спокойствия тети Ширин, Дина говорила, что, кроме нее, в доме всегда есть кто-то из близких. Не уточняя, однако, что этот «кто-то» сам Фредон. Потому что он действительно скоро стал ей близким человеком. Чаще всего она шила ему короткие халаты, трусы, фартуки. Чтобы помочь Дине, Фредон заказывал ей одежду для детей друзей и родственников, которую дарил именинникам вместо конвертов с деньгами.

Их дружба крепла. Дина часто ходила с ним по магазинам, помогая выбрать ткани для подарков. Потом они пили в кондитерской чай с пирожными. Иногда Фредон приглашал ее к себе на обед, купив по дороге жареные бараньи отбивные или виндалу²⁵. И уговаривал ее не бояться шить по новым выкройкам, увереннее держаться с клиентами и повышать расценки.

Прошло несколько месяцев, и Дина уже не сомневалась в своих способностях. Благодаря урокам невестки, шить было легко. А если возникали сложности, ей на помощь приходила тетя Ширин. Ее визиты доставляли старикам такую радость, что она навещала их регулярно, притворяясь, что испытывает затруднения то в одном, то в другом: иногда это был рюш на воротничках, или покрой реглан, или плиссировка.

Каждый день у Дины оставались после работы обрезки тканей, и тетя Ширин посоветовала их сохранять.

---

²⁵ Виндалу – маринованная в уксусе свинина, потушенная с чесноком.

– Ничего не выбрасывай – помни, все может сгодиться. И эти обрезки тоже. – И она на глазах у Дины смастерила гигиеническую прокладку.

– Прекрасная мысль! – восхитилась Дина. Лишние траты были ей ни к чему. Прокладки из ткани не так хорошо впитывают влагу, как те, что она покупает, но домашние поделки можно чаще менять, ведь они ничего не стоят. Для пушей предосторожности в эти дни Дина носила темную юбку.

За работой время в маленькой квартирке летело быстро. Глаза и пальцы Дины были поглощены шитьем, но уши открыты разным звукам, долетавшим из соседних квартир. Дина собирала эти звуки, сортировала, возвращалась к ним снова и в конце концов создавала картину жизни чужих людей, подобно тому, как из выкроек создают одежду.

В отношении соседей Рустам придерживался твердого правила – не входить с ними в тесный контакт. Краткого приветствия при встрече («сахиби-салям») достаточно, говорил он, а то начнутся сплетни и слухи, и ситуация выйдет из-под контроля. Но мытье кухонной утвари, звонки в дверь, торговля с продавцами, звуки стирки – шлепанье и отбивание белья в мыльной воде, семейные ссоры, пререкания со слугами – это тоже походило на сплетни. Дина поняла, что звуки из ее квартиры могут рассказать и о ней кое-что соседям, если они станут к ним прислушиваться. Частной жизни нет, человеческое существование – непрерывный сольный концерт, которому внимает подневольная аудитория.

Иногда Дине приходила в голову мысль возобновить посещение бесплатных концертов, но что-то мешало ей. Нельзя цепляться за прошлое. Путь к обретению себя не проходит через прошлое.

Со временем, когда шитье одежды стало для Дины привычным занятием, тетя Ширин показала ей, как вязать свитера.

– На вязаные вещи небольшой спрос, – сказала она, – однако есть люди, которые заказывают их ради шика или отправляясь на отдых в горы. – По мере того, как модели усложнялись, тетя Ширин подарила Дине целую стопку журналов мод и спицы для вязания.

И еще она научила Дину вышивать, но при этом предупредила: «Вышивка на салфетках и кухонных полотенцах пользуется спросом и хорошо оплачивается. Но такая работа – большое напряжение для глаз. Не бери часто заказы, иначе это отзовется после сорока».

В результате, спустя три года, когда тетя Ширин отошла в мир иной, а через несколько месяцев за ней последовал и дядя Дараб, Дина уже твердо стояла на ногах. Однако никогда она не чувствовала себя такой одинокой. Дина словно второй раз потеряла родителей.

Нусван был убежден, что за уход Дины никто его не осудит, но родственники немедленно разделились на два лагеря. Некоторые, вроде бы занимавшие нейтральную позицию, хорошо себя чувствовали в обоих лагерях, но по меньшей мере половина безусловно поддерживала Дину. Одобряя ее стремление к независимости, они наперебой предлагали разные способы заработка.

– Масляное печенье – вот что приносит доход.

– Почему бы тебе не устроить частные ясли? Матери скорее доверят детей тебе, чем служанкам.

– Научись готовить хороший розовый шербет и позабудешь вздыхать о прошлом.

Дина с благодарностью внимала всем и вежливо прислушивалась, когда ей излагали программу действий. Она очень преуспела в уклончивом кивании головой. Если шитье одежды давало сбой, она готовила пирожки и прочие сладости.

Потом Зенобии пришла в голову блестящая идея стричь детей на дому. Сама Зенобия добилась того, о чем мечтала в школе – стала старшим парикмахером в салоне красоты. После закрытия салона она обучала Дину стрижке на парике, надетом на гипсовый череп. Гребень застревал в дешевом подобию локонов.

– Не волнуйся, – утешала подруга Дину. – С настоящими волосами проще. – Из салона Зенобия притащила лишний комплект ножниц, машинку для стрижки волос, щетку, гребень, тальк и пуховку. Подруги составили список детей друзей и родственников, которых можно использовать как подопытных кроликов. Ксеркс и Зарир не вошли в этот список – Дина теперь чувствовала себя неуютно в когда-то родном доме, хотя Нусван с радостью воспользовался бы возможностью сэкономить на стрижке.

– Так и стриги одного за другим, пока не перестрижешь всех подряд, – сказала Зенобия. – Все дело в практике. – Она контролировала работу подруги и вскоре объявила, что та готова пуститься в свободное плавание. И Дина стала предлагать свои услуги.

Но через несколько дней эта инициатива лопнула, ни одной стрижки Дина так и не сделала. Ни она, ни Зенобия не знали, что люди считают плохой приметой стрижку в своем доме. Дина рассказала подруге о своей неудаче: при одной только мысли, что на полу могут валяться срезанные волосы, потенциальные клиенты приходили в ярость.

– Мадам, о чем вы только думаете? В чем дело? Почему вам не терпится навлечь беду на наш дом?

Некоторые соглашались на стрижку, но при условии, что Дина подстрижет ребенка на улице. Дина отказывалась. Всему есть предел. Она детский парикмахер на дому, а не какой-нибудь уличный брадобрей.

Впрочем, окончательно парикмахерское дело Дина не забросила. Друзья, у которых были дети, продолжали пользоваться ее услугами. Иногда малыши, вспоминая первую стрижку, прятались, когда приходила тетя Дина. Но по мере роста ее мастерства это случалось все реже.

И все-таки бывали в ее жизни трудные дни, когда она не могла оплатить вовремя квартиру или счет за электричество. Когда были живы тетя Ширин и дядя Дараб, они всегда выручали ее, подкидывая сорок-пятьдесят рупий. Теперь остался только Нусван.

– Конечно, помогу. Это мой долг, – говорил он с ханжеским видом. – Ты уверена, что шестидесяти тебе хватит?

– Да, спасибо. Я верну деньги в следующем месяце.

– Я тебя не тороплю. Скажи, ты еще не нашла себе жениха?

– Нет, не нашла, – отвечала Дина, задаваясь вопросом, не узнал ли он о Фредоне. Вдруг кто-то видел их вместе и доложил Нусвану?

За два года, прошедшие после смерти тети Ширин, этот холостяк из друга превратился в любовника. Хотя мысль о новом супружестве была все еще невыносима для Дины, ей нравилось общество Фредона. Ему тоже было приятно находиться в ее обществе, он не стремился заводить беседы на «умные» темы или придумывать развлечения – обычные для влюбленных парочек. Им обоим нравилось проводить время в его квартире или гулять в парке.

Рискнув вступить в более близкие отношения, они столкнулись с некоторыми трудностями. Кое-что оставалось для Дины невозможным. Постель – любая постель – была под запретом, это священное ложе предназначалось только для супругов. Поэтому для ласк использовался стул. Но однажды, когда Дина собралась оседлать Фредона, эта поза вдруг вызвала в ее памяти Рустама, закидывающего ногу на велосипед. Теперь и стул, как прежде кровать, стал запретным местом.

– О боже! – простонал Фредон. Натянув штаны, он приготовил чай.

Спустя несколько дней Фредон предложил заниматься любовью стоя, и Дина согласилась. Фредон постарался добавить в новое положение как можно больше изыска – приготовил для Дины небольшую платформу, учитывавшую разницу в росте, что было важно при объятиях. Затем купил табурет, сделал кое-какие измерения, отпилил ровно два с четвертью дюйма, чтобы Дине было удобно ставить ногу. Иногда она поднимала левую ногу, иногда правую. Все эти приспособления Фредон поставил у стены, а с потолка спустил на разную высоту подушки – для головы, для спины и для бедер.

– Тебе удобно? – нежно спросил он, и Дина кивнула.

Но до кровати это сооружение все-таки не дотягивало. Вместо того чтобы стать острой приправой, оно превратилось в основное блюдо и либо перебивало аппетит, либо вообще не насыщало.

На противоположной стене было маленькое окно. За ним на улице стоял фонарь. Однажды, когда они, стиснув друг друга в крепком объятии, занимались любовью стоя, пошел дождь. Запах влажной листвы проник в комнату. Сквозь полуприкрытые глаза Дина видела, как морось, словно туманом, окружала лампу. Иногда кисть, локоть или плечо соскальзывали с подушек, и тогда цементная стена казалась жаркой плоти божественно холодной.

Наслаждалась каждая клеточка ее тела; Дина застонала от удовольствия, и это доставило радость Фредону. Дождь усилился. Теперь лампа фонаря освещала его косые струи.

Некоторое время Дина смотрела на дождь, а потом вдруг напряглась.

– Остановись, пожалуйста, – прошептала она, но мужчина продолжал двигаться.

– Перестань, прошу! Пожалуйста, Фредон, перестань!

– Но почему? – взмолился он. – Почему? Что не так?

Дину била дрожь.

– Дождь...

– Дождь? Хочешь, закрою окно?

Она покачала головой.

– Прости. Что-то заставило меня вспомнить Рустама.

Фредон взял ее лицо в свои руки, но она их отбросила. Выскользнув из его объятий, она прямоком шагнула в воспоминания о той давней ночи, когда на ней был плащ Рустама. Тогда в грозу у нее сломался зонтик. А после концерта на автобусной остановке они впервые соединили руки, и их ладони были мокрые от моросящего дождя.

В том их соединении было столько чистоты, что Дина ужаснулась: близость с Фредоном показалась ей грязным, унижительным действием. Дина содрогнулась, почувствовав стыд и раскаяние.

Фредон молча подал ей лифчик и трусики. Она шарахнулась к подушкам и оделась, отвернувшись от него. Он натянул брюки и приготовил чай.

Позже Фредон пытался ее успокоить.

– Во всех проклятых индийских фильмах дождь соединяет героя и героиню, – недовольно произнес он. – А для меня теперь он как бич божий. – Улыбка Дины слегка подняла ему настроение. – Ладно, разберу это сооружение и придумаю для нас что-нибудь новенькое.

И Фредон принялся за дело. Несмотря на его творческое горение и тайное изучение всевозможных пособий по технике секса, бороться с прошлым было трудно. Оно оказалось очень увертливым и при каждом удобном случае проскальзывало в настоящее, преодолевая самую крепкую защиту.

Однако он не жаловался, и Дина была ему за это благодарна. В ее планы входило, чтобы о существовании Фредона брат узнал как можно позже.

– Ну как, еще не нашла мужчину своей мечты? – спрашивал Нусван, отсчитывая ей деньги. – Не забывай, тебе уже тридцать. Так и детей не успеешь завести. Я пока еще могу найти тебе приличного мужа. Неужели не надоело ищачить самой?

Дина засовывала в сумочку шестьдесят рупий и давала брату наговориться всласть. «Словно проценты берет за свои деньги», – подумала она. Может, они слишком высоки, но это единственная валюта, какую она может дать, а он взять.

* * *

Скрипку все пять лет никто не доставал со шкафа. Во время генеральной уборки, которую Дина устраивала дважды в год, она, перед тем как обмахнуть стены и потолок щеткой на длинной палке, укрывала скрипку белой тканью, а потом, не передвигая футляр, протирала влажной тряпочкой верх шкафа.

Последующие шесть лет Дина придерживалась той же практики и словно не замечала существования скрипки. И вот наступила двенадцатая годовщина со дня смерти Рустама. «Пора продать инструмент, – решила Дина. – Нечего скрипке пылиться на шкафу, пусть лучше кто-то на ней играет, занимается музыкой». Она придвинула к шкафу стул и сняла скрипку. Проржавевший металлический замочек скрипнул под ее пальцами. Дина подняла крышку футляра и обомлела.

Там, где располагались эфы, дека полностью провалилась. Четыре струны болтались между подставкой и колками, а внутренняя фетровая обивка футляра, изгрызенная неизвестными насекомыми, свисала клочьями. Руки Дины обсыпала красноватая труха. К горлу подкатила тошнота. Дрожащей рукой она вынула из специального отделения смычок. Конский волос свисал с одного конца, наподобие женской прически «хвост». Не потревоженными остались лишь с десяток волосков. Дина сложила все как было и решила отнести скрипку в «Л.М. Фуртадо».

По дороге ей пришлось укрыться в библиотеке от демонстрантов, которые толпой прокатились по улице, громя витрины и выкрикивая лозунги против пришельцев с Юга, отнимавших у них рабочие места. Полицейские джипы прибыли, когда демонстранты уже сделали свое дело и скрылись. Дина подождала еще несколько минут и только тогда вышла из библиотеки.

В «Л.М. Фуртадо» мистер Маскаренхас надзирал, как идет уборка разнесенной вдребезги большой витрины. Осколки зеркального стекла блестели рядом с двумя гитарами, банджо, бонго и нотами последних песен Клиффа Ричарда²⁶. Когда Дина вошла в магазин со скрипкой, мистер Маскаренхас вернулся за прилавок.

– Какой позор! – сказала Дина, указывая на витрину.

– В наши дни это плата за бизнес, – сказал мистер Маскаренхас и открыл поставленный перед ним футляр. Содержимое привело его в состояние ступора. – Как такое случилось? – Дину он не узнал. Рустам однажды представил жену, когда заходил вместе с ней в магазин, чтобы купить струну *ми*. – На ней что, никто не играл?

– Давно не играл.

Мистер Маскаренхас почесал правое ухо и сурово свел брови над черной оправой очков.

– Струны надо ослаблять во время хранения, смычок тоже не должен быть натянут, – сказал он строго. – Придя домой, мы ведь ослабляем ремни и отдыхаем, разве не так?

Дина пристыженно кивнула.

– А починить ее можно?

– Все можно починить. Вопрос в том, как она будет потом звучать.

– И как она будет звучать?

– Ужасно. Визг дерущихся котов. Но футляр хороший, его можно обить новым фетром.

Дина продала футляр мистеру Маскаренхасу за пятьдесят рупий и оставила ему испорченную скрипку. Продавец сказал, что восстановленный инструмент может по дешевке купить какой-нибудь новичок.

– У всех поначалу инструмент скрипит и визжит, так что тембр здесь не так важен. Если скрипку купят, я дам вам еще пятьдесят рупий.

---

²⁶ Клифф Ричард (род. 1940, Лакхнау, Индия) – британский исполнитель популярной музыки.

Дина ушла от него с легким сердцем – хорошо, если скрипку купит молодой энтузиаст. Рустама позабавила бы мысль, что его скрипка будет и впредь мучить людей.

Время от времени к Дине возвращалось острое чувство вины из-за погубленной скрипки. Как глупо держать инструмент на шкафу целых двенадцать лет и дать ему разрушиться! Могла, по крайней мере, отдать скрипку Ксерксу и Зариру – может, это подвигло бы их учиться музыке.

Как-то утром в дверь квартиры позвонили, а когда Дина открыла, ей сказали, что доставлена вещь для миссис Далал.

– Я миссис Далал.

Молодой человек в модных узких брюках и ярко-желтой рубашке с тремя расстегнутыми верхними пуговицами вернулся к машине за посылкой. «Может, это скрипка», – подумала Дина. Прошло уже шесть месяцев, как она отнесла ее в «Л.М. Фуртадо». Возможно, мистер Маскаренхас, убедившись, что надежды на восстановление нет, отправил скрипку обратно.

Молодой человек вернулся, таща за собой искореженный велосипед Рустама.

– Прислали из полицейского участка, – сказал посыльный.

Не успел он протянуть Дине на подпись квитанцию, как рука ее скользнула по косяку, и она, теряя сознание, мягко опустилась на пол.

– Вот это да! – запаниковал посыльный. – Может, вызвать вам скорую помощь? – Он изо всех сил махал перед ее лицом бумагами под разным углом – в надежде, что поток воздуха поможет привести женщину в сознание.

Дина шевельнулась, и молодой человек замахал еще яростнее. Ободренный улучшением, он приложил пальцы к ее запястью, как будто нащупывал пульс. Он не знал точно, как это делается, но видел подобную сцену несколько раз в кино, где героем был врач, а героиней преданная и пышногрудая медсестра.

Дина снова пошевелилась, и тогда посыльный, очень довольный своим первым успехом в медицине, оставил в покое ее запястье.

– Что с вами? Я что-то сделал не так?

Дина покачала головой.

– Всею виной жара... Мне уже лучше.

Ей снова бросились в глаза искривленные руль и рама велосипеда. «Зачем, – мелькнула мысль, – полиции потребовалось перекрашивать велосипед из черного цвета в красно-коричневый?»

Но тут головокружение прошло, и зрение стало нормальным.

– Да он весь проржавел, – сказала Дина.

– Полностью, – согласился молодой человек и взглянул на бирку с регистрационным номером и датой. – Ничего удивительного. Велосипед простоял двенадцать лет в хранилище для улик, а там окна разбиты и потолок течет. За двенадцать сезонов дождей и человеческие кости ржавчиной покроются.

Смятение Дины сменилось гневом.

– Вот, значит, как вы обращаетесь с важными уликами! Даже если б преступника поймали, его вину с такой испорченной уликой никто бы не доказал.

– Я с вами согласен. Но течет все здание. Сотрудники мокнут не меньше улик. Гибнут документы, чернила расплываются. Только у главного начальника сухой кабинет.

Видя, что эти объяснения мало утешают женщину, посыльный зашел с другого конца:

– Я вот что расскажу вам, мадам. Однажды у нас хранился мешок с зерном – как улика. Кто-то убил хозяина, чтобы его украсть. На мешковине были кровавые следы. Когда дело дошло до суда, крысы прогрызли мешковину и съели почти все зерно. Судья прекратил дело из-за отсутствия улик. – Молодой человек рассмеялся, надеясь, что Дину позабавила эта история.

– И вам кажется это смешным? – сердито сказала Дина. – Преступник остался на свободе. Что происходит с правосудием?

– Да, ужасно, ужасно, – согласился посыльный, подсовывая Дине квитанцию на подпись. Поблагодарив ее, он ушел.

Она изучила копию квитанции. Там говорилось, что дело закрыто, и собственность возвращена ближайшему родственнику.

Дина не была суеверной. Но появление велосипеда сразу после случая со скрипкой навело ее на определенные мысли. Она увидела в этом знак для себя. Выполнив последний заказ Фредона – нарядное платье для племянницы, она пожала мужчине руку и сказала, что не сможет больше с ним встречаться, ибо перестает шить и выходит замуж.

* * *

Больше она Фредона не видела. Чтобы случайно не столкнуться с ним, она отказала и другим клиентам из этого дома. Ей и без них хватало работы.

Прошло еще пять лет. И словно по расписанию сбылось пророчество тети Ширин. В сорок два года у Дины стало портиться зрение. За год ей пришлось дважды сменить очки. Зрение катастрофически падало.

– Если продолжите напрягать глаза – ослепнете, – вынес приговор доктор. У этого жилистого плюгавого человека была забавная манера, проверяя периферическое зрение, выписывать пальцами волнистые линии по всей комнате. Дине это напомнило детскую игру в бабочек.

Грубоватая прямота доктора возмутила ее, а прогнозы испугали. Она не знала, как будет жить, если расстанется с шитьем.

К счастью, как часто бывает, пришло и решение. Подруга Зенобия рассказала ей, что знакома с менеджером по экспортным продажам в текстильной компании.

– Миссис Гупта – моя постоянная клиентка. Она у меня в долгу и, конечно, найдет для тебя работу.

На той же неделе Дина в салоне красоты «Венера», вдыхая неприятный запах пергидроля и прочих сопутствующих красоте химикатов, ожидала разговора с миссис Гупта, уютно расположившейся под феном.

– Еще несколько минут, – шепнула Зенобия. – Я сделаю ей такую шикарную прическу, что она сразу растает.

Дина, сидя на стуле в приемной, следила за руками Зенобии, соорудившей некую поистине скульптурную композицию из волос менеджера по экспортным продажам. Поглядывая искоса, как идет работа, Дина прикидывала, как смотрелась бы эта конструкция на ее голове.

Вскоре все подручные средства вроде заколок и бигуди были сняты, и прическа предстала во всем великолепии. Женщины вышли в приемную. Миссис Гупта лучезарно улыбалась.

– Как красиво! – Дина почувствовала необходимость похвалить прическу после того, как Зенобия их познакомила.

– Спасибо, – поблагодарила ее менеджер по экспорту. – Но это заслуга Зенобии, ее талант. Я всего лишь поставляю сырье.

Женщины рассмеялись, а Зенобия возразила: она тут ни при чем!

– Все дело в строении лица миссис Гупта. Только взгляните на ее скулы, на элегантную манеру держаться – вот в чем причина успеха.

– Перестаньте! Вы вгоняете меня в краску, – захихикала миссис Гупта.

Женщины заговорили о волшебном действии импортных шампуней и лаков для укладки, и Зенобия так же умело, как крутила локоны и завитки, направила разговор на производство одежды. Миссис Гупта была рада поговорить о своих успехах в «Оревуар экспорте».

– Только за один год я удвоила оборот, – сказала она. – Известные международные компании заказывают мои изделия. – Ее компания – миссис Гупта постоянно подчеркивала свое главенство – поставляет женскую одежду в модные американские и европейские бутики. Шьют одежду небольшими партиями местные портные по европейским стандартам.

– Так мне выгоднее. Это лучше, чем иметь одну большую фабрику, на которой может вспыхнуть забастовка. Особенно сейчас, когда в стране неспокойно. Такой лидер как Джаяпракаш Нараян²⁷ открыто призывает к гражданскому неповиновению. Призывает практически во всех делах. Он считает себя вторым Махатмой Ганди.

С подачи Зенобии миссис Гупта согласилась, что Дина идеально подходит ей для работы.

– Думаю, вам будет несложно нанять портных и руководить процессом. Самой надрываться не придется.

– Но я никогда не шила вещи сложных и новейших фасонов, – призналась Дина, и Зенобия нахмурилась. – Только простую одежду – детские платья, школьную форму, пижамы.

– Здесь тоже нет особых трудностей, – успокоила ее миссис Гупта. – Все, что требуется, – это скрупулезно придерживаться выкройки и руководствоваться чутьем.

– Так и есть, – сказала Зенобия, раздосадованная нерешительностью Дины. – И не надо никаких вложений: двое портных легко поместятся в твоей задней комнате.

– А как же домовладелец? – недоумевала Дина. – Если я устрою в квартире пошивочный цех, он может поднять скандал.

– А ему ничего знать не надо, – сказала Зенобия. – Просто держи язык за зубами – не говори соседям и никому другому.

Портные должны иметь собственные швейные машины – таково было условие миссис Гупта. Лучше работать по сдельной системе, это хороший стимул, а дневная оплата труда ведет к потере времени. «И всегда помните: вы главная, и устанавливаете правила тоже вы. Никогда не теряйте самообладания. Портные – особый народ, их орудие – иглы, а важничают они так, словно держат в руках мечи».

Итак, Дину удалось убедить, и она отправилась на поиски двух портных, прочесывая переулок за переулком в грязной утробе города. Каждый день заходила она в полуразрушенные дома и магазины, каждый из которых казался ненадежным картонным домиком. Она видела много портных – в тесных квартирках на чердаках, в подвалах, похожих на подземные норы, в вонючих общежитиях или просто сидящих, поджав ноги, на углу, и все они шили самые разные вещи – от наматрасников до свадебных одежд.

У тех, кто хотел работать с ней, не хватало умения шить одежду на экспорт. Дина видела их продукцию – кривые воротнички, неровные швы, разные рукава. А те, что были помастеровитее, хотели работать у себя дома. Но у миссис Гупта было строгое правило: работа должна проходить под надзором подрядчика. И никаких исключений, даже для подруги Зенобии, ведь выкройки «Оревуар» держались в секрете.

Все, что могла сделать Дина, – это написать свой адрес на бумажных квадратиках и оставлять их в магазинах, где продавали приличный товар. «Если вы знаете кого-то, кто хорошо шьет и нуждается в работе, присылайте его ко мне», – говорила она. Большинство хозяев выбрасывали адрес сразу после ее ухода. Некоторые сначала туго скатывали бумажку, ковыряли ею в ухе, а уж потом избавлялись от нее.

Зенобия тем временем нашла еще вариант для Дины – пустить жильца. И потребуется всего ничего – кровать, шкаф, ванна, ну и еще готовить еду – не намного больше, чем для самой.

---

²⁷ Джаяпракаш Нараян (1902–1979) – индийский политический деятель, демократический социалист. Активный участник антиколониальной борьбы в 1930–1940-х. Лидер протестного движения против правительства Индиры Ганди в первой половине 1970-х. Был репрессирован в период чрезвычайного положения. Основатель оппозиционной коалиции Джаната.

– Ты имеешь в виду жилья с пансионом? – спросила Дина. – Ну уж нет. Такой квартирант – настоящий геморрой. Я помню тот случай в «Фиросша Бааг». Что пережили эти несчастные люди!

– Не будь параноиком! Ты же непустишь мошенника или психа домой. Подумай о ежемесячной квартирной плате – гарантированном доходе.

– Ты с ума сошла! Не хочу рисковать! Рассказывают, что многих стариков и одиноких женщин изводили таким образом.

Но по мере того, как таяли ее скудные сбережения, Дина понемногу сдавалась. Зенобия ее заверила, что квартиру они сдадут надежному человеку, лучше тому, кто имеет свой дом, а в городе бывает наездами.

– Ты ищи портных, а я займусь жильцом, – предложила она.

Дина по-прежнему оставляла свои координаты в магазинах, но границы поисков расширила и теперь ездила на поезде по северным окраинам – в этих местах она ни разу не была за свои сорок два года. Часто в пути поезд задерживался из-за процессий и демонстраций против правительства. Иногда она хорошо видела с верхнего этажа автобуса шумные толпы. Люди несли плакаты, обвиняющие премьер-министра в плохом руководстве и коррупции и призывающие ее уйти в отставку на основании судебного решения о нечестных выборах.

«А станет ли лучше, если премьер-министр уйдет со своего поста?» – думала Дина.

Однажды вечером, когда пригородный поезд остановился у семафора, Дина увидела в окно, как за железнодорожным заграждением из проходящей под землей канализационной трубы бьет струей черная жижа. Несколько мужчин тянули на себя уходящую в землю веревку. Их руки были по локоть черны, грязь капала с рук и одежды. Позади них в городской трущобе готовили пищу, удушливый дым отравлял воздух. Мужчины пытались починить трубу, которую прорвало.

Из ямы, держась за конец веревки, выбрался юноша. Когда он встал во весь рост, его тело в скользкой грязи вдруг засверкало на солнце, мерцая какой-то жуткой красотой. Вставшие дыбом волосы словно превратились в корону из языков черного пламени. Поднимавшийся ввысь дым от трущобных очагов завершал это адское зрелище.

Дина не могла оторвать глаз от этой сцены, потрясенная видом юноши. Она прикрывала нос от страшной вони до тех пор, пока поезд не вырвался на свежий воздух. Но память об этой ожившей преисподней не оставляла Дину ни в этот вечер, ни в последующие дни.

Долгие, тягостные поездки, вид грязных, убогих районов основательно ее измотали. Дина совсем упала духом. Зенобия прочла это в ее глазах.

– Почему у нас такое грустное личико? – спросила она, слегка ущипнув подругу за щеку.

– Я устала бороться. Больше нет сил.

– Тебе нельзя сдаваться. Ко мне обратилось много людей с просьбой о пансионе. Один из них – Манек Кохлах, сын Абан. Помнишь ее? Она училась с нами в школе. Абан написала мне, что Манек в ужасе от студенческого общежития и мечтает оттуда съехать. А ты как раз хотела заполучить хорошего жилья.

– Железнодорожные билеты – пустая трата денег, – продолжала Дина, не слушая Зенобию. Она ждала, что подруга поддержит ее в желании покончить с этими изматывающими поездками.

– Только подумай, насколько легче станет твоя жизнь, когда ты найдешь портных. Или тебе надоела независимость, и ты решила жить у Нусвана?

– Даже не заикайся об этом. – Такая жуткая перспектива заставила ее продолжить поиски, по-прежнему оставляя в магазинах свой адрес. Она вспоминала детей из волшебной сказки, название которой забыла. Те крошили хлеб в надежде отыскать дорогу домой. Но птицы склевывали крошки. Интересно, удастся ли ей самой отыскать дорогу, думала Дина. Ключки бумаги

может унести ветер, они могут сгинуть в черной канализационной трубе или оказаться в мешке сборщика мусора...

Усталая, потерявшая всякую надежду Дина свернула в переулочек, посреди которого текли сточные воды. На поверхности плавали овощные очистки, бычки, яичная скорлупа. Впереди переулочек сужался, превращаясь в канаву. Дети пускали в ручеек бумажные кораблики и вылавливали их дальше в луже. Через канаву перебросили доски – проходы в лавки и дома. Когда кораблик проплывал под доской и выныривал в сохранности по другую сторону, дети от радости хлопали в ладоши.

Из-за одной двери доносилось знакомое потрескивание и жужжание швейной машины. – На сегодняшний день это последний портной, – решила Дина, осторожно ступая на доску. Потом она сразу же отправится домой.

На полпути подгнившая доска треснула. Дина коротко вскрикнула, равновесие удержала, но туфля с ноги свалилась. Дети с веселыми криками бросились за туфлей, они шарили в темных помоях, соревнуясь, кто быстрее ее нащупает.

Задышающийся от волнения мальчуган подал ей у дверей магазина мокрую туфлю, а она дала ему двадцать пять пайсов. Стук швейной машины смолк – портной открыл дверь, привлеченный шумом на улице.

– Что вы опять затеяли, сорванцы? – прикрикнул он на ребят.

– Они помогали мне, – сказала Дина. – Я шла к вам, и у меня свалилась в воду туфля.

– Ну-ну, – проворчал мужчина, несколько разочарованный. – А то они всегда здесь озорничают. – Увидев в Дине возможного заказчика, он сменил тон. – Пожалуйста, заходите.

Ее расспросы о надомных портных разочаровали мужчину. Он оборвал их равнодушным: «хорошо, буду иметь в виду» – и, пока она писала свою фамилию и адрес, крутил в руке сантиметр.

Вдруг лицо его оживилось.

– А ведь вы пришли куда надо. Есть двое прекрасных портных. Завтра я пришлю их к вам.

– Правда? – переспросила Дина, удивившись такой резкой перемене.

– О да! Двое прекрасных портных – или меня зовут не Наваз. Дело в том, что у них нет своей мастерской, и им приходится искать работу на стороне. Они вас не разочаруют.

– Хорошо. Тогда я жду их завтра. – Дина ушла, не питая никаких особых надежд. За последние недели ей не раз такое обещали.

Придя домой, она вымыла ноги и тщательно вычистила туфли. При воспоминании о переулке с детьми и бумажными корабликами ее затошнило. Ничто не сможет поднять ей дух: ни обещания портного, ни уверенность Зенобии в скором появлении жильца – Манека Кохлаха, сына их школьной подруги, который на днях зайдет посмотреть комнату.

И когда на следующее утро в дверь позвонили, Дина не могла поверить своему счастью. В дверях стоял будущий жилец, а рядом двое портных, Ишвар и Омпракаш Даржи, которых привел вчерашний клочок бумаги.

Как сказала бы Зенобия, все трио разом появилось у ее дверей.

Глава вторая

Чтобы мечты взрастали

Офисы «Оревуар экспорте» выглядели как помещения для товарного склада, и запах в них был соответствующий. Повсюду высокими штабелями лежали тюки с тканями, прикрытые сверху дерюгой. В воздухе витал ядовито-химический запах новой ткани. Пыльный пол усеивали обрывки прозрачного пластика, бумаги, шпагата и упаковочного материала. За металлическим стеллажом Дина разглядела фигуру менеджера.

– Добрый день! Да это никак миссис Далал, подруга Зенобии. Как поживаете? – приветствовала ее миссис Гупта.

Они обменялись рукопожатием. Дина сказала, что нашла двух искусных мастеров и готова к работе.

– Замечательно! Просто замечательно! – отозвалась миссис Гупта, но было видно, что ее прекрасное настроение связано, помимо сообщения Дины, и с чем-то другим. Настоящая причина вскоре открылась: во второй половине дня ее ждала Зенобия в салоне красоты. Там непокорные кудри, вышедшие из повиновения за последнюю неделю, укротят и снова доведут до совершенства.

Одно это могло бы осчастливить миссис Гупта, но были и другие хорошие новости, устраняющие в ее жизни мелкие раздражители: объявленное вчера премьер-министром чрезвычайное положение автоматически отправляло в тюрьму почти всю парламентскую оппозицию, а также тысячи профсоюзных деятелей, студентов и социальных работников.

– Не правда ли хорошие новости? – миссис Гупта так и искрилась радостью.

Дина нерешительно кивнула.

– Мне казалось, суд признал ее виновной в нечестных выборах²⁸.

– Нет, нет! – возразила миссис Гупта. – Все это ерунда. Будет подана апелляция. А те смутьяны, что ложно обвинили ее, сядут в тюрьму. Больше никаких забастовок, маршей и дурацких беспорядков.

– Это хорошо, – нервно произнесла Дина.

Менеджер открыла книгу заказов и выбрала выкройку для первого задания.

– Вот вам проверка – сшить по этой выкройке тридцать шесть платьев. Тест на аккуратность, тщательность и слаженность действий. Если ваши портные хорошо себя зарекомендуют, продолжим совместную работу. Будет много больших заказов, – пообещала она. – Как вам уже известно, я предпочитаю работать с частными подрядчиками. Союз бездельников выступает за то, чтобы работать меньше, а получать больше. Лень – проклятие нашей страны. А некоторые безмозглые лидеры еще и подстрекают этих лодырей, призывая полицию и армию не повиноваться незаконным приказам. Нет, объясните мне, как закон может быть незаконным? Бессмыслица какая-то. Таким заводилам самое место в тюрьме.

– Да, в тюрьме, – машинально повторила Дина, поглощенная изучением выкройки. Ей хотелось, чтобы менеджер сосредоточилась на рабочих проблемах, а не углублялась в политику. – Взгляните, миссис Гупта, ширина кромки на платье-образце три дюйма, а согласно выкройке только два.

Миссис Гупта не удостоила вниманием это несоответствие. Она кивнула и пожала плечами, отчего сари скользнуло вниз, но менеджер быстро поправила ткань.

---

²⁸ В 1975 г. Верховный суд признал Индиру Ганди виновной в нарушениях избирательного законодательства на выборах 1971 г. и приказал ей уйти в отставку с запретом политической деятельности на шесть лет. В ответ Ганди объявила о введении в Индии режима чрезвычайного положения.

– К счастью, премьер-министр заявила по радио, что приняла решительные меры. Хорошо, что в такое опасное время у нас есть сильный лидер.

От дальнейших вопросов по существу дела миссис Гупта отмахнулась.

– Я верю в вас, миссис Далал. Просто шейте в соответствии с выкройкой. Кстати, вы видели сегодняшние плакаты? Они повсюду висят.

Дина плакатов не видела. Ей ужасно хотелось измерить ткани, отложенные на тридцать шесть платьев – вдруг не хватит материала? Но, подумав, она решила этого не делать – еще обидит менеджера.

– «Главное сейчас – дисциплина» – девиз премьер-министра на плакатах. И она совершенно права. – Миссис Гупта придвинулась ближе и тихо проговорила: – Было бы неплохо наклеить несколько плакатов у входа в «Оревуар». Только посмотрите на двух бездельников в углу. Безбожно болтают вместо того, чтобы устанавливать полки.

Дина сочувственно хмыкнула и покачала головой.

– Так я зайду через неделю?

– Да, пожалуйста. Удачи! И не забывайте – держитесь тверже с портными, или они сядут вам на шею.

Дина стала связывать узел, но менеджер остановила ее щелчком пальцев. Явился служащий и перенес ткани в лифт.

– Я сегодня же передам от вас привет Зенобии. Пожелайте и мне удачи, – захихикала миссис Гупта. – Мои бедные волосы опять идут под нож.

– Да, конечно. Удачи!

Дина принесла домой рулоны ткани и освободила для портных заднюю комнату. Жилец поселится только на следующей неделе: у нее будет время разобраться с заказом. Дина внимательно просмотрела листы с выкройками и пакет с лейблами: «Шантал Бутик», Нью-Йорк. Чтобы чем-то заняться, она решила вырезать выкройки, тогда к понедельнику все будет готово. Да еще это чрезвычайное положение. Из-за беспорядков портные могут не приехать. А она даже не знает, где они живут. Если не сделать работу к назначенному дню, это произведет невыгодное впечатление.

В понедельник ровно в восемь часов утра Даржи приехали на такси, захватив с собой швейные машины.

– Купили в рассрочку, – похвастался Ишвар, с гордостью похлопывая по «зингеру». – Через три года выплатим кредит, и они будут наши.

Деньги портные потратили на первый взнос, и Дине пришлось расплатиться с таксистом.

– Вычтите это из нашего недельного жалованья, – сказал Ишвар.

Швейные машины внесли в заднюю комнату. Там мужчины приладили приводные ремни, проверили натяжение, установили катушки и для проверки прострочили несколько швов на свободном лоскуте. Через пятнадцать минут они были готовы к работе.

«И как они работали! Бесподобно», – думала Дина. Педали качались, маховое колесо жужжало, иголки плясали аккуратными, узкими стежками на ткани, и постепенно разворачивающиеся рулоны материи преображались в рукава, воротнички, лифы, спинки, складки и юбки.

Дине постоянно приходилось напоминать себе, что она здесь начальник. Я не должна работать наравне с ними. Но держалась она всегда поблизости, осматривала законченные детали, подбадривала, давала советы. Всматривалась в склонившиеся над шитьем насупленные лица работников. Ее заинтересовали длинные ногти на мизинцах – ими они соединяли швы, загибали складки. «Изуродованная щека Ишвара – просто нелепость, – решила она, – откуда это могло взяться?» Ишвара нельзя было представить участником поножовщины. Его улыбка и забавные усики смягчали впечатление от уродства. Дина перевела взгляд на молчаливого Омпракаша. Тощий, кожа да кости, весь словно из острых углов, он казался механическим

продолжением машины. «А ведь он хрупкий, как хрусталь, – подумала Дина с жалостью. – И эти напомаженные волосы – надеюсь, он не испачкает ткань».

Пришло и ушло время обеда, а мужчины все работали и только раз попросили воды.

– Спасибо, – поблагодарил Ишвар, залпом выпив воду. – Вкусная и прохладная.

– А разве не время обедать?

Тот решительно замотал головой, словно сама мысль была нелепой.

– Ужина достаточно. Остальное – трата времени и еды. – Помолчав, он спросил: – Дина-бай, а что такое чрезвычайное положение, о котором говорят?

– Проблемы в правительстве – игры, в которые играют люди наверху. Простых людей, вроде нас, это не касается.

– Вот и я так говорю, – пробормотал Омпракаш. – А дядя беспокоится.

Портные снова принялись за работу, и Дина подумала, что сдельщина отличный вариант. Прополоскав стакан, она поставила его отдельно. Отныне он станет стаканом для портных.

Время шло, и Дине стало казаться, что Ишвару неудобно сидеть за машиной. Он весь как-то съежился и плотно сжал ноги, словно у него колики. Ноги то и дело соскакивали с педали.

– Что случилось? – спросила Дина.

– Ничего, – смущенно ответил тот.

Племянник пришел ему на помощь, подняв мизинец.

– Ему надо выйти.

– Почему ты раньше не сказал?

– Стеснялся, – робко произнес Ишвар.

Дина показала ему, где находится туалет. Дверь захлопнулась, и послышался мощный звук струи, бьющей о стенку унитаза. Струя то слабела, то опять усиливалась: переполненный мочевой пузырь работал прерывисто.

После Ишвара в туалет пошел Омпракаш.

– Слив не работает, – крикнула ему вслед Дина. – Берите воду из ведра.

Запах в туалете ее озадачил. «Я так долго живу одна, что стала слишком придиричивой, – подумала она. – Разная еда, разные привычки – это нормально, что их моча пахнет по-другому».

Стопка готовых платьев росла, а у Дины не было никаких дел, кроме как открывать утром портным двери. У Ишвара всегда были наготове приветствие или улыбка, а худой Омпракаш безмолвной тенью проскальзывал мимо. «Сидит на табуретке, как нахохлившийся, сердитый соенок», – думала Дина.

Все три дюжины платьев были готовы раньше срока. Миссис Гупта пришла в восторг от результата. На этот раз она заказала уже шесть дюжин. В сумочке у Дины зазвенели первые денежки. Она чувствовала легкие угрызения совести, получая деньги ни за что. Разве сравнить с теми тяжелыми днями, когда пальцы и глаза ломило от шитья и вышивки!

У портных груз с плеч свалился, когда они узнали, что экспортная компания одобрила их работу.

– Если первый заказ приняли, с остальными проблем не будет, – с непривычной для него уверенностью заявил Ишвар в то время, как Дина отсчитывала им жалованье.

– Однако не надо расслабляться, – предостерегла она, – на фирме тщательно проверяют качество. И сдавать заказ надо вовремя.

– Да вы не волнуйтесь, – успокоил ее Ишвар. – Товар будет высшего класса и всегда вовремя. – А Дине было трудно поверить, что наконец закончились ее мытарства.

Портные стали регулярно обедать. Из этого Дина заключила, что провозглашенное на прошлой неделе Ишваром правило «одна еда в день» диктовал пустой кошелек, а не убеждения аскета или строгая рабочая этика. Было приятно, что ее предприятие улучшило их жизнь.

Ровно в час Омпракаш заявлял: «Я голоден. Пойдем». Отложив шитье, они убрали в ящик свои драгоценные фестонные ножницы и уходили.

Ели они в вегетарианской столовой «Вишрам» на углу улицы. В «Вишраме» не было никаких секретов – кухня на виду, все нараспашку: один режет овощи, другой жарит их на огромной сковородке с черным дном, третий моет посуду. В помещении был только один стол, и потому Ишвар и Омпракаш, не дожидаясь, пока освободится место, ели стоя на улице. А потом торопились к работе, проходя мимо безногого нищего, который разъезжал туда-сюда на платформе со скрипучими колесами.

Вскоре Дина заметила, что портные сбавили рабочий темп. Участились перерывы, во время которых они выходили на улицу и покуривали биди. «Все, как обычно, – подумала она, – как только завелись деньжата, прежний пыл угас».

Дина вспомнила наказ Зенобии и миссис Гупта – быть строгим руководителем. Она собралась с духом и сказала твердым, на ее взгляд, голосом, что работа затягивается.

– Не стоит волноваться, – успокоил ее Ишвар. – Закончим к сроку. Но, если хотите, мы, чтобы не отрываться, можем курить на рабочем месте.

Дина не терпела табачный дым, кроме того, случайная искра могла прожечь дырку в ткани.

– Лучше бы вам нигде не курить, – сказала она. – От табака бывает рак легких.

– Вот уж не повод для беспокойства, – возразил Омпракаш. – Этот город, где все так дорого, сожрет нас живыми.

– Что я слышу? Ты наконец заговорил?

Ишвар рассмеялся.

– Он открывает рот, только если не согласен, как я и говорил.

– А вопрос денег легко решается, – сказала Дина. – Работайте хорошо и получите их достаточно.

– Но не у вас, – пробормотал Омпракаш.

– Что ты сказал?

– Ничего, ничего, – заторопился Ишвар. – Это он мне. У него болит голова.

Дина предложила Омпракашу выпить аспирин, но тот отказался. Голос его звучал уже громче.

– А работу вам далеко отвозить? – спросил он.

– Не очень, – ответила Дина. – Дорога занимает около часу. – Ей было приятно, что он старается заглаживать свои слова.

– Если что, мы можем помочь донести платье. Только дайте нам знать.

«Как мило с его стороны», – подумала Дина.

– А как называется фирма, куда вы отвозите платье?

От радости, что закончилось угрюмое молчание портного, Дина чуть не выпалила название фирмы, но вовремя придержала язык, притворившись, что не расслышала вопроса. Омпракаш повторил его.

– К чему мне название, – сказала она. – Меня интересует только работа.

– И правильно, – согласился Ишвар. – Нас тоже только работа интересует.

Племянник бросил на него сердитый взгляд. Через некоторое время он продолжил расспросы. Она что, работает на одну фирму или на несколько? Платят ей комиссионные, или она на твердой ставке?

Ишвар смутился.

– Меньше разговоров, Омпракаш, и больше работы.

С тех пор Дина следила за молчаливым племянником. Она поняла, куда он клонит, и теперь тщательно проверяла, чтобы на тканях из «Оревуар экспорте» не было никаких «говорящих» лейблов и этикеток. Счета она держала под замком в шкафу. В отношении портных ее оптимизм дал трещину. Она понимала, что дорога становится ухабистой.

* * *

Даржи жили далеко и полностью зависели от расписания железной дороги. И все же Дина всякий раз, когда портные задерживались, не сомневалась, что ее бросили ради более выгодной работы. Чтобы скрыть свой страх, она прятала радость при их появлении под маской недовольства.

За сутки до дня получки Даржи объявились только в десять часов.

– Несчастный случай на дороге – поезд задержали, – объяснил Ишвар. – Какой-то бедняк опять бросился на рельсы.

– Что-то частенько это происходит, – добавил Омпракаш.

Неприятный запах пустых желудков выплывал наружу в форме слов. Дину не интересовали их оправдания. Чем скорее они сядут за швейные машины, тем лучше.

Но ее молчание могло быть истолковано как слабость, поэтому она сухо произнесла:

– Правительство объявило, что во время чрезвычайного положения поезда будут ходить по расписанию. Странно, что ваш поезд опоздал.

– Если б правительство выполняло свои обещания, боги спустились бы на землю и украсили их всех гирляндами, – сказал Ишвар, посмеиваясь и примиряюще кивая головой.

Его миролюбие развеселило Дину. Она улыбнулась, и у Ишвара отлегло от сердца. Сам он считал, что глупо рисковать устойчивым заработком: им с Омпракашем повезло, что они работают у Дины Далал.

Портные выдвинули табуреты, заправили новые катушки и стали шить. Небо заволокло тучами, приближался дождь. Мрак с улицы проник и в заднюю комнату. Омпракаш намекнул, что лампочка в сорок ватт маловата.

– Если я превышу ежемесячную квоту, у меня отключат счетчик, – объяснила Дина. – И мы окажемся в полной темноте.

Ишвар предложил перенести швейные машины в гостиную – там светлее.

– Тоже нельзя. Машины увидят с улицы, и домовладелец взбунтуется. Устраивать производство на дому противозаконно – даже если работают всего двое. Он и так цепляется ко мне при всяком удобном случае.

Портные, сами изрядно пострадавшие от домовладельцев, могли это понять. Все утро мужчины работали без перерыва, предвкушая время обеда. Они с утра ничего не ели, и в животах у них бурчало.

– Сегодня возьму двойной чай, – сказал Омпракаш. – И буду макать туда сдобную булочку.

– Не отвлекайся! Следи за машиной! – посоветовал племяннику Ишвар. – А то вместо двойного чая, у тебя будут двойные пальцы. – Мужчины то и дело поглядывали на часы. Когда наступил час освобождения, их ноги тут же оставили педали и нащупали сандалии.

– Подождите, не уходите, – сказала Дина. – Работа срочная, а вы сегодня опоздали. Менеджер будет недоволен задержкой. – Ее волновало, успеют ли они к сроку. А что, если портные и завтра опоздают? «Прояви твердость», – напомнила она себе.

Ишвар заколебался, но племянник встретил такое предложение в штыки. Его испытующий взгляд, в котором сверкала ярость, являлся тому подтверждением.

– Пойдем, – пробормотал Омпракаш, не глядя на Дину. – Я проголодался.

– Твой племянник вечно голодный, – сказала Дина Ишвару. – Может, у него глисты?

– Да нет. Ом здоров.

Но его слова не убедили Дину. Еще на первой неделе у нее зародились подозрения. Помимо худобы Омпракаша, вечных жалоб на головную боль и чувство голода, она замечала, что он часто почесывает зад, что, по ее мнению, было верным признаком наличия глистов.

– Показать бы его врачу. У него такой изможденный вид – ходячая реклама спичек «Уимко».

– С ним все в порядке. Да и денег на врача нет.

– Упорно работайте – и деньги найдутся. Выполните заказ – вот и весь разговор, – вкрадчиво произнесла Дина. – Чем скорее я отвезу платья, тем скорее получите деньги.

– Пять минут на чай погоды не сделают, – сердито проговорил Омпракаш.

– Ваши пять минут обратятся в тридцать пять. Вот что, я сама приготовлю вам чай чуть позже. Специальный, дорогой чай, а не те спитые помои, которыми вас угощают на углу. Только закончите работу. И тогда все будут довольны – вы, я и менеджер.

– Хорошо, – согласился Ишвар, скинул сандалии и занял свое место. Педаль, нагретая за утро его ногой, даже не успела остыть.

Гневный шепот Омпракаша пробивался к дяде сквозь рокот двух «зингеров»:

– Ты всегда позволяешь обдурить нас. Не знаю, что такое с тобой. Позволь отныне мне с ней объясняться.

Ишвар миролюбиво кивнул. Ему не хотелось при Дине спорить или ругаться с племянником.

В два часа, когда у Дины от шума машин стала раскалываться голова, она решила отвезти сделанную работу. Дина была недовольна собой. Уговоры и обещанный чай не говорят о строгости руководителя. Для правильного обращения с портными ей не хватает практики.

Из-под рабочего стола Дина вытащила полиэтиленовый мешок и оберточную бумагу, в которую паковали рулоны ткани из «Оревуара». У Дины ничего не пропадало зря – как и советовала тетя Ширин. Маленькие лоскутки росли как на дрожжах. «Если шить прокладки, то материала хватит на целый женский монастырь», – думала Дина. Большие лоскуты она клала отдельно, не зная, на что их употребить – может, на лоскутное покрывало?

Дина упаковала готовые платья и взяла сумочку. На миссис Гупта должен произвести впечатление ее приезд на день раньше срока.

Помня о любопытстве Омпракаша, она повесила на дверь замок, чтобы исключить возможность слежки.

* * *

С затекшей спиной и затуманенными глазами портные перебрались в гостиную. После долгого сиденья на жестких табуретках, старый диван с разболтанными пружинами казался им верхом роскоши, а испытываемое удовольствие особенно острым из-за его запретности. Скованные члены – неременный признак профессии – понемногу распрямлялись на диванных подушках. Положив босые ноги на чайный столик, мужчины вытащили пачку биди и закурили, жадно затягиваясь. Оторванный верх пачки служил им пепельницей.

Омпракаш почесал затылок и внимательно осмотрел задержавшуюся на кончиках пальцев перхоть. Длинными ногтями на мизинцах выковырял маслянистую грязь из-под других ногтей и щелчком отправил на пол. Никогда не признался бы он, что ему скучно – ведь бездарно тратя время, он надувал Дину Далал. Если она думает, что может управлять ими, как парой бессловесных волов, то она жестоко ошибается. «Я все-таки мужчина, – с горечью подумал Омпракаш, – хотя дядя иногда ведет себя не так, как следует мужчине».

Ишвар позволил племяннику побездельничать. Пустые животы подвело с голоду. Он снисходительно смотрел, как Омпракаш ерзал, устраиваясь поудобней в подушках, дабы

извлечь максимум удовольствия от дивана Дины Далал, и задумчиво поглаживал ту щеку, которая позволяла ему улыбаться лишь вполовину.

Смеясь, позевывая, потягиваясь, они – временные короли разбитого дивана, хозяева маленькой квартирки – убивали время за курением, когда вдруг этот незаконный отдых прервал стук во входную дверь.

– Я знаю, вы там! – кричал гость. – И замок на двери меня не обманет!

Портные замерли. Стук продолжался.

– Квартплатой тут не отделаетесь! Нам известно, что происходит за этим замком! Вас выбросят на улицу вместе с вашим нелегальным бизнесом!

Портные поняли, что акция исходит от домовладельца. Но при чем тут замок? Стук в дверь прекратился.

– Скорее, на пол! – шепнул Ишвар, боясь, что незванный гость заглянет в окно.

Что-то бросили в прорезь для почты. За дверью воцарилось молчание. На полу лежал большой конверт, адресованный миссис Рустам Далал. Ишвар повернул защелку. Дверь подавалась вперед на полдюйма и ударилась обо что-то снаружи. Замок действительно существовал.

– Она нас заперла! – вскипел Омпракаш. – Что эта женщина о себе думает?

– Должна быть причина. Не кипятись!

– Давай вскроем письмо.

Ишвар вырвал письмо из рук племянника и отложил в сторону. Мужчины попытались снова устроиться с комфортом на диване и закурить биди, но настроение уже было испорчено. В провисшем диване вдруг обнаружились твердые комки. К одежде цеплялись ниточки, напоминая о работе, ждущей в соседней комнате. А часы неумолимо предупреждали: хозяйка вот-вот придет. Совсем скоро их вольной жизни придет конец.

– Она грабит нас, – ворчал Омпракаш. – Надо напрямую связаться с этой компанией. Зачем нам посредник? – Тлеющая сигарета свисала с уголка его рта, отчего он произносил слова еле шевеля губами.

Ишвар снисходительно улыбнулся. Нахально свисающая сигарета, как игрушечное ружье, целилась в Дину Далал.

– Смотри, она скоро придет, а у тебя такое кислое лицо, будто ты съел лимон. – И продолжил уже серьезно: – Она посредник, потому что у нас нет своей мастерской. Она дает нам возможность здесь шить, приносит ткани, получает от компании заказы. А сдельная работа делает нас более независимыми...

– Да перестань. Какая независимость? Она обращается с нами как с рабами. Гребет с нас деньги, и пальцем не пошевелив. Посмотри на ее квартиру. И электричество есть, и вода, все есть. А что есть у нас? Вонючая дыра в трущобе. Никогда нам не собрать достаточно денег, чтобы вернуться в деревню.

– Уже сдаешься? Так ничего в жизни не достигнешь. Надо бороться, Ом, даже если жизнь тебя бьет. – Зажав биди между мизинцем и безымянным пальцем, он раскрытой рукой поднес сигарету к губам.

– Вот увидишь, я узнаю, куда она ходит, – сказал Омпракаш, решительно вскинув голову.

– При таком движении у тебя дым красиво закручивается.

– Только подожди, я узнаю адрес компании.

– Каким образом? Думаешь, она тебе скажет?

Омпракаш вернулся в заднюю комнату и вынес оттуда большие, острые ножницы. Сжимая ножницы обеими руками, он театральным движением проткнул ими воздух.

– Приставим эти ножницы к ее горлу, и она все расскажет.

Дядя дал ему подзатыльник.

– Что сказал бы твой отец, услышь он тебя? Глупые слова вылетают из твоего рта, как строчки из швейной машины. И такие же небрежные.

Омпракаш стыдливо убрал ножницы.

– И все же в один прекрасный день она перестанет быть посредником. Я прослежу ее путь до фирмы.

– Не знал, что ты умеешь проходить сквозь запертые двери, как великий Гогия Паша. Или Омпракаш Паша? – Ишвар прервал речь, чтобы затануться, выпустил дым через нос и улыбнулся, глядя на сердитое лицо племянника. – Послушай, так устроен мир. Некоторые – в центре, другие – на обочине. Чтобы мечты возрастали и приносили плоды, нужно терпение.

– Терпение нужно, когда отращиваешь бороду. А тех денег, которые она нам платит, не хватит даже на масло и дрова на наши похороны. – Омпракаш яростно почесал голову. – И почему ты в разговоре с ней прибегаешь к такой дурацкой интонации, словно ты неотесанный увалень из глубинки?

– А я такой и есть, – сказал Ишвар. – Человеку нравится чувствовать себя главным. И если мой тон помогает Дине-бай чувствовать себя лучше, что тут плохого? – Наслаждаясь последними затяжками от гаснувшей сигареты, он повторил: – Терпение, Ом. Некоторые вещи не изменишь, их надо просто принимать.

– Так что ты на самом деле думаешь? Сначала говоришь – борись, не сдавайся. Теперь советуешь, все принимать. Болтаешься туда-сюда, как горшок без задницы.

– Твоя бабушка Рупа часто так говорила, – рассмеялся Ишвар.

– Так что определись, дядя. Выбери что-то одно.

– Не получится. Я всего лишь человек. – И Ишвар вновь рассмеялся. Смех перешел в сильный кашель, сотрясший все его тело. Ишвар подошел к окну, отодвинул штору и сплюнул. Будь он ближе, увидел бы, что это не слюна, а кровь.

Отходя от окна, Ишвар увидел подъезжавшее такси.

– Скорее, она вернулась, – хрипло прошептал он.

Мужчины стали быстро наводить порядок – взбивать подушки, ставить на место чайный столик, засовывать в карманы спички и окурки. Искра отлетела от сигареты во рту Омпракаша, словно насмешливый комментарий к его пышущим гневом словам. Он сдул ее с обивки. Вбегая в заднюю комнату, они затянулись последний раз, а потом потушили сигареты и выбросили окурки через заднее окно.

Дина расплатилась с таксистом и полезла в сумочку за ключами. Потускневший латунный замок висел грозно и устрашающе. Не будучи по природе тюремщиком, она повернула ключ, испытывая чувство вины.

Омпракаш протянул руки, чтобы помочь ей со свертками.

– Я слышал, как вы приехали.

– Там еще есть, – сказала Дина, указывая на рулоны ткани за дверью. Омпракаш obeжал их глазами, пытаясь увидеть название фирмы или адрес.

Когда все внесли в квартиру, Ишвар вручил Дине конверт.

– Кто-то барабанил в дверь и кричал, что замком его не одурачишь. И оставил вот это.

– Наверно, приходили за арендной платой. – Дина отложила письмо, не вскрыв его. – Вас видели?

– Нет, мы спрятались.

– Хорошо. – Она положила на место сумочку и надела тапки.

– Вы что, заперли нас на время вашего отсутствия? – спросил Ишвар.

– Разве вы не поняли? Да, мне пришлось.

– Но почему? – взорвался Омпракаш. – Разве мы воры или еще какой-нибудь сброд? Вы что, так думаете? Заберем ваши вещички – и деру?

– Что за глупости! Что у меня брать? Все дело в домовладельце. Если он заявится, когда меня нет, он выбросит вас на улицу. А замок его остановит. Взломать замок – противозаконно.

– Так и есть, – согласился Ишвар. Ему не терпелось увидеть выкройки новых платьев. Пока племянник кипятился, он быстро стянул с обеденного стола скатерть и разложил бумажные выкройки.

– Сколько на этот раз за платье? – вмешался Омпракаш, шупая новый поплин.

Дина не обратила на него внимания, поглощенная тем, как Ишвар передвигает выкройки. Мужчина вел себя как увлеченный пазлом ребенок.

Омпракаш снова завелся: «Очень сложный фасон. Взгляните на треугольные вставки для клеша. На этот раз оплата должна быть выше».

– Да прекрати ты свое нытье, – взорвалась Дина. – Дай старшим разобраться. Если не уважаешь меня, уважай хотя бы своего дядю.

Ишвар сопоставлял отдельные детали с образцом, бормоча про себя:

– Рукав, ладно. И спинка со швом посередине, несложно. – Племянник только хмурился от таких признаний.

– Да, работа легкая, – сказала Дина. – Легче, чем та, которую вы закончили. Однако новости хорошие: платят все те же пять рупий за платье.

– Пять рупий – это слишком мало, – возмутился Омпракаш. – Вы говорили, что возьмете заказ повыгоднее. Наше время стоит больше.

– Я беру то, что предлагает фирма. Иначе с нами не будут иметь дела.

– Мы выполним заказ. Грешно спорить из-за денег.

– Тогда сам и работай. Я не стану горбатиться за пять рупий, – отрезал Омпракаш, но Ишвар обнадеживающе кивнул Дине.

Та пошла на кухню готовить обещанный чай. Расстановка сил была неплохая: дядя сумеет обуздать племянника. Она бросила взгляд на чашки с блюдцами. Взять те, что с розовой каймой или с красной? Подумав, решила поставить чашки с розовой каймой. Потом они займут отдельное место, как и использованный стакан. Сама она будет пить из чашки с красной каймой.

Дождаясь, пока закипит вода, Дина осмотрела проволочную сетку, натянутую вместо разбитого стекла, и увидела в ней дыру. «Опять эти несносные кошки, – с раздражением подумала она. – Пробираются сюда украдкой в поисках пищи или прячась от дождя. Кто знает, какую заразу приносят они с помоек».

Она кое-как укрепила сетку, намотав уголок на гвоздь. Чайник объявил о готовности сильной струей пара. Дина лишь слегка приглушила мощное кипение, получая удовольствие от сгущавшейся дымки над пузырящейся водой – некой иллюзии дружеской болтовни, наполненной жизни.

Она неохотно выключила чайник, и белое облако расплылось на отдельные белесые пятна. Налив чай в три чашки, внесла в комнату две с розовой каймой.

– А вот и чай, – сказал Ишвар, с благодарностью беря чашку. Омпракаш продолжал работать, не поднимая головы. Он все еще дулся. Дина поставила чашку подле него.

– Мне не хочется, – буркнул он. Не говоря ни слова, Дина пошла на кухню за своей чашкой.

– Чай восхитительный, – сказал Ишвар, когда она вернулась. Желая привлечь внимание племянника, он даже причмокнул. – Гораздо лучше, чем в «Вишраме».

– Наверное, он весь день у них кипит, – предположила Дина. – Это вредит чаю. Когда устанешь, ничто так не помогает, как чашка свежесваренного чая.

– Золотые слова. – Ишвар сделал еще глоток и снова зазывно причмокнул. Омпракаш потянулся за своей чашкой. Остальные сделали вид, что ничего не замечают. Омпракаш жадно выпил чай – все с тем же сердитым выражением лица.

Оставшиеся два часа он провел, согнувшись за машинкой и непрерывно ворча. Ишвар был счастлив, когда часы показали наконец шесть. Становилось трудно сохранять мир между Диной-бай и племянником.

* * *

Утро неумолимо двигалось к полудню, когда Ибрагим, сборщик квартплаты, ковылял по улице, намереваясь посетить Дину Далал и потребовать ответа на вчерашнее письмо. Полный достоинства, в малиновой феске и черном шервани²⁹, он приветливо улыбался встречным жильцам, говоря «Салям» или «Как поживаете?». Судьба одарила его автоматической улыбкой, она проступала на его лице всякий раз, когда он открывал рот. Это счастливое свойство было ему помехой в тех случаях, когда арендатор задерживал квартплату. Тогда требовалось серьезное выражение лица, лучше даже суровое, с насупленными бровями.

Ибрагим был пожилой человек, но выглядел даже старше своих лет. В левой руке, которая еще ныла от вчерашнего стука в дверь, он нес пластиковую папку, перехваченную двумя резиновыми лентами. В ней хранились квитанции, счета, ордера на ремонт, документы о разногласиях и судебные бумаги, имеющие отношение к тем шести домам, которые он опекал. Некоторые дела тянулись еще с того времени, когда ему было девятнадцать, и он начинал работать на отца нынешнего владельца. Находились и такие, которые достались Ибрагиму от его предшественника.

Документация была настолько подробная, что иногда Ибрагиму казалось, что он тащит с собой не бумаги, а самые настоящие дома. Предыдущая папка, переданная Ибрагиму почти пятьдесят лет назад его предшественником, была не из пластика, а из двух деревянных досок, скрепленных сафьяновой лентой. Она еще хранила запах своего владельца. Истертая хлопчатобумажная лента на кожаной основе стягивала содержимое папки. Темные, потрескавшиеся доски деформировались и, когда их раскрывали, скрипели, издавая тяжелый запах табака.

Молодой и честолюбивый Ибрагим стеснялся появляться на людях с такой старомодной вещью. Хотя она содержала вполне респектабельную документацию, он понимал, что люди оценивают прежде всего внешний вид, а похожие замызганные папки с картами и лже-таблицами носили имеющие дурную славу – астрологи и предсказатели. Ибрагима приводила в ужас сама мысль, что его могут принять за одного из этих мошенников. В нем поселились серьезные сомнения относительно работы, из-за которой приходится носить пресловутую папку – он чувствовал себя обманутым, словно его обвесил на рынке нечестный продавец.

И вот в один счастливый день сафьяновый корешок совсем истерся и лопнул. Ибрагим отнес поврежденную вещь в офис домовладельца. Там ее осмотрели, подтвердили, что папка отжила свое, и составили соответствующий бланк заявки на новую. А Ибрагиму временно, пока не будет принято решение, выдали простую бечеву, чтобы перевязывать стопку документов.

Через две недели прислали новую папку из клеенчатого картона благородного коричневого цвета, она выглядела элегантно и современно. Ибрагим пришел в восторг. Теперь он оптимистичнее оценивал рабочие перспективы.

С новой папкой под мышкой он мог высоко держать голову и обходить свой участок с важностью стряпчего. Папка была намного совершеннее старой, с большим количеством кармашков и отделений. Теперь инструкции, жалобы, корреспонденцию можно было бы разложить толковее. Это было очень кстати, потому что к этому времени у Ибрагима прибавилось обязанностей – и на работе, и дома.

---

²⁹ Шервани – длинное мужское полупальто или пиджак, одежда в странах Южной Азии.

Ибрагим, сын стареющих родителей, женился, потом стал отцом. И его работа уже не сводилась только к сбору арендной платы. Теперь он стал тайным агентом домовладельца, шантажистом, миротворцем, улаживающим разнообразные конфликты с жильцами. В круг его обязанностей теперь входили также поиски «грязного белья» в шести подведомственных ему домах, вроде адюльтеров. Хозяин научил его использовать такие вещи, чтобы добиваться увеличения квартирной платы. Те, у кого рыльце в пушку, никогда не возражают и не ссылаются на закон об аренде. В тех же случаях, когда домовладелец заходил слишком далеко и сам мог быть привлечен к суду, Ибрагим делал все, чтобы умаслить обиженных. Слезы сборщика квартплаты убеждали жильцов пойти на попятную, проявить милосердие к бедному затравленному хозяину, мученику современных законов по домовладению, который никому не желает зла.

Чтобы разные обязанности не перепутались, он использовал многочисленные кармашки и отделения в папке. На этом этапе карьеры Ибрагим, однако, стал ощущать все возрастающее неудобство своей автоматической улыбки. Произносить угрозы и серьезные предупреждения мило улыбаясь, по меньшей мере, дико. Да и хорошей стратегией это не назовешь. Вот если бы он умел трансформировать улыбку в грозную гримасу – это было бы то, что надо. Но контроль над мышцами был невозможен. Ему трудно давались ситуации, когда надо было выразить сожаление по поводу вялотекущего ремонта или произнести слова соболезнования в связи со смертью в семье квартиросъемщика. В самом непродолжительном времени этот тягостный оскал принес ему незаслуженную репутацию черствого, грубого, некомпетентного, умственно отсталого и даже демонического человека.

С этой злополучной улыбкой он износил три клеенчатые папки, все коричневые, как и первая, и прибавил двадцать четыре года к своему возрасту. Двадцать четыре года монотонной работы и лишений, время, когда канула в прошлое юность, а честолюбивые замыслы этого золотого времени обернулись горечью и обидой. Отчаявшийся, уязвленный сознанием, что ему ничего больше не светит, он видел, что жена, два сына и две дочери по-прежнему верят в него, и это лишь усиливало его боль. Ибрагим задавал себе вопрос, чем он заслужил такую унылую, такую безнадежную жизнь. Или всем людям суждено задавать этот вопрос? Неужели Всевышнего не заботит то, что у всех людей разные шансы и на свете нет понятия справедливости?

Теперь он не видел смысла ходить в мечеть так часто, как привык. Пятничные службы посещал нерегулярно. А руководства искал у тех, которых раньше презирал как скопище невежд.

Отраду приносили джиотши и гадалки на базарах. Они давали советы по финансовым вопросам, говорили, как улучшить будущее, которое с пугающей быстротой превращалось в прошлое. Их уверенность была для него как успокоительное снадобье.

Ибрагим не ограничился только гадалками и астрологами. В поисках сильных средств он обратился к не столь традиционным посредникам: голубям, вытаскивающим карты, попугаям, читающим таблицы, к священным коровам, змеям-прорицателям. Волнуясь, что кто-то из знакомых может увидеть его за столь предосудительными занятиями, он с большой неохотой решил не надевать в таких случаях свою заметную феску, хотя у него было чувство, что он бросает дорогого друга. Раньше Ибрагим только раз оставил дома свой неизменный предмет одежды; это было в 1947 году во время Раздела Британской Индии, когда ритуальное убийство на только что созданной границе вызвало повсеместные беспорядки, и носить феску среди индийцев было столь же губительно, сколь быть необрезанным среди мусульман. Были и такие места, где стоило ходить вообще без головного убора: сделав неправильный выбор между феской, белой шапочкой и тюрбаном можно было лишиться жизни.

К счастью, его посещения гадателей по птицам были относительно замаскированы. Обычно он сидел на корточках где-нибудь на углу улицы рядом с хозяином птицы, задавал вопросы, а голубь или попугай выпрыгивали из клетки с готовым ответом.

А вот коровьи предсказания собирали большие толпы. Корову, покрытую расписной парчой, с серебряными колокольчиками на шее, вводил в круг зевак мужчина с барабаном. Хотя его рубашка и тюрбан были достаточно яркими, он казался скучным пятном рядом с роскошно декорированной коровой. Мужчина обходил с ней круг – один, два, три раза, сколько потребует, чтобы посвятить зрителей во все аспекты коровьей биографии, сделав основной упор на то, что ее предсказания и пророчества всегда сбываются в срок. Громкий хриплый голос мужчины, налитые кровью глаза, безумная жестикуляция – все это умело противопоставлялось величавому спокойствию коровы. Когда рассказ был закончен, вступал барабан, молчаливо свисавший до поры до времени с плеча мужчины. Эффект здесь достигался не ударами, а трением. Мужчина продолжал водить корову по кругу, потирая кожу палочкой, отчего барабан издавал что-то вроде ноющего мычания или стона. Этот звук мог оживить мертвых и ввести в оцепенение живых. В нем было нечто сверхъестественное. Он взывал к духам и силам нездешнего мира, звал их снизойти, стать свидетелями и помощниками прорицающей коровы.

Барабан смолкал, и мужчина кричал прямо в коровье ухо вопрос заплатившего клиента. Крик был сильный, так что вопрос могли слышать все присутствующие. Корова кивала или качала своей причудливо убранный головой, и крошечные серебряные колокольчики нежно позвякивали на ее шее. Восторженная толпа громко аплодировала. Вновь вступал барабан, и под его звуки собирались подношения.

Однажды, когда вопрос Ибрагима прокричали в нежное, коричневое, беззащитное коровье ухо, никакой реакции не последовало. Тогда мужчина крикнул еще громче. На этот раз корова словно пробудилась. То ли ее доконал барабан, с которым ей приходилось мириться не один год, то ли зычный рев, буравивший ее ухо изо дня в день, только она пронзила хозяина своими раскрашенными рогами.

На мгновение зрителям показалось, что корова просто более ретиво, чем обычно, включилась в работу. Но тут она швырнула мужчину на землю и стала методично топтать его копытами. Только тогда все догадались, что к пророчеству это не имеет никакого отношения, тем более что мужчина истекал кровью.

С криками «Корова рехнулась! Корова рехнулась!» люди разбежались. А она, разделавшись со своим мучителем, спокойно стояла, моргая добрыми глазами с длиннющими ресницами, и отмахивалась хвостом от надоедливых мух, облепивших ее вымя.

Такая эксцентричная смерть убедила Ибрагима, что общение с коровой не самый надежный способ связаться с высшими силами. Спустя несколько дней на углу появился новый тандем из коровы и барабанщика, но Ибрагим не пошел на представление. Ведь были и другие, более безопасные пути получения сверхъестественной помощи.

Еще не улегся в памяти Ибрагима случай с «рехнувшейся» коровой, как он стал свидетелем еще одной смерти. На этот раз жертвой оказался замешкавшийся заклинатель змей. Ибрагим долго не мог без дрожи вспоминать эту картину: ведь тогда он сидел на корточках рядом в ожидании пророческих знаков, и кобра могла вонзить ядовитые зубы не в хозяина, а в него.

Потрясенный этими двумя смертями, сборщик квартплаты прекратил заглядывать в будущее с помощью представителей фауны. Словно очнувшись от ночного кошмара, он стал снова носить заброшенную феску и понемногу возвращался к обычной жизни. Как много денег из семейного бюджета потратил он на свою нечестивую страсть, думал он, сидя на берегу океана и глядя, как парит в конце дамбы в закатном солнечном свете мечеть. Отлив обнажал лежащие на дне тайны, и он содрогнулся. Из темных глубин смущения и отчаяния всплывали его собственные темные секреты. Сколько не старался он загнать их назад, не давать подняться, утопить наконец, они постоянно ускользали, как угри, и всплывали на поверхность, неотступно преследуя его. Победить их можно было только покайся и вернувшись в мечеть с готовностью принять все, что уготовит ему судьба.

Еще возникла пластиковая папка. Двадцать четыре года проходил он с клеенчатой, а теперь в офисе домовладельца воцарился пластик. Ибрагиму было все равно. Он понял, что достоинство нельзя обрести через аксессуары и прочие внешние атрибуты, оно приходит само, вырастая из способности противостоять ударам судьбы. Если в офисе потребуют, чтобы он держал документы в корзине, которую носят на голове кули, он подчинится этому без возражений.

У пластиковой папки были преимущества – она не страдала в сезон дождей. Теперь Ибрагиму редко приходилось переписывать документы после того, как чернила затевали игру с мощным дождевым потоком. Тем более что теперь у него дрожали руки, и переписывать становилось все труднее. Кроме того, стоило провести по папке мокрой тряпкой, и все пятна, в том числе и от табака – зеленоватые или коричневые, исчезали, и теперь он никогда не испытывал по этому поводу смущения во время разговоров с работодателем.

В семье у него тоже произошли перемены, и он смиренно их принял. А разве была альтернатива? Старшая дочь умерла от туберкулеза, за ней последовала жена. Сыновья связались с преступным миром и, когда изредка появлялись дома, только орали и ругали отца на чем свет стоит. Ибрагим надеялся, что оставшаяся дочь станет его спасением, но она ушла из дома и стала проституткой. Да, думал он, его жизнь похожа на плохой индийский фильм, только без счастливого конца.

Его самого изумляло, что он продолжает работать, обходит все те же шесть домов и собирает арендную плату. Почему не спрыгнет с крыши одного из них? Почему не устроит костер из квитанций и налички, и сам не бросится туда, предварительно облив себя керосином? Почему его сердце не разорвется, а продолжает биться, и разум остается здоровым, а не разлетается на осколки, как разбитое зеркало? Неужели он подобен прочной синтетике, как несокрушимая пластиковая папка? И почему время, этот великий разрушитель, ведет теперь себя так небрежно?

Однако и пластику отпущено определенное число дней и лет. Ибрагим выяснил, что пластик может так же рваться и трескаться, как клеенка. «Или как кожа и кости, – подумал он с облегчением. – Все это вопрос времени». И нынешняя пластиковая папка была третьей за двадцать один год.

Время от времени он внимательно осматривал папку и видел на ее потертой поверхности морщины, вроде тех, что избороздили его лоб. Внутренние перегородки понемногу рвались, и когда-то аккуратные отделения тоже были готовы взбунтоваться. Его же телесные отсеки уже давно подняли бунт. «Кто победит в этом нелепом состязании пластика и плоти?» – задал себе вопрос Ибрагим и, смахнув нюхательный табак с ноздрей и пальцев, позвонил в дверь, у которой стоял.

Увидев в глазок красно-коричневую феску, Дина велела портным молчать.

– Ни звука, пока он здесь, – прошептала она.

– Здравствуйте, – широко улыбнулся сборщик, открыв почти полностью почерневшие зубы, два из которых отсутствовали. Улыбка была невинная, добрая, улыбка состарившегося ангела.

Не ответив на приветствие, Дина сказала:

– Это вы? Рановато для квартплаты.

Ибрагим переложил папку в другую руку.

– Нет, сестра, дело не в этом. Я пришел за ответом на письмо домовладельца.

– Ясно. Подождите немного. – Дина закрыла дверь и пошла искать так и не вскрытый конверт. – Куда я его положила? – шепнула она портным.

Все трое перебирали вещи, в беспорядке разбросанные по столу. Дина не могла отвести глаз от Омпракаша – так ловко работали его пальцы, двигались руки. Ее уже не тревожила его костлявость. Она вдруг увидела в нем необычную птичью красоту.

Ишвар извлек конверт из-под куска ткани. Дина вскрыла его и прочла письмо – первый раз быстро, второй медленнее, чтобы разобраться в юридическом жаргоне. Суть прояснилась: занятие бизнесом в месте проживания запрещается, ей надлежит немедленно прекратить коммерческую деятельность, или ее выселят из квартиры по суду.

С покрасневшими щеками Дина метнулась к двери:

– Что это за бред? Скажите хозяину, что этот номер у него не пройдет!

Ибрагим со вздохом пожал плечами и повысил голос:

– Вас предупредили, миссис Далал! Нарушение закона недопустимо. В следующий раз вы получите не вежливое письмо, а приказ освободить квартиру. Не думайте, что...

Дина захлопнула дверь. Ибрагим тут же замолк, радуясь, что не пришлось произносить всю речь. Тяжело отдуваясь, он утер лоб и поспешил удалиться.

Дина в испуге перечитала письмо. Портные работают только три недели, и уже неприятности с хозяином. Может, стоит показать письмо Нусвану и попросить совета? Нет, Нусван отнесется к этому слишком серьезно. Лучше не обращать на письмо внимания и осторожно продолжить работу.

Теперь у нее не оставалось выбора – следовало посвятить во все портных, донести до них, как важно соблюдать полную осторожность. Она обсудила ситуацию с Ишваром.

Вдвоем они сочинили байку, которую решили рассказывать сборщику квартплаты, если тот увидит, как портные входят в квартиру или выходят из нее. Они якобы приходят убирать и готовить – вот и весь сказ.

Омпракаш был оскорблен.

– Я портной, а не слуга, который моет полы и сметает пыль, – сказал он, когда они вечером ушли с работы.

– Не будь ребенком, Ом. Эту историю сочинили, чтобы избежать неприятностей с домовладельцем.

– У кого неприятности? У нее. Тогда зачем мне волноваться? Она нам не выплачивает даже достойное жалованье. Умри мы завтра, она тут же отыщет новых портных.

– Почему ты сначала говоришь, а потом думаешь? Если Дину-бай вышвырнут из квартиры, нам негде будет шить. Что с тобой? С тех пор как мы приехали в этот город, это наша первая приличная работа.

– И что, я должен прыгать до потолка? Разве эта работа спасет нас?

– Но мы работаем всего три недели. Терпение, Ом. В этом городе много возможностей, твои мечты еще сбудутся.

– Меня тошнит от этого города. Здесь одни неприятности. Лучше бы я умер в нашей деревне. Сгорел бы со всей семьей.

Лицо Ишвара затуманилось, боль племянника передалась ему, и изуродованная щека задрожала мелкой дрожью. Он обнял молодого человека за плечи.

– Все наладится, Ом, – умоляюще произнес Ишвар. – Поверь мне, все будет хорошо. И мы скоро вернемся в нашу деревню.

Глава третья

В деревне у реки

В родной деревне наши портные считались сапожниками, это означало, что их семейство принадлежит к «неприкасаемой» касте чамар – кожевников. Однако задолго до рождения Омпракаша, когда его отец Нараян и дядя Ишвар были мальчиками десяти и двенадцати лет, дедушка послал их учиться на портных.

Друзья деда боялись за семью. «Дукхи Мочи сошел с ума, – сокрушались они. – Он не думает о последствиях и навлекает беду на свой дом». Ужас охватил деревню. Если нарушаешь вековой закон деления на касты, кара не заставит себя ждать.

Решение Дукхи Мочи сделать из сыновей портных было действительно смелым поступком, учитывая, что его собственная жизнь проходила в точном соблюдении кастовых традиций. Как и его предки, он с детства знал, что в нынешнем воплощении ему положено заниматься определенным, предназначенным для него делом.

Дукхи Мочи было пять, когда он стал осваивать ремесло отца. В окрестностях жило мало мусульманских семейств, и потому поблизости не было ни одной скотобойни, где чамары могли бы достать шкуры. Приходилось ждать, когда в деревне сдохнет корова или буйвол. Тогда приглашали чамаров, чтобы освежевать тушу. Иногда туши отдавали даром, иногда за них приходилось платить, все зависело оттого, насколько хозяин, принадлежащий к более высокой касте, был заинтересован в труде чамаров в том году.

Освежевав тушу, чамары поедали мясо, дубили кожу, которая впоследствии превращалась в сандалии, кнуты, упряжь и бурдюки. Дукхи сызмальства осознал, что мертвые животные дают их семье средства к существованию. По мере того как он осваивал ремесло, его кожа незаметно, но неотвратимо пропитывалась запахом, который частично был отцовским запахом, неотъемлемым от всякого кожевника. Он не исчезал даже после того, как Дукхи отмывал и отскребал себя до чистоты в реке.

Дукхи не догадывался, что запах уже проник в его поры, пока однажды мать, обнимая его, вдруг не сморщила нос и произнесла голосом, в котором были гордость и печаль: «А ведь ты становишься взрослым, сынок. Я чувствую это по запаху».

После этого Дукхи стал время от времени нюхать свои подмышки, проверяя, сохраняется ли запах. «Интересно, – думал он, – пахнет ли плоть под кожей? Проникает ли запах глубоко?» Он проколол кожу, чтобы узнать запах своей крови, но опыт был сомнительный: капелька крови на кончике пальца – недостаточно убедительное количество. А мышцы и кости – остается ли запах в них? Впрочем, Дукхи не хотел, чтобы запах исчез: ему было приятно пахнуть, как отец.

Дукхи узнал тонкости работы с кожей, но он также узнал, что значит быть чамаром, неприкасаемым в деревенском обществе. Тут не было никаких особых инструкций. Суть кастовой системы пронизывала все, от нее нельзя было укрыться, как и от отходов туш, с которыми работали они с отцом. А дополняли его образование пересуды взрослых, разговоры отца и матери.

Деревня стояла на реке, и чамарам разрешалось селиться ниже по течению, подальше от брахманов и землевладельцев. Вечерами отец Дукхи сидел с другими мужчинами в отведенной им части деревни под деревом, они курили, вспоминали прошедший день и думали о завтрашнем. Их болтовню сопровождали крики ворон, запахи варившейся еды дразнили ноздри, а мимо медленно проплывали отходы высшей касты.

Дукхи следил за отцом со стороны, дожидаясь, когда он встанет и пойдет домой. В сумерках силуэты мужчин становились расплывчатыми. Вскоре Дукхи различал лишь огоньки биди,

которые, как светлячки, перелетали, следуя за движениями рук. Потом огоньки один за другим погасли, и мужчины разошлись.

За едой отец рассказывал жене новости за день.

– У пандита³⁰ заболела корова. Он хочет успеть ее продать, пока не околела.

– А кому она достанется? Сейчас твоя очередь?

– Нет, Бхолы. Но там, где он работал, его обвинили в воровстве. Даже если пандит отдаст ему тушу, Бхоле понадобится моя помощь: сегодня ему отрубили пальцы на левой руке.

– Бхоле повезло, – сказала мать Дукхи. – В прошлом году Чагану по той же причине оттяпали всю кисть.

Отец сделал глоток воды и, перед тем как проглотить, прополоскал горло. Тыльной стороной руки утер губы.

– Досу выпороли за то, что он близко подошел к колодцу. Никак не запомнит правил. – Некоторое время отец ел молча, прислушиваясь к хору квакавших в сырую ночь лягушек, а потом спросил жену: – А ты чего не ешь?

– У меня сегодня пост. – Это значило, что у них плохо с едой.

Отец кивнул и продолжал есть.

– Ты видела в последнее время жену Будху?

Мать покачала головой.

– Давно не видела.

– И еще долго не увидишь. Она, должно быть, прячется в своей хижине. Отказалась пойти в поле с сыном заминдара³¹, и тогда ей побрили голову и прогнали голой по площади.

Каждый вечер Дукхи слушал, как отец рассказывает жестокие, не приукрашенные истории из жизни деревни. За детские годы у мальчика сложился целый каталог подлинных и вымышленных преступлений людей из касты неприкасаемых и последующих наказаний. Все они крепко запечатлелись в его памяти. Ко времени отрочества Дукхи хорошо чувствовал ту невидимую грань, какую ни в коем случае нельзя нарушать, если хочешь выжить в деревне, и иметь, как и его предки, в постоянных спутниках терпение и подобострастное унижение.

Вскоре после того, как Дукхи Мочи исполнилось восемнадцать, родители женили его на чамарской девушке по имени Рупа, четырнадцати лет от роду. В течение первых шести лет брака она родила ему трех дочерей. Ни одна не прожила больше года.

Потом на радость родственникам у них родился сын. Ребенка назвали Ишваром, и Рупа ухаживала за ним с особой заботой и преданностью, какие, как она усвоила, требовались для детей мужского пола. У мальчика всегда должна быть еда, и Рупа следила за этим неукоснительно. То, что она ходила голодная, было в порядке вещей, и Рупа часто так делала, чтобы накормить мужа. Но ради сына она, не задумываясь, пошла бы на воровство. Рупа знала, что не только она решится на такое – каждая мать поступит так на ее месте.

Когда у нее кончилось молоко, Рупа стала по ночам наведываться в стойла местных землевладельцев. Когда муж и сын спали, она, в промежутки между полночью и криком петухов, потихоньку выбиралась из хижины с маленьким латунным кувшинчиком. В темноте, хоть глаз выколи, она, запомнив дорогу днем, шла не спотыкаясь. Брать с собой фонарь было слишком опасно. Тьма касалась ее щек, словно паутина, а иногда паутина была и настоящей.

Рупа отцеживала молока понемногу от каждой коровы, чтобы хозяин ничего не заподозрил. Утром Дукхи видел молоко и догадывался, откуда оно. А если просыпался ночью, когда жена выскальзывала из дома, он лежал молча и дрожал от страха, пока она не возвращалась. «Может, стоит ходить самому», – иногда думал он.

---

³⁰ Пандит – почетное звание ученого брахмана в Индии.

³¹ Заминдар – землевладелец.

Когда у Ишвара прорезались молочные зубы, Рупа стала еженедельно в период созревания фруктов наведываться в сады. Она на ощупь выискивала в темноте сочные плоды и только потом рвала их. И здесь она проявляла осторожность: брала несколько плодов с каждого дерева, чтобы не заметили пропажи. Темноту наполняло ее тяжелое дыхание, и мелкие зверюшки, и насекомые торопились убраться с ее пути.

Однажды, когда она набивала мешок апельсинами, луч фонаря осветил деревья. На открытом пятачке сидел на бамбуковой подстилке мужчина и смотрел на нее. «Ну все, конец», – подумала Рупа, бросила мешок и приготовилась бежать.

– Не бойся, – сказал мужчина. Голос у него был тихий, в руке тяжелая палка. – Бери, сколько надо. Мне все равно. – Рупа обернулась, задышав от страха, она не понимала, можно ли ему верить.

– Бери еще, – повторил мужчина с улыбкой. – Меня наняли, чтобы я охранял апельсиновую рощу. Но мне плевать на добро этого сукина сына. Он от этого не обеднеет.

Рупа нервным движением подняла мешок и принялась снова рвать апельсины. Руки у нее дрожали, и один апельсин скользнул мимо мешка. Она бросила взгляд через плечо. Мужские глаза жадно ощупывали ее тело, отчего Рупе стало не по себе.

– Спасибо, – сказала она.

Он кивнул.

– Тебе повезло, что здесь оказался я, а не какой-нибудь плохой человек. Продолжай! Бери, сколько хочешь. – Мужчина напевал про себя что-то немелодичное, звучащее как смесь стонов и вздохов. Потом перешел на свист. Но и свист был не музыкальным. Зевнув, он замолк, но по-прежнему не спускал с Рупы глаз.

Рупа решила, что собрала достаточно. Пора поблагодарить сторожа и идти домой. Поняв ее намерения, мужчина сказал:

– Стоит мне закричать, и сюда сбегутся.

– Что? – Она видела, как с его лица исчезла улыбка.

– Если я закричу, сюда мигом примчится хозяин с сыновьями. Тебя свяжут и выпорют за воровство.

Рупу бросило в дрожь. Улыбка вернулась на лицо мужчины.

– Не волнуйся. Я не закричу. – Она завязала мешок, а он продолжил: – После порки мужчины могут отнестись к тебе без уважения и даже обесчестить. Будут по очереди проделывать разные постыдные вещи с твоим нежным красивым телом.

Рупа благодарно сложила руки на прощанье.

– Не уходи. Собирай, сколько хочешь, – сказал мужчина.

– Спасибо. Мне хватит.

– Ты уверена? Я могу дать тебе еще больше. – Он отложил палку и поднялся с подстилки.

– Спасибо. Не надо.

– Вот как? Подожди, ты не можешь уйти просто так, – проговорил мужчина со смехом. – Ведь ты ничем не отблагодарила меня. – Он шел к ней.

Отступая, Рупа выдавила из себя смешок.

– Но у меня ничего нет. Потому я и пришла сюда ночью. Только ради сына.

– Кое-что у тебя есть. – И он сжал ее левую грудь. Рупа откинула его руку. – Мне стоит только закричать, – предупредил он и просунул руку под блузку. Женщина содрогнулась, но на этот раз вытерпела.

Мужчина подвел ее, сжавшуюся от ужаса, к подстилке и одним быстрым движением разорвал на груди блузку. Рупа прикрылась руками. Он откинул ее руки и зарылся лицом в груди, посмеиваясь над ее попытками увернуться.

– Я отдал тебе так много апельсинов. Неужели не позволишь насладиться твоими нежными манго?

- Пожалуйста, отпустите меня.
- Сначала ты отведаешь моего баклажана. Раздевайся.
- Прошу вас, отпустите.
- Мне стоит только закричать.

Раздеваясь, она плакала, потом легла на подстилку, как он велел. Она плакала все время, пока он тяжело дыша двигался в ней. Ветер шелестел листвой деревьев, стоявших бесполезными часовыми. Завыла собака, к ней присоединились другие. Кокосовое масло с волос мужчины стекало струйками по ее лицу и шее, оставляло грязные пятна на груди. Рупа задыхалась от этого запаха.

Через несколько минут мужчина скатился с ее тела. Схватив одежду и мешок с апельсинами, Рупа побежала голая по апельсиновой роще. Только убедившись, что ее не преследуют, она остановилась, чтобы одеться.

Когда жена пришла домой, Дукхи притворился, что спит. Ночью он слышал ее приглушенные рыдания и догадывался по шедшему от нее запаху, что произошло. Ему хотелось подойти к ней, поговорить, утешить. Но он не знал, какие тут нужны слова, а еще боялся слишком много узнать. Дукхи молча плакал, избывая в слезах стыд, ярость, унижение, этой ночью ему хотелось умереть.

Утром Рупа вела себя так, будто ничего не случилось. Дукхи тоже промолчал, и они ели апельсины.

Спустя два года после рождения Ишвара, у них родился еще один сын. Его называли Нараяном. На груди у младенца было темно-красное родимое пятно, и пожилая соседка, принимавшая роды, сказала, что видела такой знак раньше: «Это означает, что у него смелое и великодушное сердце. Вы будете им гордиться».

Новость о рождении у супругов второго сына вызвала зависть у тех представителей высших каст, что поженились в то же время, что и Дукхи с Рупой. Некоторые женщины оставались бесплодными, другие никак не могли дождаться потомства мужского пола. Они чувствовали себя обделенными: за рождение дочерей их жестоко наказывали мужа и их родственники. Иногда им приказывали потихоньку избавиться от новорожденной. И женщинам приходилось душить дочерей пеленками, травить или изнурять голодом.

– Что случилось с миром? – жаловались они. – Почему в доме неприкасаемого растут два сына, а в нашем ни одного? Что может чамар дать своим сыновьям? За что боги наградили его? Все пошло не так. Кто-то в деревне оскорбил высшие силы, нужно провести обряды, умиловить богов, чтобы пустые сосуды наполнились мужским семенем.

Но одна из бесплодных жен была сторонницей другой – земной – теории. «Возможно, эти мальчики вовсе не сыновья Дукхи, – говорила она. – Чамары могли похитить новорожденных на стороне, из семьи брахманов например, – это все объясняет».

Когда поползли такие слухи, Дукхи беспокоился о безопасности семьи. Первым делом он стал тише воды, ниже травы. Если он видел на дороге кого-то из высшей касты, то мгновенно падал ниц – на некотором расстоянии, чтобы его тень не загрязняла их путь. Он сбрил усы, хотя их длина и форма соответствовала его касте: уголки смиренно свисали, в то время как у высших каст они гордо загибались вверх. Сам он и его дети одевались в худшее тряпье, какое только можно было отыскать среди их убогого скарба. Рупе он запретил появляться вблизи деревенского колодца, дабы избежать обвинений в загрязнении воды. Питьевую воду им приносила Падма, подруга Рупы. Дукхи выполнял любую работу, какую ему давали, не задавал по этому поводу никаких вопросов, не помышлял о вознаграждении и никогда не смотрел в глаза человеку из высшей касты – только на ноги. Он понимал, что любое раздражение может разжечь страсти и уничтожить его семью.

К счастью, большинство представителей высших каст проявили философскую гибкость в отношении бесплодных маток. Говорили, что сейчас мир проходит через Кали-югу³², века мрака, и бесплодные жены – только часть нарушений космического порядка. «Вспомните недавнюю засуху, – говорили они. – А ведь мы совершали пуджу как положено. И когда наконец пошли дожди, они изливались мощными потоками; вспомните, как потоп смывал целые хижины. А двухголовый теленок, родившийся в соседнем районе?»

Никто из деревни не видел этого теленка: слишком далеко было до того места: нельзя было успеть вернуться к вечеру домой и убедиться, что в семье все в порядке. Но о рождении чудовища все знали. «Да, – соглашались жители деревни. – Пандиты правду говорят. Причина всех бед – Кали-юга».

«Единственное средство защиты – в соблюдении священных законов дхармы, – советовали пандиты. – В мире каждому отведено определенное место, и если помнить об этом, то можно все вынести и пройти невредимым сквозь Тьму Кали-юги. Но стоит осквернить закон, нарушить порядок, и тогда трудно даже представить, какие беды обрушатся на мир».

Согласие было достигнуто, и в деревне резко участились порки неприкасаемых – таким образом, тхакуры³³ и пандиты пытались навести в мире порядок. Проступки множились и становились все оригинальнее: бхунгхи³⁴ осмелился встретиться своими нечистыми глазами с глазами брахмана, чамар пошел не по той стороне храмовой дороги и тем самым ее осквернил, еще один неприкасаемый слонялся там, где свершалась пуджа, и его презренные уши слышали священные шлоки³⁵, а девочка-бхунгхи не стерла отпечатки своих ног в пыли, закончив работу во дворе тхакура. Ее слова, что метла слишком износилась, не были приняты во внимание.

Дукхи тоже своей шкурой заплатил за освобождение мира из когтей Мрака. Его пригласили пасти коз. Хозяин на день уезжал из деревни. «Глаз с них не спускай, – предупредил его хозяин. – Особенно вот с этого козла со сломанным рогом и длинной бородой. Он сущий дьявол». За работу Дукхи пообещали кружку молока.

Все утро Дукхи присматривал за стадом, думая, какое удовольствие доставит Ишвару и Нараяну это молоко. Но после полудня жара стала невыносимой, и он задремал. Козы тем временем забрели на землю соседа. Вернувшийся вечером хозяин вместо молока задал Дукхи хорошую трепку.

Дукхи понимал, что еще легко отделался, учитывая, к каким последствиям мог привести его проступок. Ночью Рупа тайком своровала немного масла, чтобы смазать кровавые рубцы на спине и плечах мужа.

Масло Рупа стащила без угрызений совести. На самом деле она даже не считала это воровством. Даже сам Кришна не гнушался этим в свои детские годы в Матуре³⁶.

* * *

Когда подошел срок, Дукхи стал учить сыновей основам ремесла, которым им предстояло заниматься всю жизнь. Ишвару было семь, когда его привели к его первому трупу животного. Нараян тоже рвался идти с ними, но Дукхи сказал: еще не время – ты слишком мал. Правда, пообещал сыну, что разрешит кое в чем помогать: солить шкуру, вырезать волосы и

---

³² Кали-юга – четвертая и последняя эпоха в индуистском временном цикле. Характеризуется распадом и деградацией.

³³ Тхакур – один из титулов в индуистской феодальной иерархии, ими могли быть землевладельцы или брахманы.

³⁴ Бхунгхи – один из низших слоев неприкасаемых, уборщики.

³⁵ Священные гимны в стихах. (Примеч. ред.)

³⁶ В родном городе Кришны, где правил его дядя, маленькие дети были лишены молочных продуктов; все молоко забирал королевский двор. Кришна и его друзья стали воровать простоквашу и масло, чтобы накормить детей.

кусочки сгнившего мяса тупым ножом и собирать плоды и кору миробалана, чтобы дубить и окрашивать кожу. Это обещание немного успокоило Нараяна.

Дукхи и Ишвар пришли вместе с другими чамарами на ферму тхакура Премжи, откуда их отвели в поле, где лежал буйвол. На темную тушу взгромоздилась цапля и склевывала насекомых со шкуры. Когда подошли люди, она улетела. Тучи мух вились над животным.

– Он сдох? – спросил Дукхи.

– Конечно, сдох, – ответил слуга тхакура. – Ты что, думаешь, мы бросаем живую скотину? – Качая головой и бормоча что-то о глупости далитов³⁷, он ушел, оставив их делать работу.

Дукхи с друзьями поставили телегу прямо за буйволом и спустили к нему доску. Крепко держа его за ноги, они осторожно стали вкатывать буйвола на доску, поливая ее водой, чтобы туша легче скользила.

– Только взгляните! – кто-то крикнул. – Да он живой! Дышит!

– Послушай, Чхоту, не ори ты! – сказал Дукхи. – А то у нас отнимут буйвола. Он не шевелится, еще пара часов – и ему каюк.

Обливаясь потом и ворча, они продолжили работу под ругань Чхоту. «Вот чертов убудок, – поносил он тхакура. – Заставил нас надрываться. Насколько легче было бы убить буйвола, освежевать прямо здесь и разрубить на куски.

– Все правильно, – согласился Дукхи. – Но разве этот кусок дерьма из высшей касты разрешил бы такое? Ведь тогда была бы испорчена его земля.

– Все, что в нем есть от высшей касты, это его маленький плотоядный членик, – сказал Чхоту. – Им он каждую ночь потчует свою жену.

Мужчины посмеялись и вновь принялись за работу.

– А его каждую неделю видят в городе, – сказал кто-то. – Жрет там от пуза – кур, баранину, говядину, – что пожелает.

– Все они такие, – согласился Дукхи. – На людях – вегетарианцы, а потихоньку мясом лакомятся. Ну, давай, навались!

Ишвар внимательно прислушивался к разговору мужчин и старался в меру сил помогать, а те подбадривали мальчика: «Ну, теперь дело пойдет! Толкай, Ишвар, толкай! Сильнее толкай!»

Под шутки, брань и насмешки буйвол неожиданно ожил и перед тем, как испустить дух, поднял в последний раз голову. У мужчин вырвались удивленные крики, и они дружно отпрыгнули, страшась острых рогов. Но концом рога буйвол ткнул левую щеку Ишвара, оглушив мальчика. Тот рухнул на землю.

Дукхи схватил сына в охапку и побежал домой. Расстояние до хижины он преодолел одним махом. Укороченная послеполуденная тень двух прильнувших друг к другу тел неслась на одних ногах. Струившийся по лицу отца пот капал на сына. Ишвар пошевелился и слизнул языком соленый пот со своих губ. Дукхи вздохнул с облегчением – его ободрил этот признак жизни.

– О, Бог всемогущий! – вскричала Рупа при виде истекающего кровью сына. – Отец Ишвара, что сотворил ты с моим ребенком? Какая нужда заставила тебя взять его сегодня с собой? Он еще так мал. Мог бы еще подождать!

– Ему семь лет, – спокойно ответил Дукхи. – Меня отец брал с собой уже в пять.

– И что? Если б ты покалечился или убили в пять, ты поступил бы так и со своим сыном?

– Если б я убили в пять, никакого сына у меня бы не было, – сказал Дукхи еще спокойнее.

Он вышел, чтоб нарвать целебных листьев, и мелко их нарубил, превратив почти в кашу. Потом ушел, чтобы вернуться на работу.

---

³⁷ Далиты – общее название неприкасаемых.

Рупа промыла рану и наложила сверху повязку, пропитанную темно-зеленой мазью. Женщина немного успокоилась, и ее злость на мужа улеглась. На руки детям она надела защитные амулеты, решив, что беду на Ишвара накликали жены брахманов.

А бездетные женщины тоже обрели веру: все возвращается на круги своя, рассудили они: мальчик из семьи неприкасаемых лишился хорошенького личика, стал уродом – так и должно быть.

Вечером Дукхи вернулся домой и сел в углу – туда, где обычно ел. Ишвар и Нараян прижались к нему, с удовольствием вдыхая запах биди, который на какое-то время перебивал зловоние от шкур, танина и внутренностей животных. Рупа раскатывала тесто для чапати³⁸, и от его запаха дети захотели есть.

Рана несколько дней гноилась, потом стала подсыхать, и вскоре оснований для беспокойства не стало. Но левая щека Ишвара навсегда осталась неподвижной. Отец, пытаясь шутить, говорил: «Бог захотел, чтобы мой сын плакал вдвое меньше остальных смертных».

Он предпочитал не думать о том, что и улыбаться Ишвар будет вдвое меньше.

В тот год, когда Ишвару исполнилось десять, а Нараяну восемь, шли сильные дожди. Дукхи по мере сил боролся с обстоятельствами, воруя солому, чтобы подлатать крышу. Луга оправились от засухи, и скот набирал вес. Дукхи тщетно дожидался падежа скота, чтобы заполучить шкуры.

Прекрасная погода продолжалась, обещая богатый урожай заминдарам, но на безземельных неприкасаемых это никак не отражалось. Во время сбора урожая работа появится, но до тех пор приходилось рассчитывать на милостыню или на редкую работенку по усмотрению хозяев.

После длительного простоя Дукхи с радостью согласился поработать у тхакура Премжи. Его отвели в заднюю часть дома, где мешок сухого красного перца чили дожидался, чтобы его перетерли в порошок. «Управишься к закату? – спросил его тхакур Премжи. – Или позвать кого-нибудь в помощь?»

Не желая ни с кем делиться более чем скромным заработком, Дукхи ответил: «Не беспокойтесь, тхакуржи, все будет сделано в срок». Наполнив массивную каменную ступу перцем, он взял один из трех длинных тяжелых пестиков, лежащих рядом, и стал толочь изо всех сил, часто улыбаясь тхакуру, который задержался, чтобы посмотреть, как пойдут дела.

Когда хозяин ушел, Дукхи умерил пыл. Прежний быстрый ритм можно удерживать, только если работают трое, передавая поочередно друг другу пестик. К обеду Дукхи истолок половину мешка и остановился, чтобы перекусить. Оглянувшись – не видит ли кто? – он засунул руку в ступку и посыпал чапати порошком чили. Ему повезло: тхакур как раз послал слугу за водой.

Несчастье случилось, когда день клонился к вечеру, и мешок уже почти опустел. Неожиданно, когда Дукхи двигал пестиком вверх-вниз, как весь день до этого, ступка треснула и раскололась пополам. Кусок камня упал на левую ступню Дукхи.

Жена тхакура видела все из кухонного окна.

– Муж мой! Скорей беги сюда! – завопила она. – Этот осел чамар расколотил нашу ступку!

Ее вопли разбудили тхакура Премжи, дремавшего под навесом с внуком на руках. Он передал спящего малыша служанке и побежал в заднюю часть дома. Дукхи валялся на полу,

---

³⁸ Чапати – тонкие блины из пресного теста.

пытаясь забинтовать окровавленную ногу куском ткани, каким обычно обматывал голову наподобие тюрбана.

– Что ты натворил, дурья твоя башка! Разве для этого я тебя нанимал?

Дукхи поднял глаза.

– Простите, тхакуржи, но тут моей вины нет. Должно быть, в камне была трещина.

– Лгун! – Тхакур угрожающе поднял палку. – Расколотил ступку, а теперь еще и врешь прямо в лицо! Как могла она сама разбиться? Такая огромная ступа из прочного камня! Она ведь не стеклянная!

– Клянусь моими детьми, – взмолился Дукхи. – Я всего лишь толоч чили – то, что делал весь день. Только взгляните, тхакуржи, мешок почти пустой, работа...

– А ну встань! Убирайся с моей земли! Никогда не хочу больше тебя видеть!

– Но, тхакуржи, работа...

Хозяин оттянул Дукхи палкой по спине.

– Вставай, говорю! И проваливай!

Дукхи с трудом поднялся на ноги и, хромая, попятился от занесенной палки.

– Тхакуржи, сжальтесь, я много дней без работы, я не...

Тхакур с криком набросился на него.

– Слушай, презренный пес! Ты разбил принадлежавшую мне вещь, и все же я отпускаю тебя. Не будь я таким мягкосердечным идиотом, передал бы тебя в руки полиции. А ну вон отсюда! – Говоря это, тхакур продолжал размахивать палкой.

Дукхи уклонялся от ударов, но не мог идти быстро из-за покалеченной ноги. И все же ему основательно перепало, пока он доковылял до калитки. Прихрамывая, Дукхи с трудом притащился домой, проклиная тхакура и все его семейство.

– Отвяжись! – сердито прошипел он, отмахиваясь от испуганных расспросов Рупы. Но жена не отставала и, вцепившись в него, просила разрешения осмотреть рану, и вот тогда он ударил ее. Злой и оскорбленный, он весь вечер молча просидел в хижине. Ишвар и Нараян очень испугались, они никогда не видели отца таким.

Через какое-то время Дукхи позволил Рупе очистить и забинтовать рану, съел еду, которую она принесла, но на вопросы по-прежнему не отвечал. «Тебе будет легче, если поделишься», – сказала жена.

Дукхи рассказал ей о случившемся только через два дня – горечь извергалась из него, как гной из раны. Когда он упустил коз, и его наказали, обидно не было: то была его вина, он заснул на работе. Но в этот раз все было иначе. Он усердно трудился весь день, а его избили палкой и ничего не заплатили. «И в довершение всего мне раздробило ногу, – закончил Дукхи. – Так бы и убил тхакура. Он подлый вор. Все они такие. Обращаются с нами как с животными. И так было всегда, еще во времена наших предков».

– Тс-с, – остановила его жена. – Нельзя мальчикам такое слышать. Тебе просто не повезло – ступка треснула, вот и все.

– Плевал я на эти рожи из высшего класса. Больше не буду вкалывать на них за гроши.

Как только нога зажила, Дукхи перестал работать в деревне. Он ушел из дома на рассвете и был в городе еще до полудня, добравшись туда на воловых упряжках и грузовике. Найдя место на улице, где не было сапожников, он расположился на углу. Разложив полукругом металлические колодки, шило, молоток, гвозди, набойки и кусочки кожи, Дукхи сидел на тротуаре и ждал горожан, желающих починить обувь.

Туфли, мокасины, тапочки сменяли друг друга – разных фасонов и цветов. Это мелькание приводило Дукхи в замешательство. А что, если один из владельцев этой обуви остановится? Справится ли он? Сумеет ли починить? Ведь он имел дело с простыми сандалиями, а тут обувь сложнее.

Через некоторое время перед ним остановился клиент, скинул с правой ноги кожаную сандалию и показал на оторванный ремешок у большого пальца.

– За сколько починишь?

Дукхи взял сандалию и покрутил в руках.

– Две анны³⁹.

– Две анны? Ты в своем уме? Да я за эти деньги куплю новые.

– Нет, господин, никто не продаст вам новые сандалии за две анны.

В результате сторговались за одну анну. Дукхи поскоблил подошву и нашел прорезь, в которую вставлялся ремешок. Грязь отваливалась от подошвы большими плоскими корками. Дукхи не заметил разницы между деревенской грязью и городской – обе выглядели и пахли одинаково.

Дукхи вставил ремешки в прорези и для надежности заново прошил. Перед тем, как надеть сандалии, мужчина подергал их руками. Затем сделал несколько пробных шагов, покрутил туда-сюда носками, удовлетворенно хмыкнул и расплатился.

За шесть часов Дукхи обслужил пять клиентов – пора было возвращаться домой. На заработанные деньги он купил немного муки, три луковицы, четыре картофелины, два острых зеленых перца – и пустился в обратный путь. Движение было не таким плотным, как утром. Дукхи долго шел, прежде чем его подсадили. До деревни он добрался поздно вечером. Рупа и дети ждали его с беспокойством.

Прошло уже несколько дней работы Дукхи в городе, когда его заметил шедший по улице Ашраф, его приятель.

– А я и не знал, что ты сапожничает по соседству, – удивился он.

Мусульманин Ашраф работал портным. Они с Дукхи были одного возраста, и в тех редких случаях, когда Дукхи мог себе позволить заказать что-то для Рупы или детей, он обращался к нему: портные-хинди не шили для неприкасаемых.

Узнав о бедах, приключившихся с Дукхи в деревне, Ашраф спросил:

– А ты не хочешь попробовать себя в чем-то новом? Где будут больше платить?

– Ты о чем?

– Пойдем со мной.

Дукхи собрал свои принадлежности и последовал за Ашрафом. Они перешли железно-дорожные пути и оказались в другой части города, у склада лесоматериалов. Там Дукхи познакомился с дядей Ашрафа, владельцем склада.

С тех пор для него всегда находилась там работа – нагружать и разгружать грузовики или помогать с доставкой. Дукхи намного больше нравилось поднимать и переносить грузы, ходить во весь рост, как остальные, а не сидеть скрючившись на мостовой, глядя на чужие ноги. Да и запах сырого дерева был не в пример лучше вони от заношенной обуви.

Однажды утром по дороге на склад Дукхи обратил внимание на особенно интенсивное движение. Воловья упряжка тонула в облаках пыли. Вознице часто приходилось съезжать в сторону, а один раз большой автобус чуть не столкнул телегу в канаву.

– Что происходит? – спросил Дукхи у возницы. – Куда все едут? – Тот пожал плечами, стараясь вывернуть телегу на дорогу. Вол заупрямился, и мужчинам пришлось соскочить и помочь животному.

Городские улицы были увешаны транспарантами и флагами. Дукхи слышал, что ждут кого-то из лидеров Индийского национального конгресса. Он дошел до мастерской Ашрафа и все тому рассказал. Друзья решили присоединиться к толпе.

---

³⁹ Анна – индийская монета, одна шестнадцатая рупии.

Лидеры начали говорить речи. Они приехали распространять послание Махатмы⁴⁰, где говорилось о борьбе за свободу, за справедливость.

«Мы долгое время были рабами в собственной стране. Наступила пора бороться за свободу. Для этой борьбы нам не нужны ни ружья, ни мечи. Мы обойдемся без брани и ненависти. Вооруженные правдой и ахимсой⁴¹ мы убедим англичан, что им пришло время уйти».

Толпа разразилась аплодисментами. Оратор продолжил: «Бесспорно, надо быть сильными, чтобы сбросить ярмо рабства. Никто не будет с этим спорить. И только истинно сильные люди используют в борьбе принципы правды и ненасилия. Но как стать сильными, если мы поражены болезнью? Сначала надо вылечить эту болезнь, разъедающую наше отечество.

Какую болезнь? – спросите вы. Братья и сестры, эта болезнь – само существование класса неприкасаемых, она лишает наших братьев достоинства и столетиями отравляет нас. Эту болезнь надо вытравить из нашего общества, наших сердец и сознания. Среди нас нет неприкасаемых – все мы дети одного бога. Вспомните слова Ганди: существование касты неприкасаемых отравляет индуизм, как капля мышьяка отравляет молоко».

Потом выступали другие ораторы, говорили о борьбе за свободу, о тех, кто томится в тюрьме за гражданское неповиновение, за отказ соблюдать несправедливые законы. Дукхи и Ашраф стояли до самого конца и слышали, как лидеры обратились к собравшимся с призывом изгнать кастовые предрассудки из своих мыслей, слов и действий: «Мы ездим с этим посланием по стране, призывая людей объединяться и выступать против порочной системы зла и нетерпимости».

Толпа принесла клятву верности заветам Махатмы, с энтузиазмом повторяя его слова. Митинг закончился.

– Интересно, стали бы наши деревенские заминдары хлопать, услышав речи, призывающие покончить с кастовой системой? – сказал Дукхи.

– Похлопали бы, конечно, а жили б по-старому, – отозвался Ашраф. – Чувство справедливости у них давно похитил дьявол – они ничего не видят и не чувствуют. Тебе надо уехать из деревни, перевози семью сюда.

– И где мы будем жить? Там, по крайней мере, у меня есть жилье. Да и мои предки всегда там жили. Разве я могу оставить эту землю? Негоже уезжать далеко от родного места. Тогда забудешь, кто ты есть.

– Это верно, – согласился Ашраф. – Тогда хотя бы присылай на какое-то время сыновей. Научатся здесь ремеслу.

– А кто им разрешит работать в нашей деревне?

Ашраф устал от пессимизма приятеля.

– Времена меняются. Слышал, что говорили на митинге? Присылай сыновей. Будут учиться портняжному делу у меня в мастерской.

На мгновение глаза Дукхи озарились надеждой.

– Нет, – все же ответил он. – Лучше оставаться на родной земле.

Урожай созрел, и Дукхи перестал ездить на склад. Его клятва держаться подальше от богачей понемногу ослабевала: дорога до города была длинная, а транспорт ненадежный. Он еще до рассвета уходил на полевые работы и возвращался поздним вечером с ноющей спиной и новостями из ближайших деревень, которые пропустил за последние месяцы.

Новости были похожи на те, что Дукхи слышал в детстве вечер за вечером, только имена были другие. Зиту побили камнями за то, что она шла не по своей стороне улицы, а по той, что предназначена для высшей касты. Забили не до смерти, а только до первой крови. Гамбхиру

---

⁴⁰ Махатма – обычно это уважительное обращение в Индии к особо почитаемому за мудрость и праведность человеку, в данном случае имеется в виду Махатма Ганди (1869–1948).

⁴¹ Ахимса – принцип ненасилия в индийской философии.

повезло меньше: ему залили уши расплавленным свинцом за то, что он осмелился находиться вблизи храма и мог слышать священные молитвы. Даярама, забывшего о договоренности вспахать поле одного землевладельца, заставили при всех съесть на деревенской площади экскременты этого хозяина. Дхирай хотел заранее договориться с пандитом Ганшямом о плате за рубку дров, чтоб не получить в конце дня несколько веточек, это разозлило пандита, он сказал, что Джирай травил его коров, и того повесили.

Дукхи трудился в поле, работы с кожей было мало, и сыновьям нечем было заняться. Чтобы они не бездельничали, Рупа посылала мальчиков собирать дрова на растопку. Иногда им попадались коровьи лепешки, забытые пастухами, но это случалось не часто: ценный продукт усердно собирали владельцы коров. Рупа не жгла кизяки, а обмазывала навозом вход в хижину. Когда навоз высыхал, становясь твердым и гладким, она какое-то время наслаждалась прочным, как терракота, порогом – так выглядели внутренние дворики у землевладельцев.

Несмотря на хозяйственные поручения, у мальчиков оставалось достаточно времени, чтобы сбежать на речку или поохотиться на диких кроликов. Они хорошо знали, что дозволялось или запрещалось касте, к которой они принадлежали. Инстинкт и обрывки разговоров старших установили в их сознании границы, прочные, как каменные стены. И все же мать тревожилась, как бы с ними не случилось беды. Она с нетерпением дожидалась конца обмолота и веяния, чтобы усадить сыновей за просеивание мякины ради случайных зерен.

Иногда братья околачивались утром около деревенской школы. Они слушали, как дети из высших каст повторяют алфавит и поют песенки о цветах, цифрах и сезонных дождях. Громкие детские голоса воробышками вылетали из окон. Позже, укрывшись среди деревьев у реки, мальчики пытались по памяти воспроизводить детские песенки.

Если любопытство заставляло Ишвара и Нараяна подходить так близко, что их замечал учитель, они мигом улепетывали. «Бездельники! Ни стыда, ни совести! – кричал учитель. – Вон отсюда, или я все кости вам переломаяю!» Впрочем, братья здорово преуспели в слежке за школьным процессом и подползали к самым окнам, так что даже слышали скрип мела по грифельным доскам.

Мел и грифельные доски приводили их в восторг. Они страстно мечтали взять в руки белые палочки, начертить на доске разные закорючки, как делают другие дети, нарисовать хижины, коров, коз и цветы. Разве это не чудо, когда вещи возникают из ниоткуда?

Однажды утром, когда Ишвар и Нараян прятались в кустах, учеников вывели во двор перед школой для репетиции танца на празднике урожая. Небо было чистым, и с полей доносились звуки песни. В этом напеве слышалась боль натруженных спин, потрескавшейся на солнце кожи. Ишвар и Нараян старались распознать голос отца, но не сумели вычленить его из общего хора.

Школьники взялись за руки и образовали два концентрических круга,двигающихся в противоположных направлениях. Время от времени направление менялось. Появлялся повод для веселья: некоторые дети не успевали повернуться – возникала путаница.

Ишвар и Нараян какое-то время следили за танцем, а потом их осенило: школа-то сейчас пустая. Они проползли вокруг двора и, оказавшись позади дома, влезли в окно.

В одном углу аккуратными рядами стояла детская обувь, в другом, рядом с доской – коробки с завтраками. Запахи еды смешивались с запахом меловой крошки. Мальчики подошли к шкафу, где хранились грифельные доски и мел. Взяв и то и другое, они сели на пол, поджав ноги и положив доски на колени, как поступали другие дети. Но уверенности, что делать дальше, у них не было. Нараян следил за старшим братом.

Ишвар немного нервничал и нерешительно держал мел над доской, боясь сделать следующий шаг. Осторожно коснувшись доски, он провел линию, потом еще и еще. Одобрительно улыбнулся Нараяну – все оказалось легко!

Теперь Нараян дрожащими от волнения пальцами провел белую линию и с гордостью продемонстрировал свое достижение. Осмелев, они пошли дальше, и теперь рисовали не только прямые линии, но и петли, завитки и закорючки самых разных форм и размеров, и останавливались, только чтобы полюбоваться и восхититься той легкостью, с которой все это создают, а потом стирали начерченное рукой и рисовали новое. Их смешили испачканные мелом ладони и пальцы, с их помощью можно было рисовать забавные толстые линии, похожие на символы брахманов.

Братья вернулись к шкафу, чтобы исследовать остальное содержимое – ролики с алфавитом, книжки с картинками. Во власти запретного удовольствия они не услышали ни того, что танцы во дворе прекратились, ни того, что сзади незаметно подкрался учитель. Ухватив мальчиков за уши, он протащил их через класс.

– Чамарово отродье! До того расхрабрились, что в школу пролезли! – Учитель выкручивал им уши, пока братья не завизжали от боли и не разразились рыданиями. Ученики от страха сбились в кучку.

– Так вот чему вас учат родители? Осквернять учебные пособия? Отвечайте! Этому учат? – Он отпустил уши мальчиков, только чтобы вклеить им подзатыльники, и снова вцепился в уши.

Ишвар произнес с рыданиями:

– Нет, господин, не учат.

– Тогда почему вы здесь?

– Мы только хотели посмотреть...

– Хотели посмотреть! Что ж, сейчас я вам покажу! Покажу, на что годятся мои руки! – Не выпуская Нараяна, он влепил Ишвару шесть быстрых пощечин, а затем отвесил столько же брату. – А что это на ваших лбах, бесстыдники? Какое богохульство! – Он поочередно ударил их снова, и на этот раз рука его кровоточила.

– Ну-ка, принеси из шкафа трость, – попросил учитель девочку. – А вы двое спустите штаны. Когда я закончу, ни один из вас, неприкасаемых сосунков, никогда не осмелится дотронуться до вещей, не имеющих к вам отношения.

Трость принесли, и учитель попросил четырех старших учеников прижать нарушителей к полу и удерживать за руки и за ноги. Он наносил мальчикам удары поочередно. Всякий раз, когда трость касалась голых ягодиц, стоящие тут же ученики вздрагивали от страха. Один маленький мальчик заплакал.

Когда каждый из братьев получил по дюжине ударов, учитель прекратил экзекуцию.

– Это будет вам уроком, – сказал он задыхаясь. – А теперь убирайтесь, и чтобы я никогда больше не видел ваших чумазных рож.

Ишвар и Нараян бросились наутек со спущенными штанами, они спотыкались и падали. Остальные дети не упустили возможность повеселиться и радовались перепавшему им отдыху.

Дукхи до вечера не знал о наказании своих детей. Он мрачно попросил Рупу отложить жарку чапати.

– Почему? – встревоженно спросила она. – Ты не голоден после целого дня работы в поле? И куда это вы все собрались?

– К пандиту Лалураму. Он должен в этом разобраться.

– Не спеши, – взмолилась Рупа. – Не тревожь такого важного человека в обеденное время. – Но Дукхи только смыл с рук дневную пыль и ушел.

Пандит Лалурам был не просто брахман, а читпаван-брахман, чей род восходит к наичистейшим из чистых, к хранителям Священного знания. Он не был главой деревни или правительственным чиновником, но все почитали его за седины, за справедливость и за Священное знание, заключенное в его большом, словно отполированном черепе. Разные споры – из-за

земли, воды или скота – выносились на его суд. Он также рассматривал семейные ссоры из-за строптивых невесток, упрямых жен и погуливающих мужей. Благодаря его безупречной репутации, все уходило от него удовлетворенные: у жертвы складывалась иллюзия, что справедливость восторжествовала; обидчику ничто не мешало вести прежний образ жизни, а пандит Лалурам за свои труды получал от обеих сторон подарки – ткани, зерно, фрукты и сладости.

У ученого пандита была также репутация хранителя общинного согласия. Так, например, во время периодически вспыхивающих протестов против мусульман, убивающих коров, пандит Лалурам убеждал своих единоверцев, что индусам не пристало осуждать мусульман. Согласно их религии, мусульманин (вот бедняга!) должен содержать четырех жен, поэтому ему необходимо есть мясо, иначе не хватит сил всех их ублажать. Плотоядный он по необходимости, а не из особой любви к говядине или из желания насолить индусам. Поэтому его стоит пожалеть и не препятствовать в исполнении религиозных предписаний.

При такой безукоризненной биографии у пандита Лалурама было много сторонников. «Он такой честный и справедливый, – говорили они, – что даже неприкасаемый найдет у него защиту». То, что ни один неприкасаемый не засвидетельствовал подобного факта, значения не имело. Кто-то смутно вспоминал, что когда-то один землевладелец забил до смерти бхунгхи за то, что тот немного задержался и приехал на тележке после восхода солнца забрать хозяйские фекалии. И тогда пандит Лалурам постановил – а может, то был его отец или даже дед – словом, кто-то постановил, что преступление действительно серьезное, но не настолько, чтобы убивать провинившегося, так что землевладелец в качестве компенсации должен обеспечивать едой, кровом и одеждой жену и детей убитого в течение шести лет. Или шести месяцев? А может, шести недель?

Полагаясь на эту легендарную репутацию пандита Лалурама, Дукхи сел у его ног и рассказал, как жестоко избили Ишвара и Нараяна. Ученый муж отдыхал в кресле после обеда и во время рассказа несколько раз громко рыгнул. Дукхи каждый раз вежливо останавливался, а пандит бормотал при этом: «Рама Всемогущий», как бы благодаря высшие силы за то, что его пищеварительный тракт работает так энергично.

– Как он избивал моих сыновей! Видели бы вы их распухшие лица, пандитжи, – рассказывал Дукхи. – А ягодицы... Кажется, что свирепый тигр рвал их когтями.

– Бедные детки, – посочувствовал пандит Лалурам. Он встал и подошел к полке. – Помажь этой мазью больные места. Станет легче.

Дукхи поклонился.

– Спасибо, пандитжи, вы очень добры. – Сняв с головы повязку, он завернул в нее жестяную коробочку. – Пандитжи, не так давно меня крепко избил тхакур Премжи, хотя никакой вины на мне не было. Но я не пошел с жалобой к вам. Мне не хотелось вас тревожить.

Пандит Лалурам удивленно вздернул брови и почесал большой палец ноги. Кивая головой, он скатал катышки из пота и грязи и стряхнул их с пальцев.

– Тогда я страдал молча, – сказал Дукхи. – Я побеспокоил вас только из-за детей. Они не должны безвинно мучиться.

По-прежнему храня молчание, пандит Лалурам понюхал пальцы, которыми тер большой палец, и, откинувшись в кресле, пукнул. Дукхи отпрянул, как бы открывая свободный путь для газов брахмана, и про себя подумал: «Интересно, какое наказание ожидает того, кто посмеет воспрепятствовать этому потоку».

– Они всего лишь дети, – умоляюще произнес он. – И не делали ничего плохого. – Дукхи помолчал, ожидая ответа. – Ничего плохого не делали, пандитжи, – повторил он, надеясь, что ученый муж, по крайней мере, согласится с ним. – Этого учителя надо наказывать.

Пандит Лалурам тяжело вздохнул. Склонившись, он густо высморкался на сухую землю. Упав, слизь подняла крошечное облачко пыли. Пандит вытер нос и опять вздохнул.

– Дукхи Мочи, ты хороший, работающий человек. Я давно тебя знаю. Ты всегда старался исполнить свой долг – не так ли? – согласно предписаниям твоей касты?

Дукхи кивнул.

– И это мудро, – одобрительно произнес пандит Лалурам, – потому что такой путь ведет к счастью. Иначе в мире воцарится хаос. Ты знаешь, что в обществе есть четыре касты: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Каждый принадлежит к одной из них, и смешиваться они не могут. Ведь так?

Дукхи снова кивнул, пряча нетерпение. Не для того он пришел, чтобы слушать лекцию о кастовой системе.

– Ты, чамар, выполняешь свой дхармический долг по отношению к семье и обществу, но и учитель должен выполнять свой. Ты ведь не станешь этого отрицать?

Дукхи согласно кивнул.

– Наказание твоих сыновей за их провинность – часть его учительского долга. У него не было выбора. Ты понимаешь?

– Да, пандитжи, наказание иногда необходимо. Но такое ужасное избиение?

– Проступок тоже ужасный, они...

– Они просто дети, и, как все дети, любопытные...

Пандит закатил глаза – как это его осмелились перебить? – и поднял вверх указательный палец правой руки, призывая Дукхи к молчанию.

– Что сделать, чтобы ты понял? Для этого тебе недостает знаний. – Терпеливое сочувствие в его голосе сменилось суровостью. – Твои дети вошли в класс. Своим присутствием они осквернили место. Трогали учебные пособия. Испортили грифельные доски и мел, которыми пользуются дети из высших каст. Тебе повезло, что в этом шкафу не было священных книг, вроде «Бхагавад-гиты». Тогда наказание было бы более суровым.

Когда Дукхи на прощанье дотронулся до сандалий пандита Лалурама, он выглядел спокойным.

– Я все понял, пандитжи, спасибо за разъяснение. Я так счастлив, что вы, читпаван-брахман, потратили свое драгоценное время на такого невежественного чамара, как я.

Пандит Лалурам рассеянно поднял в знак прощания руку. В нем зародилось легкое сомнение: что это было – лесть или оскорбление? Но тут новый приступ отрыжки с урчанием вырвался наружу, вытеснив сомнения и приведя его разум и пищеварение в равновесие.

По дороге домой, Дукхи увидел своих друзей, они покуривали, устроившись под деревом у реки.

– Эй, Дукхи, так поздно и в той части деревни?

– Ходил к читпаван-брахману, – ответил Дукхи и описал свой визит во всех подробностях. – Надутый Обжора – вот как его надо называть.

Мужчины радостно загоготали, а Чхоту согласился, что Надутый Обжора звучит гораздо лучше.

– И как в него столько влезает – ведь он съедает фунт топленого масла и два фунта конфет за каждой едой?

– Он дал мне мазь для детей, – сказал Дукхи. Мужчины пустили жестянку по кругу, разглядывали мазь, принимались.

– Похоже на крем для обуви, – определил Чхоту. – Должно быть, полирует свою лысину каждое утро. Вот она и сверкает, как солнце.

– Братья, вы спутали его голову с задницей. Ее-то он и полирует, и оттуда изливается свет на собратьев по касте. И потому каждый хочет поглубже лизнуть.

– У меня есть для них шлока, – сказал Дейарам и, имитируя священное восхваление на санскрите, произнес речь, посвященную совокуплению и содомии.

Мужчины так и покатались со смеху. Дукхи бросил жестянку в реку и пошел домой, предоставив друзьям фантазировать, что на самом деле таится под складками жира на животе пандита Лалурама.

Рупе он сказал, что наутро едет в город.

– Я принял решение. Еду поговорить с портным Ашрафом.

Рупа не спросила зачем. Она была целиком поглощена задуманным предприятием – раздобыть ночью где-нибудь масла, чтобы смазывать израненную кожу сыновей.

Ашраф отказался от платы за обучение сыновей Дукхи.

– Они будут мне помогать, – сказал он. – И два маленьких мальчика нас не объедят. Будут есть с нами. Идет? Возражений нет?

– Нет, – ответил Дукхи.

Через две недели он привез Ишвара и Нараяна.

– Ашраф мне как брат, – объяснил он детям. – Поэтому всегда зовите его дядя Ашраф. – Портной засветился от радости, польщенный, что его будут звать дядей, а Дукхи продолжил: – Некоторое время вы поживете у дяди Ашрафа, он будет вас учить ремеслу. Внимательно слушайте все, что он говорит, и оказывайте ему такое же уважение, как и мне.

Отец заранее подготовил сыновей к разлуке. Сейчас было просто формальное объявление.

– Да, папа, – ответили мальчики.

– Дядя Ашраф хочет сделать из вас портных – таких, как он сам. С этого момента вы не чамары, и, если кто спросит, кто вы, не говорите – Ишвар Мочи или Нараян Мочи. Теперь вы – Ишвар Даржи и Нараян Даржи.

Дукхи похлопал каждого по спине, а затем слегка подтолкнул, как бы направляя под опеку другого мужчины. Мальчики сделали шаг к портному, а тот уже тянул к ним руки.

Дукхи видел, с каким теплом Ашраф обнял за плечи его сыновей. Ашраф был добрым, сердечным человеком, и Дукхи знал, что у него мальчикам будет хорошо. И все же сердце его сжала тоска.

Возвращаясь в деревню, он трясся на воловьей упряжке, совершенно обессиленный, не замечая ни ухабов, ни колдобин, на которых подпрыгивала телега. Но иногда его захлестывала энергия, и тогда ему хотелось спрыгнуть с телеги и бежать вперед. Дукхи понимал, что сделал для сыновей все, что только мог, и это вселяло надежду. Но почему тогда он не чувствует облегчения? Почему так теснит в груди?

Под вечер он соскочил с телеги у деревенской дороги. Рупа безучастно сидела в хижине, не сводя глаз с входа, где возникла его тень. Дукхи успокоил ее, сказав, что все прошло хорошо.

Рупа с укоризной смотрела на него. Он проделал в ее жизни брешь, которую ничем не заполнить. Каждый раз, когда она вспоминала, что ее два сына живут далеко, у чужого человека и мусульманина в придачу, боль подкатывала к ее горлу, и она говорила мужу, что задыхается. На это он с горечью отвечал, что его друг мусульманин обращается с их детьми лучше, чем индийские братья.

Швейное ателье «Музаффар» располагалась на улице мелкого семейного бизнеса. Там были скобяная лавка, лавки угольщика, бакалейщика и мельника – все, как близнецы, похожие друг на друга. Различались они только шумом и запахами. Единственная вывеска висела на лавке «Музаффар».

Мастерская Ашрафа была очень тесная, как и жилое помещение над ней: одна комната и кухня. Ашраф в прошлом году женился, и у него была месячная дочка. Его жена, Мумтаз, была не в восторге от того, что прибавилось еще два рта. Решили, что ученики будут спать в мастерской.

Внезапная перемена в жизни потрясла Ишвара и Нараяна. Большие дома, электричество, водопровод – ничего такого не было в деревне, и все это поражало. В первый день они сидели на каменных ступенях мастерской и с благоговейным трепетом взирали на улицу, которая представлялась им пугающим хаосом. Постепенно движение стало обретать форму реки, в ней просматривались струи ручных тележек, велосипедов, воловьих упряжек, автобусов и изредка грузовиков. Теперь им открылся характер бурной реки. Они поняли, что в этом шуме и неистовстве есть система.

Мальчики видели, что люди приходят в магазин за солью, специями, кокосами, бобами, свечами, маслом. Видели, как принесенное к мельнику зерно становится мукой. Во время работы руки мельника, а иногда даже лицо и ресницы постепенно становились белыми. А руки и лицо угольщика, напротив, час от часу все больше чернели; его подручные весь день бегали взад-вперед с корзинами угля. Ишвар и Нараян любили смотреть, как соседи вечерами мылись и, смыв дневную грязь, становились просто смуглыми.

Ашраф не трогал братьев два дня, пока их любопытство не насытилось внешними впечатлениями и не обратилось к самой мастерской. Пределом мечтаний для них была швейная машина. Ашраф позволил братьям поочередно работать педалью, в то время как он прошивал кусок ткани. Мальчики пришли в восторг, что могут управлять машиной. Ощущения были такими же острыми, как в тот день, когда они рисовали мелом по грифельным доскам.

Теперь они были готовы осваивать не столь волнующие вещи, вроде вдвевания нитки в иголку или ручных стежков. Их жажда поскорее всему научиться изумляла Ашрафа. И когда в «Музаффар» пришел очередной клиент, Ашраф разрешил Ишвару записать мерки.

Мужчина принес полосатую ткань на рубашку. Ашраф внес на новую страницу в книгу заказов имя заказчика и размотал сантиметр с тем особым шиком, который восхищал мальчиков. Они потихоньку пытались ему подражать, и это забавляло Ашрафа.

– Воротничок – четырнадцать с половиной дюймов, – диктовал Ашраф. – Грудная клетка – тридцать два. – Он бросил взгляд на Ишвара, который с высунутым от усердия языком склонился над книгой. И повернувшись к клиенту, спросил: – А рукава? Короткие или длинные?

– Обязательно длинные, – ответил мужчина. – Я иду на свадьбу к другу. – Когда с формальностями было покончено, клиенту обещали, что рубашка будет готова точно к свадьбе на следующей неделе, и он ушел.

– Теперь взглянем на измерения, – сказал Ашраф.

Горделиво улыбаясь, Ишвар протянул ему книгу заказов. Страница была вся в черных черточках и закорючках.

– Ага, ясно. – Ашраф постарался скрыть свое волнение и похлопал мальчика по спине. – Очень хорошо. – А сам быстро набросал те цифры, что успел запомнить.

После обеда он стал учить братьев алфавиту и цифрам, что вызвало недовольство Мумтаз.

– Теперь ты еще и учитель. Что будет дальше? Может, когда они вырастут, ты им и жен найдешь?

На следующий день Ашраф сшил свадебную рубашку. Заказчик пришел на примерку в конце недели. Ашраф угадал все точно, кроме длины. Рубашка была почти до колен. Мужчина с сомнением рассматривал себя в зеркало, поворачиваясь то одним, то другим боком.

– Сидит замечательно, – нахваливал Ашраф. – Северный патанский⁴² стиль, очень модный в наши дни. – После ухода клиента, не до конца убежденного, все трое покатались от хохота.

---

⁴² Патаны – индийское название афганских племен. Патаны насчитывают около 15 миллионов человек в Индии, Афганистане, Пакистане.

Через месяц после начала ученичества мальчиков, Ашраф проснулся ночью от приглушенного плача. Он сел, прислушался, но ничего не услышал. Снова лег и задремал.

Но через несколько минут тот же звук разбудил его.

– Что с тобой? – спросила Мумтаз. – Ты все время вскакиваешь.

– Какой-то шум. Девочка не плакала?

– Нет, но заплачет, если ты не успокоишься.

Тихий плач возобновился.

– Это внизу. – Ашраф слез с кровати и зажег лампу.

– Куда ты? Разве ты им отец?

Упреки жены сопровождали Ашрафа все время, пока он спускался в мастерскую. Войдя в помещение, он приподнял лампу, осветив заплаканное лицо Нараяна. Опустившись рядом на колени, Ашраф погладил его по спине.

– Что случилось, Нараян? – спросил он, хотя знал ответ. Тоска по дому должна была проявиться рано или поздно. – Я слышал твой плач. У тебя что-то болит?

Мальчик покачал головой. Ашраф обнял его.

– Когда твоего папы нет рядом, я его заменяю. А тетя Мумтаз – маму. Ты можешь обо всем говорить с нами.

Нараян залился слезами. Проснулся Ишвар и стал тереть глаза, заслоняя их от лампы.

– Ты знаешь, почему плачет твой брат?

Ишвар важно кивнул.

– Он каждую ночь вспоминает дом. Я тоже вспоминаю, но не плачу.

– Ты мужественный мальчик.

– Я тоже не хочу плакать, – сказал Нараян. – Но когда становится темно, все засыпают, и я не могу не думать о папе и маме. – Он засопел и стал тереть глаза. – Так и вижу нашу хижину, от этого становится грустно, и слезы сами текут.

Ашраф посадил мальчика на колени, говоря, что это нормально – думать о родителях.

– Но не грусти. Через несколько недель приедет папа и заберет тебя домой погостить. А когда освоишь профессию портного, откроешь свою мастерскую и заработаешь много денег. Представляешь, как будут гордиться тобой родители! Когда вам взгрустнется, – сказал Ашраф, – приходите ко мне и рассказывайте о деревне, реке, полях, друзьях. После таких разговоров грусть сменится радостью, – убежденно сказал он. Пока мальчики не уснули, Ашраф лежал с ними рядом, а потом тихо поднялся по лестнице, притушив лампу.

Мумтаз дожидалась его в темноте.

– Все хорошо? – спросила она с беспокойством.

Он кивнул, обрадованный участием жены.

– Мальчики просто чувствуют себя одинокими.

– Тогда пусть с завтрашнего дня спят с нами наверху.

Ашрафа растрогало ее предложение, глаза его наполнились любовью.

– Они храбрые мальчики и со временем привыкнут спать одни. Нужно вырабатывать характер, это пойдет им на пользу, – сказал он.

В деревне скоро узнали, что сыновья Дукхи осваивают новую профессию – не выделку шкур. В прежние времена выход из своей касты карался смертью. Дукхи не лишили жизни, но сделали ее еще труднее. Ему больше не давали туши скота, и за работой приходилось ездить далеко. Иногда ему тайком приносили шкуры знакомые чамары, но, если б это стало широко известно, им бы не поздоровилось. Изделия из незаконно добытой кожи приходилось продавать в отдаленных местах, где ничего не слышали о Дукхи и сыновьях.

– Какие несчастья навлек ты на наши головы, – чуть ли не ежедневно повторяла Рупа. – Ни работы, ни еды, ни сыновей. Чем я это заслужила? Моя жизнь превратилась в сплошной кошмар.

Однако по мере приближения приезда сыновей Рупа повеселела. Теперь она мечтала, строила планы, ее обуревало желание устроить детям праздник. Однако денег не было, и тогда она решила раздобыть угощения даром, под покровом ночи.

Впервые с рождения сыновей Дукхи признался, что знает о ночных походах жены. Когда она за полночь украдкой поднялась, он внятно произнес: «Послушай, мать Нараяна, не думаю, что тебе стоит идти».

Рупа вздрогнула.

– Как ты меня испугал! Я думала, ты спишь!

– Глупо так рисковать.

– Раньше ты этого не говорил.

– Тогда другое дело. Теперь нет детей, которые будут голодать без масла, или персика, или сахара.

Рупа все-таки ушла, но пообещала себе, что это в последний раз. Все-таки она не видела детей три месяца, нужно угостить их чем-то особенным.

Наступил долгожданный день. Дукхи покинул дом на рассвете и вернулся с сыновьями, забрав их на неделю. Всю дорогу мальчишки сидели, прижавшись к отцу с двух сторон, и постоянно к нему прикасались. Нараян держал руку на отцовском колене, а Ишвар вцепился в плечо. Сыновья говорили не переставая, а потом, когда под вечер приехали домой, рассказали все еще раз матери.

– Швейная машина – просто чудо, – сказал Ишвар. – Большое колесо...

– А ногами делаешь вот так, – перебил брата Нараян и замахал ладонями, показывая, как работает педаль, – и тогда иглолка прыгает вверх-вниз, это так здорово...

– У меня получается быстро, но у дяди Ашрафа еще быстрее.

– Маленькая иголочка мне тоже нравится, она плавно входит в ткань и плавно выходит, но она очень острая, однажды я уколол большой палец.

Мать тут же потребовала показать палец. Убедившись, что с ним все в порядке, она стала слушать дальше. К ужину дети совсем осовели и заснули прямо за столом. Рупа вытерла им руки и рты, а Дукхи уложил сыновей на матрасы.

Прежде чем раскатать свои матрасы, родители долго смотрели на спящих детей.

– А они хорошо выглядят, – сказала Рупа. – Смотри, как налились щечки.

– Надеюсь, это здоровая полнота, – заметил Дукхи. – А то у голодающих детей, бывает, животы раздуваются.

– Какую чушь ты несешь! Как мать я бы сразу увидела, если б моим детям было плохо. – Рупа однако понимала: муж сказал так от обиды, что дети набрались сил в чужом доме, а в своем не могли. Ей и самой было не по себе. Они легли спать со смешанным чувством радости и печали.

Утром приятные волнения продолжились. Мальчишки привезли с собой сантиметр, чистый лист бумаги и карандаш из «Музаффара», чтобы снять мерки с родителей. Ашраф научил их необходимым измерениям – шеи, талии, груди, длины рук.

Мальчикам не хватало роста, поэтому обоим клиентам приходилось нагибаться или даже садиться на пол – сначала матери, потом отцу. Когда они снимали мерки с Дукхи, Рупа позвала посмотреть на их работу ближайших соседей. Ишвар сразу застеснялся, робко улыбаясь, а Нараян победно размахивал сантиметром, его движения стали картинными, он наслаждался всеобщим вниманием.

Когда братья закончили, все восторженно захлопали. Вечером Дукхи взял лист с мерками и понес к дереву у реки показать друзьям. Всю неделю он не расставался с этим листом.

Наконец пришло время разлуки. Родители уже предчувствовали пустоту, которая поселится в их хижине после отъезда детей. Ишвар попросил у отца листок с мерками.

– Можно я оставляю его у себя? – сказал Дукхи. Сыновья проявили уважение к просьбе и, оторвав клочок, перенесли на него цифры, а оригинал оставили отцу.

Следующая встреча состоялась через три месяца. На этот раз мальчики приехали с подарками. Ишвар и Нараян решили подшутить над родителями и сказали, что выбирали подарки в большом городском магазине, как состоятельные граждане.

– Что это значит? – спросила с тревогой Рупа. – Откуда вы взяли деньги?

– Да не покупали мы ничего, ма! Сами все сшили! – открылся Нараян, позабыв о розыгрыше. Ишвар возбужденно рассказал, как дядя Ашраф помог им выбрать подходящие куски тканей, оставшиеся после заказчиков. Проще всего было с рубашкой отца: обрезков белого поплина было достаточно. А вот с маминым чоли⁴³ пришлось покумекать. Спереди блузка была из ткани с красными и желтыми цветами, спина из сплошного красного куска, а рукава багряные.

Надев чоли, Рупа разрыдалась. Ишвар и Нараян с беспокойством посмотрели на отца, но тот их успокоил, сказав, что мать плачет от радости.

– Это правда, – подтвердила Рупа сквозь рыдания слова мужа. Встав на колени перед мальчиками, она поочередно их обняла, а потом заключила в объятия. Дукхи смотрел на эту сцену, и тогда Рупа подвела к нему мальчиков.

– Обнимите и своего отца, – сказала она. – Сегодня особый день.

Рупа побежала за соседями.

– Падма! Савитри! Идите скорей, посмотрите! Амба и Пьяри, идите тоже! Только взгляните, что привезли мои сыновья!

Дукхи улыбнулся мальчикам.

– Сегодня обеда не ждите. Новая чоли свела ее с ума, она весь день будет похвально обновкой. – Он провел руками по новой рубашке со всех сторон. – В ней мне гораздо удобнее, чем в старой. И ткань лучше.

– Взгляни, папа, здесь еще и карман есть, – сказал Нараян.

Рупа и Дукхи носили новую одежду целую неделю. Когда же сыновья уехали в город, Рупа сняла чоли и потребовала у мужа рубашку.

– Зачем? – удивился он.

– Надо постирать.

Но когда рубашка высохла, Рупа не вернула ее мужу.

– А что, если ты повешешь рубашку или еще что? – Она сложила новую одежду, завернула в мешковину и для надежности обвязала бечевкой. Потом подвесила сверток к потолку, чтобы уберечь от наводнений и грызунов.

Годы ученичества Ишвара и Нараяна делились на трехмесячные циклы, отделенные друг от друга недельным пребыванием в деревне. Теперь одному было восемнадцать, другому – шестнадцать, и их учеба в «Музаффаре» должна была закончиться после сезона дождей. Семья Ашрафа увеличилась – в ней уже росли четверо дочерей, младшей было три, старшей – восемь. Мумтаз проявляла большой интерес к судьбе учеников. «Когда они обретут самостоятельность, в доме будет больше места для собственных детей», – думала она, хотя за эти годы и полюбила спокойных и трудолюбивых мальчиков.

Нараян собирался обосноваться в деревне и шить одежду местным. Ишвар предпочел бы жить в городе – в этом или в другом, работать помощником в ателье по пошиву одежды.

---

⁴³ Чоли – блузка, надеваемая с сари (традиционная индийская одежда).

– В деревне много не заработаешь, – говорил он. – Там одни бедняки. А в городе можно развернуться.

Между тем отдельные мятежи, вспыхивающие время от времени из-за слухов о независимости, широко распространились по стране, когда Раздел стал реальностью.

– Может, не стоит пока сниматься с места, – сказал Ашраф под выразительным взглядом Мумтаз. – Дьявол еще не делает свою черную работу в нашем городе. Вы живете здесь много лет, знаете всех соседей. А в деревне, даже если в ней спокойно, трудно начинать новый бизнес.

Ишвар и Нараян передали с кем-то весточку родителям, что они поживут у дяди Ашрафа, пока не стихнут беспорядки. Рупа была в отчаянии: после долгих лет разлуки воссоединение семьи вновь откладывалось. Когда же боги сжалятся над ней, и муки ее прекратятся?

Дукхи тоже был расстроен, но счел такое решение правильным. Странные и волнующие события происходили в их местах. Объявились какие-то люди из индуистской организации в белых рубашках и штанах цвета хаки, натренированные ходить маршем, как солдаты. Они рассказывали, как во многих местах мусульмане нападали на индусов.

«Нам надо готовиться к защите, – говорили они, – а также к мести. Если прольется кровь наших индуистских братьев, мы затопим эту страну кровью мусульман».

В деревне Дукхи мусульман было слишком мало, и они не могли представлять угрозу, но землевладельцы воспользовались случаем, чтобы пробудить в людях враждебные чувства к ним.

«Лучше покончим с мусульманской угрозой раньше, чем сгорим заживо в наших домах. В течение веков они вторгались в наши земли, разрушали наши храмы, захватывали наши богатства», – говорили они.

Мужчины в белых рубашках еще несколько дней вели упорную пропаганду, но так ничего и не добились. Представителей низших каст не тронула их риторика. Они всегда жили в мире с соседями-мусульманами. К тому же им было не до митингов: они еле сводили концы с концами.

Итак, попытка выселить из деревни мусульман с треском провалилась. В конце концов, проклиная жителей за то, что они заодно с предателями, главный из которых Мохандас Карамчанд Ганди, люди из индуистской организации двинулись дальше. Густонаселенные города с магазинами и развитой коммерцией давали им больше шансов на успех; там легче соблюсти анонимность, а слухи и прямой обман находят благодатную почву.

По вечерам Дукхи с друзьями обсуждали эти события у реки. Их сбивали с толку противоречивые сведения о том, что происходит в дальних городах и деревнях.

– Заминдары всегда обращались с нами как со скотом.

– Даже хуже.

– А что, если все правда? Что, если мусульманская орда сметет нашу деревню, как говорили те, что в хаки?

– Мусульмане никогда нас не беспокоили. Так почему начнут теперь? Зачем ссориться с ними из-за каких-то баек?

– Да уж. Неожиданно мы все стали братьями-индусами.

– Мусульмане были нам больше братьями, чем проклятые брахманы и тхакуры.

Но слухи множились: кого-то пырнули ножом на городском базаре, на автобусной станции зарезали садху, небольшой поселок сровняли с землей. В округе нагнетались страсти. Слухи казались правдоподобными, ведь о похожих случаях писали в газетах – поджоги и беспорядки в городах не были редкостью, так же как драки и убийства, зачинщиками которых были обе стороны. А через новую границу в ту и другую сторону шли потоки переселенцев.

* * *

Первые убийства произошли в беднейшем районе и быстро охватили весь город – уже на следующий день базар был пустым. Не продавались ни фрукты, ни овощи, молочники тоже носу не показывали, а единственную пекарню, где хозяин был мусульманин, сожгли дотла.

– Хлеб стал дороже золота, – сказал Ашраф. – Какое безумие! Люди жили веками рядом, вместе смеялись и плакали. А теперь убивают друг друга. – В этот день он не работал и часами смотрел из дверей на пустынную улицу, как будто ждал чего-то ужасного.

– Дядя Ашраф, обед готов, – позвал его Нараян по знаку Мумтаз. Муж ничего не ел весь день. Она надеялась, что хоть сейчас он присоединится к ним.

– Я хочу кое-что сказать тебе, Мумтаз. И вам тоже, – повернулся он к Ишвару и Нараяну.

– Пойдем, обед не ждет, позже поговорим, – сказала жена. – Сегодня у нас только дхал⁴⁴ и чапати, но поесть тебе надо.

– Я не голоден. Ешь с малышами, – отказался Ашраф, подталкивая к столу четверых детей. Те упирались, чувствуя беспокойство родителей. – И вы, мальчики, садитесь.

– Я старалась, готовила, а мой господин и повелитель даже ни к чему не притронулся, – сказала Мумтаз.

Сейчас обычная жалоба жены показалась Ашрафу издевкой. Он закричал на нее, чего обычно не делал.

– Ну что тебе надо? Не хочу я есть. Привяжешь тарелку к моему животу? Думай хоть иногда, что говоришь. – Двое младших заревели во весь голос. Одна из них опрокинула стакан воды.

– Ну, теперь ты доволен? – сказала презрительно Мумтаз, вытирая со стола. – Думаешь испугать меня своим криком? Так вот, скажу тебе, ты испугал только малышей.

Ашраф обнял плачущих детей.

– Ну хватит. Не надо плакать. Сейчас мы вместе поедем. – Он кормил девочек со своей тарелки и по их требованию иногда клал и себе в рот маленький кусочек. Девочкам понравилась новая игра, и они развеселились.

Обед прошел незаметно, и вскоре Мумтаз взяла кастрюлю и половник, чтобы помыть под краном на улице. Ашраф ее остановил.

– Я хотел поговорить с тобой до обеда, но ты раскричалась.

– Теперь я тебя слушаю.

– Я о том... о том, что творится сейчас повсюду.

– Что творится?

– Хочешь, чтобы я рассказал об этом при детях? – сердито прошептал Ашраф. – Не прикидывайся глупой. Раньше или позже беда и сюда придет. Как бы ни сложились обстоятельства, отношения между двумя сообществами никогда не будут прежними.

Он увидел испуг в глазах Ишвара и Нараяна и быстро добавил: «К нам это не имеет никакого отношения, мальчики. Мы навсегда останемся семьей – даже в разлуке».

– Но, дядя Ашраф, нам не надо расставаться, – сказал Нараян. – Мы с Ишваром не собираемся пока уезжать.

– Да, я знаю. Но тете Мумтаз, детям и мне придется уехать.

– Мой бедный господин совсем сошел с ума, – не выдержала Мумтаз. – Хочет уезжать. С тремя малютками? Куда ты хочешь ехать?

---

⁴⁴ Дхал – суп из чечевицы.

– Туда же куда все. Надо пересечь границу. А что ты предлагаешь? Сидеть и ждать, когда ненависть и безумие придут к нам, вооруженные саблями, дубинками и керосином? Так вот, слушайте – завтра утром я иду на вокзал и покупаю билеты на поезд.

Мумтаз сопротивлялась, говорила, что он ведет себя как безрассудный старик. Но Ашраф не шел ни на какие уступки. Он говорил, что готов отстаивать свою точку зрения всю ночь, и никогда не согласится, что все идет, как надо.

– Я сделаю все, чтобы спасти свою семью. Как можешь ты быть такой слепой! Если понадобится, я за волосы притащу тебя на вокзал. – Услышав такое, дети снова пустились в рев.

Мумтаз утерла слезы дупаттой⁴⁵ и прекратила спорить. Она вовсе не слепая и тоже чувствует опасность, муж в этом прав. Но повязку с глаз действительно трудно снять: страшно увидеть то, чего видеть не хочешь.

– Если нужно уезжать в спешке, много не возьмешь, – предупредила она. – Одежду, печку, кухонную утварь. Ладно, пойду укладывать вещи.

– Приготовь только то, что возьмем с собой, – сказал Ашраф. – Остальное запрем в мастерской. Иншалла⁴⁶, когда-нибудь мы вернемся и заявим о своих правах. – Он пошел укладывать детей. – Сегодня нам надо пораньше лечь спать. Завтра мы отправляемся в долгое путешествие.

Нараяну было невыносимо слушать эти разговоры и следить за нервными сборами. Но он сомневался, что его вмешательство что-то изменит. Он сделал вид, что идет вниз спать, а сам выскользнул через заднюю дверь к соседям и рассказал о планируемом побеге.

– Серьезно? – засомневался хозяин скобяной лавки. – Когда мы говорили утром, он согласился, что в нашем квартале такого случиться не может.

– Теперь он так не думает.

– Подожди, я сейчас же иду к нему.

Захватив с собой угольщика, мельника и бакалейщика, он забарабанил в дверь Ашрафа.

– Прости, что побеспокоили тебя в такой час. Можно войти?

– Конечно. Не хотите закусить? Выпить?

– Нет, спасибо. Мы зашли, потому что получили опечалившее нас известие.

– Что случилось? – Мысль о том, что кто-то из знакомых мог пострадать из-за беспорядков, взволновала Ашрафа. – Могу я чем-то помочь?

– Можешь. Если скажешь, что это неправда.

– Какая неправда?

– Что ты хочешь покинуть нас, покинуть место, где родился и где родились твои дети. Для нас это большое горе.

– Вы прекрасные люди. – На глазах Ашрафа выступили слезы. – Но у меня, правда, нет выбора.

– Давайте сядем и спокойно подумаем, – предложил хозяин скобяной лавки, обняв Ашрафа за плечи. – Ситуация плохая, не спорю, но бежать сейчас – просто безумие.

Остальные согласно закивали. Угольщик положил руку на колено Ашрафа.

– Поезда ежедневно пересекают новую границу, но доставляют не людей, а трупы. Вчера с севера приехал мой агент, он видел это собственными глазами. Поезда останавливают в пути, и всех безжалостно убивают. По обе стороны границы.

– И что же мне тогда делать?

В голосе Ашрафа звучало такое отчаяние, что хозяин скобяной лавки снова положил руку ему на плечо.

---

⁴⁵ Дупатта – кусок ткани, который можно носить как шарф или повязку на голове.

⁴⁶ Иншалла – «Если того захочет Аллах» (араб.)

– Оставайся здесь. Ты среди друзей. Мы не дадим в обиду твою семью. У нас по соседству все спокойно. Мы всегда дружно жили.

– Но что будет, если придут погромщики?

– Ты единственный мусульманин из всех торговцев на нашей улице. Так неужели мы не сумеем защитить один магазин? – Соседи обнимали Ашрафа, хлопали по спине, говорили, что ему нечего бояться. – А если вдруг почувствуешь тревогу – днем или ночью, приходи к нам вместе с женой и детьми.

После ухода соседей Нараяну пришла в голову идея.

– На доме висит вывеска «Ателье «Музаффар». Можно ее заменить.

– Зачем? – не понял Ашраф.

Нараян колебался, не зная, как сказать.

– Ну, на новое...

Ашраф догадался.

– А, на новое имя. Индийское. Хорошая мысль.

– Давайте займемся этим прямо сейчас, – сказал Ишвар. – Я привезу новую доску со склада вашего дяди. Можно я возьму мотоцикл?

– Конечно. Но будь осторожен, не заезжай на мусульманские улицы.

Через час Ишвар вернулся с пустыми руками: ему не удалось добраться до склада.

– Много домов и магазинов в огне. Я ехал медленно, очень медленно. Потом увидел людей с топорами. Они при мне зарубили мужчину. Я испугался и повернул назад.

Ашраф тяжело опустился на стул.

– Ты поступил правильно. Но что нам теперь делать? – Страх лишил его способности думать.

– А почему нам нужна новая доска? – спросил Нараян. – Можно просто перевернуть старую. Нам только краска потребуется.

Он опять отправился в скобяную лавку, и хозяин дал ему открытую банку с синей краской.

– Отлично придумано, – похвалил сосед. – А какое имя напишете?

– Думаю, «Портной Кришна», – сказал Нараян первое, что пришло в голову.

– Синий будет хорошо. – Внимание соседа привлекли клубы дыма и огня на горизонте. – Кажется, горит дровяной склад. Только не говори пока Ашрафу.

К ночи они закончили рисовать буквы и повесили вывеску на прежнее место. – На старом дереве свежая краска особенно заметна, – сказал Ашраф.

– Завтра, когда краска высохнет, я потру ее пеплом, – пообещал Ишвар.

– Если только к тому времени мы сами не обратимся в пепел, – мрачно пошутил Ашраф. Хрупкое ощущение безопасности, принесенное соседями, понемногу таяло.

Ночью каждый шорох вызывал у него страх и казался угрозой, пока Ашраф не связал их с привычными, знакомыми с детства звуками. Всю жизнь он спал под эти звуки и теперь заново их узнавал. Скрип чарпая⁴⁷ на заднем дворе, на котором спал угольщик, любитель свежего воздуха; он тряс кровать каждый вечер, чтобы избавиться от клопов. Грохот двери бакалейщика, когда ее запирают на ночь. Эту дверь постоянно заедало – закрыть ее могла только сильная рука. Звяканье ведра – Ашраф так и не узнал, чье оно и что им черпают в столь поздний час.

Вскоре после полуночи он проснулся как от толчка, спустился в мастерскую и снял со стены над рабочим столом три рамки с цитатами из Корана. Ишвар и Нараян зашевелились, разбуженные возней в темноте, и включили свет.

---

⁴⁷ Чарпай – кровать из плетеных веревок.

– Все хорошо, спите, – сказал Ашраф. – Я вдруг подумал об этих рамках. – На месте снятых рамок на обоях остались темные пятна. Ашраф тщетно пытался мокрой тряпкой стереть их.

– У нас есть кое-что взамен, – сказал Нараян. Он вытащил из-под рабочего стола чемодан и извлек оттуда три рисунка, приклеенные на картон, с маленькими веревочными петлями на задней стороне: «Рама и Сита, Кришна, Лакшми».

– Отлично, – оценил идею Ашраф. – А завтра сожжем все мусульманские журналы и газеты.

В восемь тридцать утра Ашраф, как обычно, открыл ателье, снял замок с раздвижной металлической сетки, но не зафиксировал ее створки. Деревянная дверь в мастерскую осталась приоткрытой. Улица и сегодня пустовала.

Часов в десять сын угольщика крикнул через сетку: «Отец спрашивает, не надо ли вам чего-нибудь на рынке, если тот, конечно, работает. А вам лучше не ходить, говорит он».

– Да благословит тебя бог, сынок, – поблагодарила юношу Мумтаз. – Если можно, немного молока для детей. И что-нибудь из овощей – несколько картошек и луковиц, все, что увидишь.

Через четверть часа юноша вернулся с пустыми руками: на рынке никто не торговал. Позже угольщик прислал кувшин молока от своей коровы. Из оставшейся муки и чечевицы Мумтаз приготовила еду. Задолго до наступления темноты Ашраф повесил замок на сетку и закрыл на засов двери.

За ужином младшая дочка попросила, чтобы отец кормил их как вчера.

– Ага, значит, игра понравилась? – улыбнулся Ашраф.

После ужина Ишвар и Нараян поднялись, чтобы идти к себе вниз, а семье дать время подготовиться ко сну.

– Постойте, – задержал их Ашраф. – Еще рано. Без клиентов время еле движется.

– Завтра должно быть лучше, – предположил Ишвар. – Говорят, ситуацию возьмут под контроль солдаты.

– Иншалла, – сказал Ашраф, глядя на младшую дочь, игравшую с тряпичной куклой, сшитой им из разных клочков. Старшая читала учебник. Две других возились с обрезками, изображая портних. Ашраф привлек внимание Ишвара и Нараяна к их забавной игре.

– Похоже на то, что делали вы, когда впервые сюда попали, – сказал он. – Любили размахивать сантиметром, хлопать им. – Все рассмеялись при этом воспоминании, но быстро замолчали.

Тишину нарушил громкий стук. Ашраф вскочил с места, но Ишвар его остановил:

– Пойду посмотрю.

Из верхнего лестничного окна он увидел группу из двадцати-тридцати человек, стоявших на тротуаре. Они увидели юношу и заорали: «Открой дверь! Мы хотим с тобой поговорить!»

– Сейчас! Одну минуту! – крикнул Ишвар в ответ. – Послушайте, – зашептал он, – как можно тише, перебирайтесь к соседям через проход наверху. Мы с Нараяном спустимся в мастерскую.

– О, Аллах! – заголосила Мумтаз. – Надо было вовремя уходить! Ты был прав, муж мой, а я ругала тебя, называла безумцем. Это я безумная...

– Замолчи и быстро собирайся! – приказал Ашраф. Одна из девочек захлопала носом. Мумтаз обняла ее и успокоила. Ашраф стал всех выводить, а Ишвар и Нараян пошли вниз. Стук все нарастал, сквозь сетку проталкивали тяжелые предметы, целясь в деревянные двери.

– Потихе вы! – крикнул Ишвар. – Надо же мне отпереть замки!

Толпа примолкла, увидев через сетку фигуры братьев. Большинство пришельцев были вооружены примитивными орудиями – палками или копьями, остальные – саблями. На нескольких были рубашки шафранового цвета, в руках вилы.

При виде этого маленького войска Ишвар задрожал и чуть не поддался искушению открыть правду и уйти с их дороги. Но от этой мысли ему стало стыдно, он отпер сетку и слегка ее приоткрыл.

– Намаскар⁴⁸, братья!

– Кто ты? – спросил стоящий впереди мужчина.

– Мой отец – владелец мастерской «Портной Кришна». А это мой брат.

– А где отец?

– Поехал на родину – родственник заболел.

Мужчины переговорили между собой, а потом заводила сказал:

– К нам поступила информация, что это лавка мусульманина.

– Что? – в один голос воскликнули Ишвар и Нараян. – Это ателье принадлежит нашему отцу уже двадцать лет.

В задних рядах поднялось волнение: «Чего тут разговаривать! Спалить лавку! Известно, что хозяин мусульманин! Сжечь дотла! И тех, кто лжет и прикрывает мусульман сжечь тоже!»

– Может так быть, что в лавке работают мусульмане? – спросил заводила.

– Дела идут не так хорошо, чтобы кого-то нанимать, – сказал Ишвар. – Еле хватает работы для меня и брата. – Мужчины, стоящие поближе, заерзали, стараясь заглянуть вглубь мастерской. Они тяжело дышали, от них разило потом.

– Пожалуйста, смотрите, что хотите. – Ишвар отодвинулся в сторону. – Нам нечего скрывать.

Мужчины быстро все оглядели, обратив внимание на изображения индуистских божеств на стене над рабочим столом. Один из них в шафрановой рубашке выступил вперед:

– Послушай, парень, если ты врешь, я лично проткну тебя вилами.

– Зачем мне врать? – сказал Ишвар. – Я такой же, как вы. Думаете, я пошел бы на смерть ради мусульманина?

В толпе опять заспорили.

– Эй, выходите сюда и спускайте штаны, – приказал заводила. – Оба выходите.

– Что?

– А ну, поторапливайтесь! Или штаны вам больше не понадобятся!

Нетерпение в рядах нарастало. По мостовой застучали копы, все громче звучал призыв к расправе. Ишвар и Нараян покорно приспустили штаны.

– Ничего не вижу – здесь слишком темно, – рявкнул заводила. – Дайте свет. – Из задних рядов передали фонарь. Мужчина наклонился и осветил каждому юноше промежность. Зрелище его удовлетворило. Толпа окружила ребят – налетчики хотели сами разобраться. В результате всем стало ясно: крайняя плоть не обрезана.

В этот момент хозяин скобяной лавки открыл верхнее окно и крикнул: «Что здесь происходит? Чего вы пристали к индийским ребятам? Вам что, мусульман не хватает?»

– А ты кто такой? – закричали из толпы в ответ.

– Кто я такой? Твой отец и твой дед! Вот кто я такой! А также хозяин этой скобяной лавки. Скажи я хоть слово, и на мой призыв соберется вся улица! Вам не поздоровится! Шли бы вы куда подальше!

Заводила решил, что связываться с местными не стоит. Его подручные поплелись следом, выкрикивая ругательства, чтобы как-то спасти лицо. Между собой они тоже переругивались: вечер потеряли и показали себя дураками из-за ложной информации.

---

⁴⁸ Намаскар! – традиционная форма приветствия в Индии.

– Это был прекрасный спектакль, – сказал скобянщик, дружески похлопывая Ишвара и Нараяна по спине. – Я наблюдал сверху. И если б вам угрожала хоть малейшая опасность, мы все пришли бы на помощь. И все же хорошо, что обошлось без столкновения. Вы их убедили, и они ушли мирно. – Он огляделся, желая убедиться, что ему поверили.

Мумтаз упала перед учениками на колени. Дупатта соскользнула с ее плеч и обвила их ноги.

– Тетя, пожалуйста, встаньте, – сказал Ишвар, пятясь назад.

– Отныне и навсегда я обязана вам своей жизнью, жизнью моих детей и мужа – всем этим я обязана вам. – Она с рыданиями припала к ногам юношей. – Ничем не расплатиться за это!

– Ну, пожалуйста, встаньте! – Ишвар держал женщину за запястья, пытаясь ее поднять.

– С этой минуты этот дом – ваш дом и будет им столько, сколько вы захотите почтить нас своим присутствием.

Ишвару наконец удалось расцепить ее руки на своих лодыжках:

– Тетя, вы нам как мать, мы уже семь лет делим с вами кров и стол.

– Иншалла, оставайтесь с нами еще на семьдесят! – Продолжая рыдать, Мумтаз снова накинула дупатту на шею, утирая уголком слезы.

Ишвар и Нараян вернулись к себе. Когда дети уснули, к ним спустился Ашраф. Юноши еще не успели раскатать матрасы. Несколько минут все трое сидели молча. Потом Ашраф заговорил:

– Когда раздался стук, я решил, что это конец.

– Я тоже испугался, – сказал Нараян.

Они опять надолго замолчали. Ашраф откашлялся.

– Я спустился к вам, чтобы сказать только одну вещь. – Слезы текли по его лицу, он прервался, чтобы утереть их. – Тот день, когда я встретил вашего отца, тот день, когда я предложил Дукхи отдать мне в обучение его двух сыновей – тот день был самым счастливым в моей жизни. – Ашраф обнял юношей, три раза каждого поцеловал и пошел вверх по лестнице.

Ашраф и слышать не хотел о том, чтобы братья вернулись в деревню, и Мумтаз поддерживала его в этом. «Оставайтесь – будете моими ассистентами на жалованье», – говорил он, хотя понимал, что этого ему не осилить.

С другой стороны, Рупа насаждала на Дукхи, говоря, что сыновьям давно пора осесть дома.

– Ты послал их учиться. Теперь они освоили профессию, так зачем им жить с чужими людьми? У них что, родителей нет?

Однако никто не мог предугадать, как два чамара, освоивших портняжное дело, будут чувствовать себя в деревне. Конечно, времена менялись, в воздухе витала надежда, после провозглашения независимости люди с большим оптимизмом смотрели в будущее. Ашраф осмелел до того, что перевернул вывеску, и его мастерская снова стала называться «Музаффар».

Но полной уверенности, что столетние традиции можно так легко пошатнуть, не было. Поэтому решили, что Ишвар останется у Ашрафа ассистентом, а Нараян вернется в деревню и разведает обстановку. Этот вариант устраивал всех: ателье «Музаффар» с трудом, но вытянет одного ассистента, Дукхи будет получать от сына деньги из города, а Рупа обнимет младшего сына.

Рупа сняла подвешенный к потолку пакет, который не трогали семь лет. Ссохшийся узелок не развязывался. Она разрежала бечевку, вытащила рубашку и чоли и выстирала их. «Пришло время надевать одежду снова, – сказала Рупа мужу. – Надо отпраздновать возвращение».

– Рубашка на мне болтается, – сказал Дукхи.

– Мне тоже чоли великовато. Наверное, ткань вытянулась.

Мужу понравилось такое объяснение. Зачем вспоминать голодные годы, за которые они исхудали.

Все чамары в деревне гордились Нараяном. Постепенно они набрались храбрости и стали его клиентами, хотя Нараяну это приносило мало денег: редко кто шил новое платье. Обычно они донашивали то, что выбрасывали представители высших каст. Так что работа в основном сводилась к починке и перешиванию одежды. Нараян шил на старой ручной машинке, полученной от Ашрафа. На ней можно было шить только обычным челночным стежком, но для материала, с которым работал Нараян, другого и не требовалось.

Работа пошла лучше, когда по окрестным деревням прошел слух, что произошло невозможное: чамар стал портным. Люди приходили не только для того, чтобы привести в порядок одежду, но и просто взглянуть на храброго чамара. Многие были разочарованы. В хижине не было ничего необычного – всего лишь молодой человек с болтавшимся на шее сантиметром и карандашом за ухом.

Как учил Ашраф, Нараян вел тщательный учет заказов – записывал имена, даты и стоимость услуг. Рупа по собственной инициативе вызвалась быть его менеджером: когда сын снимал мерки и вносил цифры в учетную тетрадь, она с важным видом стояла рядом. Еще точила карандаши ножиком для обрезки шкур. Прочитать его записи она не могла, но все расчеты держала в голове. Когда с новым заказом приходил кто-то, еще не расплатившийся за старый, она, стоя за спиной клиента, выразительным жестом потирала большим пальцем остальные, напоминая сыну про должок.

Примерно через полгода после возвращения Нараяна однажды утром к его хижине осмелился приблизиться бхунгхи. Рупа грела воду на улице, радостно прислушиваясь к стрекотанию швейной машины, когда заметила опасно приближающегося незнакомца.

– И куда это ты направляешься? – крикнула она, преграждая ему путь.

– Мне нужен портной Нараян, – сказал мужчина, робко сжимая в руках какое-то тряпье.

– Что? – Его дерзость ошеломила Рупу. – Не хочу даже слушать такое бесстыдство. Вот сейчас ошпарю твою вонючую кожу кипятком! Мой сын не шьет для таких, как ты!

– Мама! Что ты делаешь? – Нараян с криком выбежал из хижины, но мужчина уже пустился наутек. – Подожди! – пытался остановить его Нараян, но тот, опасаясь худшей кары, бежал все быстрее.

– Вернись, друг, все хорошо!

– В другой раз, – крикнул перепуганный мужчина. – Может, завтра.

– Хорошо. Я буду тебя ждать, – прокричал в ответ Нараян. – Обязательно приходи. – Недовольно покачивая головой, он вернулся в хижину, не глядя на мать, которая сердито провозжала его взглядом.

– Не надо качать головой. Я ни в чем не виновата, – возмущенно проговорила она. – И зачем ты пригласил его на завтра? Нам не к лицу вожжаться с людьми из такой низкой касты. Как можешь ты снимать мерки с человека, который чистит уборные?

Нараян промолчал. Через несколько минут он вышел на улицу, где мать избывала свою ярость, яростно мешая воду в котле.

– Мне кажется, мама, ты не права, – сказал Нараян таким тихим голосом, что его почти заглушил треск костра. – Думаю, я должен шить для всех, кто ко мне приходит – будь то брахман или бхунгхи.

– Вот как? Подождем, когда вернется твой отец. Интересно, что он об этом скажет? Брахман – да! Бхунгхи – нет!

Вечером Рупа рассказала Дукхи о завиральных идеях Нараяна, и тот сказал, повернувшись к сыну: «Думаю, мать права».

Нараян снял руку с махового колеса и закрепил его.

– Скажи, зачем ты послал меня учиться?

– Глупый вопрос. Чтоб тебе лучше жилось, зачем еще?

– Вот-вот. Потому что высшие касты обращаются с нами ужасно. А теперь ты ведешь себя так же. Если ты и дальше собираешься жить по их правилам, я вернусь в город. Для меня такая жизнь невозможна.

Рупу потряс этот ультиматум и ужаснула реакция Дукхи, сказавшего: «А ведь он прав».

– Отец Ишвара, думай, что говоришь. Сначала я у тебя права, потом он прав! Болтаешься из стороны в сторону, как горшок без дна. Вот что значит посылать детей в город! Они забывают деревенские порядки! А от этого только неприятности! – Кипя от негодования, Рупа вышла из хижины, созывая на совет подружек – пусть Амба, Пьяри, Падма и Савитри узнают, что за безумные вещи творятся в ее несчастном семействе.

– Бедная Рупа! – сказала Савитри. – Она так взволнована, что ее всю трясет.

– Что взять с детей! – воскликнула Пьяри, вздымая руки. – Они не считаются с материнскими чувствами.

– Ничего не поделаешь, – сказала Амба. – Мы кормим их в детстве грудным молоком, но здравым смыслом накормить не можем.

– Терпи! – посоветовала Падма. – Все будет хорошо.

От сочувствия подруг Рупе стало легче. Страх потерять сына во второй раз заставил ее быть осмотрительнее. Она простила Нараяну его безумные идеи и согласилась закрыть на них глаза при одном условии: хозяйка в хижине – она, и с некоторыми клиентами переговоры должны вестись вне дома.

* * *

Спустя два года Нараян смог построить собственную хижину рядом с родительской. Рупа плакала, когда сын переезжал в новый дом.

– Он снова и снова разрывает мое материнское сердце, – стонала она. – Как смогу я присматривать за ним и его работой? Зачем нам расставаться?

– Но, мама, нас будут разделять всего тридцать футов, – говорил Нараян. – Ты сможешь приходить в любое время и точить мои карандаши.

– Точить карандаши, говорит он! Как будто я больше ничего не делаю!

Однако со временем Рупа привыкла к новому положению вещей и даже стала гордиться, называя хижину сына мастерской. Нараян купил большой рабочий стол, стойку для одежды, новую ножную машину, которая делала не только прямые стежки, но и зигзаги.

Для последней покупки потребовался совет дяди Ашрафа. Со времени отъезда Нараяна городок вырос, и ателье «Музаффар» процветало. Ишвар снимал комнату неподалеку. Ашраф перевел его из ассистентов в партнеры. Братья договорились, что теперь отец может не работать: они сумеют обеспечить родителей.

– Вы замечательные сыновья, – растрогался Дукхи, когда Нараян рассказал ему об их решении. – Божье благословение.

Рупа достала рубашку и чоли, много лет назад сшитые сыновьями и теперь уже выцветшие.

– Помнишь?

– Я и не знал, что вы их сохранили.

– Ты и Ишвар были совсем маленькими, когда подарили нам эту одежду, – сказала Рупа и расплакалась. – И уже тогда сердце говорило мне, что в конце концов все будет хорошо. – Она объявила добрую весть подругам, те обнимали ее и дразнили, говоря, что скоро она станет богачкой и перестанет с ними якшаться.

– Но от одной вещи не уйти, – сказала Падма. – Пришло время их женить.

- Нужно искать подходящих невесток, – добавила Савитри.
- Не откладывай в долгий ящик, – посоветовала Пьяри.
- Не волнуйся. Поможем, чем можем, – сказала Амба.

Эти новости распространились по общине и за ее пределами. Достижения какого-то чамара вызвали злобу и возмущение среди представителей высших каст. Особенно злобствовал тхакур Дхарамси – он всегда возглавлял избирательную комиссию на выборах и приписывал голоса своей политической партии; так вот он при каждом удобном случае старался унижить портного.

– Тебя дожидается дохлая корова, – посылал он к Нараяну слугу. Нараян просто передавал этот заказ другим чамарам, которые с радостью брались за работу. В другой раз, когда в канализационной трубе на участке тхакура застряла коза, он послал за Нараяном, чтобы ее вызволить. Нараян вежливо отказался, сказав, что благодарит за предложение, только теперь он занимается другим делом.

Теперь деревенские чамары видели в нем выразителя своих интересов, негласного лидера. Дукхи не хвастался успехами сына, держался скромно, лишь изредка позволяя себе удовольствие поговорить с друзьями, когда они покуривали, сидя под деревом у реки. Постепенно его сын стал богаче многих деревенских жителей из высших каст. Нараян на свои деньги выкопал новый колодец в той части деревни, где жили неприкасаемые. Взяв в аренду землю, на которой стояли две хижины, он выстроил на их месте отличный дом – таких в деревне было всего семь. Дом был настолько большой, что в нем хватило места и для родителей, и для мастерской. «Да и для жены с детишками хватит», – любовно думала Рупа.

Родители предпочли бы первым женить старшего сына, но, когда они об этом заикнулись, Ишвар ясно дал понять, что женитьба его не интересует. К этому времени Рупа уже понимала, что заставить сыновей делать что-то насильно – пустое дело. «Усвоили городские привычки, – ворчала она. – Забыли наши – деревенские». И тогда она переключила внимание на Нараяна.

Навели справки, и оказалось, что в соседней деревне есть подходящая девушка. Назначили смотрины – семейство жениха должно было навестить семью невесты. Рупа проследила, чтобы Амба, Пьяри, Падма и Савитри поехали тоже. Подруги все равно что семья, упорствовала она. Ишвар ехать отказался, но прислал автобус «Лейленд» с двадцатью семью местами, чтобы поместилась вся компания.

Старенький автобус прибыл в деревню в девять часов утра и остановился в клубах пыли. Возможность прокатиться на автобусе под благовидным предлогом привлекла много желающих – гораздо больше, чем могло вместить скромное транспортное средство.

– Нараян – как сын мне, – утверждал один. – Ехать – мой долг. Разве я могу его покинуть в такой важный момент?

– Я не смогу смотреть людям в глаза, если меня не возьмут, – говорил другой, не принимая отказа. – Пожалуйста, возьмите меня!

– Я не пропустил ни одних смотрин в нашем сообществе, – хвастался третий. – Вам пригодится мой опыт.

Многие просто не сомневались, что им необходимо ехать, и лезли в автобус, не спросив разрешения ни у Дукхи, ни у Рупы. Когда через час надо было отъезжать, в автобус уже набилось тридцать восемь человек, и еще с десятков сидели, поджав ноги, на крыше. Шофер, знавший о несчастных случаях на сельских дорогах, где сучья деревьев опускаются низко, отказался ехать. «А ну, слезайте с крыши! Все слезайте!» – орал он на тех, кто безмятежно расположился в позе лотоса на крыше. В результате всех заставили слезть, и автобус двинулся в путь.

До нужного места они добрались через два с половиной часа. На родителей девушки, да и на всю деревню произвел большое впечатление автобус и многочисленность делегации. Тридцать восемь гостей стояли, не зная, что делать. В доме не хватало места для такого количе-

ства людей. После тягостных переживаний Дукхи отобрал семерых, в том числе своих лучших друзей – Чхоту и Дейарама. Падма и Савитри тоже удостоились войти внутрь, а Амбе, Пьяри и еще тридцати одному несчастному пришлось остаться снаружи и наблюдать за событиями через открытый вход.

А внутри счастливики пили чай с родителями и рассказывали о путешествии.

– Дорога была очень красивая, – рассказывал Дукхи отцу девушки.

– Но вдруг автобус громко затарахтел и остановился, – вмешался Чхоту. – Завели его не сразу. Мы боялись опоздать.

Мало-помалу родители стали сравнивать родословные и рассказывать разные семейные истории. Рупа сдержанно рассказала матери девушки об успехах Нараяна:

– У него много клиентов. Все хотят шить одежду только у него. Как будто в округе нет других. Мой бедный сын работает с утра до вечера – все шьет и шьет. Но его новая, дорогая машина очень хорошая. На ней можно шить удивительные вещи.

Пришло время появиться невесте.

– Приди к нам, дочка, – как бы между делом позвала мать. – Принеси нашим гостям сладости.

С блюдом, полным ладду⁴⁹, вошла шестнадцатилетняя Радха. Разговор смолк. Все пялились на нее, пока она обходила гостей, скромно склонив голову и потупив глаза. Снаружи послышался шепот, все старались пролезть вперед, чтобы разглядеть невесту.

Когда девушка остановилась перед Нараяном, тот уставился на блюдо с ладду. Он слишком нервничал, чтобы поднять глаза, зная, что семья следит за его реакцией. Девушка уже обнесла почти всех. Если сейчас не посмотреть на нее, второго шанса не будет: она больше не вернется, и ему придется принимать решение вслепую. «Взгляни, взгляни», – убеждал он себя – и поднял глаза. Девушка склонилась перед матерью, и Нараян увидел ее профиль.

– Нет, дочка, – отказалась мать. – Мне не надо. – И после этих слов Радха удалилась.

Пора было ехать домой. На обратном пути тем, кому не удалось толком ничего увидеть или услышать, подробно рассказали обо всем. Теперь все были в курсе событий и могли принимать участие в деревенских пересудах. Особенно ценилось мнение старших.

– Она хорошего роста, и цвет кожи красивый.

– Да и семья, похоже, честная, трудолюбивая.

– Может, перед окончательным решением сравнить гороскопы?

– Никаких гороскопов! К чему это? Брахманской чепухой у нас не занимаются.

Нараян ничего не говорил, а только слушал эти разговоры. Его молчаливое согласие, к радости родителей, слилось с всеобщим одобрением и дружными аплодисментами.

Теперь предстояла подготовка к свадьбе. По настоянию Нараяна, от некоторых традиционных расходов отказались – он не хотел, чтобы семья Радхи пожизненно влезла в долги к ростовщикам. Он принял от них только шесть медных кувшинов: три с выпуклым дном и три – с плоским.

Рупа была в ярости.

– Разве ты что-нибудь смыслишь в такой сложной вещи, как приданое? Ты что, раньше женился?

Дукхи тоже разволновался.

– Шесть кувшинов – это мало. Нам положено больше.

– Когда в нашей касте женились с приданым? – спокойно произнес Нараян.

– В высших кастах так принято, значит и у нас можно.

Но Нараян стоял на своем, и Ишвар его поддержал.

– Научились городским штучкам, – ворчала расстроенная мать. – Забыли наши обычаи.

---

⁴⁹ Ладду – десерт из гороховой муки, топленого сливочного масла с орехами и сладкими специями, популярный в Индии.

В последний момент случилась накладка. За два дня до свадьбы деревенские музыканты под нажимом тхакура Дхарамси и других отказались играть на празднике. Они были настолько запуганы, что даже не встретились с семьей, чтобы обсудить проблему. Тогда Ишвар нашел замену в городе. Нараян согласился оплатить и доставку музыкантов, и их работу. «Чтоб позлить местную элиту, – решил он, – цена не так уж и велика».

Городские музыканты знали не все местные свадебные песни. Это встревожило гостей постарше – странные гимны и песни не подходили для свадьбы.

– Особенно для зачатия детей, – сказала одна старуха, которая принимала роды, пока не состарилась. – Без правильной подготовки материнское чрево не готово к деторождению.

– Так и есть, – поддержала ее другая. – И я тому свидетель. Когда поют не так, как принято, мужа и жену ждут одни неприятности.

Влияние песен взволнованно обсуждалось, шли споры о том, что может избавить от возможного несчастья или хотя бы смягчить его последствия. Пожилые люди неодобрительно посматривали на тех, кто получал удовольствие от непривычной, чужой музыки и танцев.

Праздник длился три дня, и чамары никогда так вкусно не ели, как в это время. Почетные гости, Ашраф с семьей, остановились в доме Нараяна, где о них заботились как о близких людях. Это не всем понравилось. Шептались, что приезд мусульман не к добру, но недовольных было немного, и шептались все больше по углам. А на третий вечер, к утешению старшего поколения, музыканты уже разучили большинство местных песен.

У Радхи и Нараяна родился сын, которого называли Омпракаш. Люди приходили, пели и радовались вместе с родителями этому счастливому событию. Гордый дед лично отнес сладости в каждый дом.

В конце недели Чхоту, друг Дукхи, пришел вместе с женой взглянуть на новорожденного. Он отвел в сторону Дукхи и Нараяна и прошептал: «“Высшие” выбросили ваши сладости в помойку».

Сомневаться в правоте его слов не приходилось: Чхоту вывозил мусор из многих подобных домов. Известие было неприятным, но Нараян только рассмеялся: «Зато больше достанется тем, кто найдет эти коробки».

Поток гостей не ослабевал, все умилялись малышу – такой здоровенький, даром что из чамаров, и все время улыбается.

– Он не кричит, даже когда голодный, – любила похвастаться Радха. – Так немного похнычет, но тут же замолкает, когда дашь грудь.

После Омпракаша родилось еще трое дочерей. Двое выжили. Их называли Лила и Рекха. Сладости уже не раздавали.

Нараян стал учить сына читать и писать, совмещая занятия с шитьем. Сам он сидел за швейной машиной, а сын рядом с грифельной доской и мелом. К пяти годам Омпракаш умел пришивать пуговицы, имитируя манеру отца – облизывал нитку и вдевал ее в игольное ушко, или мастерски втыкал иголку в ткань.

– Он весь день с отцом – как пришитый, – удовлетворенно ворчала Радха, глядя на обожаемых мужа и сына.

Ее свекровь наслаждалась, наблюдая эту картину.

– За дочерей отвечает мать, а сыновей воспитывают отцы, – заявила Рупа с таким видом, будто на нее снизошло откровение. Радха так к этому и отнеслась и серьезно закивала.

Через неделю после того, как Омпракашу исполнилось пять, Нараян взял его с собой в дубильню, где трудились чамары. После возвращения в деревню он периодически принимал участие в их работе на самых разных стадиях – свежевания, выдержки, дубления или окрашивания. А теперь он на практике показал сыну, как это делается.

Но Омпракаш старался держаться в стороне. Нараяну это не понравилось, и он настоял, чтобы сын запачкал руки.

– Фи! Здесь воняет! – завизжал Омпракаш.

– Да, я знаю. И все-таки это надо сделать. – Нараян схватил мальчика за руки и окунул их по локоть в дубильный чан. Ему было стыдно перед другими чамарами за поведение сына.

– Я не буду этого делать! Я хочу домой! Папа, пожалуйста, уведи меня!

– Плачь не плачь, но ты освоишь это ремесло, – решительно произнес Нараян.

Омпракаш рыдал, вопил, бился в конвульсиях, стараясь выдернуть руки.

– Если будешь сопротивляться, я запихну тебя в чан с головой, – пригрозил отец, раз за разом опуская его руки в чан.

Присутствующие пытались остановить Нараяна: мальчик так истерически визжал, что с ним мог случиться припадок. «Это все-таки его первый день, – говорили они. – Дальше пойдет лучше». Но Нараян не отступал, и они еще час провели в дубильне.

Омпракаш не переставал плакать до самого дома. На крыльце Радха натирала свекрови голову кокосовым маслом. Обе женщины бросились утешать внука и впопыхах опрокинули бутылочку. Рупа порывалась обнять мальчика, но его испугали жидкие, засаленные космы, закрывающие ее лоб. Он никогда не видел, чтобы бабушка так ужасно выглядела.

– Что случилось? Что сделали с моим веселым славным мальчиком?

Нараян рассказал, как они провели утро, и Дукхи только рассмеялся. Зато Радха от рассказа пришла в ярость.

– Зачем мучить мальчика? Ему нет необходимости заниматься грязной работой.

– Грязной работой! И это говоришь ты, дочь чамара? Говоришь – грязная работа?

Радху испугал этот взрыв негодования. Нараян впервые кричал на нее.

– Но почему он...

– Наш сын никогда не поймет, кто он, если не узнает, чем занимались его предки. Раз в неделю он будет ходить со мной! Нравится ему – или нет!

Радха бросила умоляющий взгляд на свекра и принялась вытирать разлившееся кокосовое масло. Дукхи кивком дал понять, что понял ее. Позже, оставшись с Нараяном наедине, он сказал:

– Я согласен с тобой, сын. Но что бы мы ни думали, раз в неделю – это всего лишь игра. Омпракаш никогда не поймет того, что испытали мы. И слава богу.

Остаток дня мальчик провел в кухне и, хныча, прижимался к матери. Та поглаживала его по голове, не отрываясь от готовки. «Пожалуйста, побудьте со мной, – со счастливым видом попросила она свекровь. – Мне еще нужно нарезать шпинат и приготовить чапати. Не представляю, когда закончу».

Рупа наморщила лоб.

– Когда сыновьям плохо, они вспоминают о матери.

Вечером, когда отец с закрытыми глазами отдыхал на крыльце, Омпракаш подкрался и стал массировать ему ступни, как – он видел – делала мать. Нараян вздрогнул и открыл глаза. Он увидел у своих ног сына, улыбнулся и протянул к нему руки.

Омпракаш бросился в объятия отца, обхватил ручонками его шею, и так они некоторое время сидели обнявшись, не произнося ни слова. Нараян разомкнул пальцы сына, понюхал их, а затем протянул ему свои.

– Видишь? Мы одинаково пахнем. Это честный запах.

Сын понимающе кивнул.

– Папа, а можно я еще разомну тебе ноги?

– Можно.

Нараян с нежностью смотрел на сына, который разминал ему пятки, растирал ступни, массировал каждый палец по отдельности, подражая методичной манере Радхи. Рупа и Радха стояли незаметно в дверях, радостно улыбаясь друг другу.

Еженедельные уроки по кожевенному делу продолжались еще три года. Омпракаша научили обрабатывать кожу солью, собирать плоды миробалана и делать из него раствор для дубления. Он научился изготавливать красители и наносить их на кожу. Это была самая неприятная часть работы – его сразу начинало тошнить.

Эти мучения закончились, когда Омпракашу исполнилось восемь лет. Его отправили к дяде Ишвару в ателье «Музаффар» для совершенствования в портняжном ремесле. Кроме того, в городской школе могли учиться дети и низших каст, а в деревне еще держались ограничения.

* * *

Радха и Нараян не испытывали того одиночества, что выпало на долю Рупы и Дукхи, когда их сыновья проходили обучение у дяди Ашрафа. Новая дорога и маршрутные автобусы сократили разрыв между городом и деревней. Им легче было коротать время между частыми посещениями Омпракаша еще и потому, что в доме остались две маленькие дочки.

И все же Радха не могла отделаться от мысли, что у нее отобрали сына. Теперь ей полубилась широко известная песня о птичке, которая была постоянной спутницей певца, а потом по непонятной причине улетела. Услышав знакомый напев, она неслась к недавно купленному транзистору «мерфи» и включала его на полную мощность, заглушая все вокруг. Когда же сын гостил дома, она не слушала эту песню.

Приезды Омпракаша не приносили сестрам никакой радости. Если он был дома, на Лилу и Рекху не обращали никакого внимания. Как только он ступал на порог родительского дома, сестры словно переставали существовать.

– Только взгляните на моего ребенка! Как он исхудал! – сокрушалась Радха. – Твой дядя кормит тебя или нет?

– Он просто растет – вот в чем дело, – объяснял Нараян.

Но Радхе нужен был только предлог, чтобы закармливать сына разными вкусностями, вроде сливок, сушеных фруктов, цукатов, и когда она видела, что он ест, ее переполняла радость. Время от времени она запускала пальцы в тарелку, выискивала особенно лакомый кусочек и нежно отправляла его сыну в рот. Ни один прием пищи не обходился без того, чтобы она хоть немного не покормила сына своими руками.

Рупа тоже наслаждалась видом с аппетитом чавкающего внука. Она сидела подле него, как арбитр, готовая смахнуть крошку с уголка его рта, подложить еды, пододвинуть стакан ласси⁵⁰. На ее морщинистом лице появлялась улыбка, если в памяти ярко всплывали темные ночи, когда много лет назад она кралась в чужие сады, чтобы принести чего-нибудь вкусненького для Ишвара и Нараяна.

Сестры Омпракаша были молчаливыми свидетельницами этого пиршества. Лила и Рекха с завистью взирали на вкусную еду, но знали, что никакие их просьбы и протесты ни к чему хорошему не приведут. В те редкие моменты, когда рядом не было взрослых, Омпракаш делился с ними лакомствами. Но чаще девочки тихо плакали ночами в своих кроватках.

---

⁵⁰ Ласси – прохладительный напиток в Индии. Самый простой вариант – хорошо взбитая смесь йогурта, воды, соли и специй.

Нараян сидел в сумерках на крыльце и, держа на коленях старческие ноги отца, массировал потрескавшиеся, усталые ступни. Завтра приезжал на неделю Омпракаш, которому исполнилось уже четырнадцать лет.

– Ах! – удовлетворенно выдохнул Дукхи, а потом спросил сына, видел ли тот новорожденного теленка.

Нараян молчал. Дукхи повторил вопрос, ткнув большим пальцем ноги Нараяна в грудь.

– Сын? Ты слышишь, что я говорю?

– Да, папа. Я просто задумался. – Сын продолжил массаж, глядя в темноту.

– Скажи, что тревожит тебя?

– Я вот думаю... Думаю, что ничего не меняется. Годы идут, а все по-старому.

Дукхи снова вздохнул, но на этот раз без удовлетворения.

– Что ты такое говоришь? Многое изменилось. Твоя жизнь, моя жизнь. У тебя другая работа – не с кожами. Ты теперь портной. Посмотри на свой дом, на свою...

– Это правда. А что изменилось в главном? Правительство издает новые законы, говорит, что нет больше неприкасаемых, но это не так. Ублюдки из высших каст по-прежнему обращаются с нами хуже, чем с животными.

– Нужно время, чтобы такие перемены вошли в жизнь.

– Независимость объявили больше двадцати лет назад. Сколько можно ждать? Я хочу брать воду из деревенского колодца, молиться в храме, ходить, где хочу.

Дукхи снял ступни с колен Нараяна и сел рядом. Он вспомнил, как сам бросил вызов системе, отправив сыновей к Ашрафу. Слушая Нараяна, он испытывал гордость за сына, но в то же время и страх.

– Твои желания опасны, сын. Ты поднялся из чамаров в портные. Довольствуйся этим.

Нараян покачал головой.

– Это была твоя победа.

Он возобновил массаж и закончил это занятие почти в темноте. А в доме Радха радостно готовилась к приезду сына. Вскоре она вынесла на крыльцо лампу. На нее тут же слетелись мошки. На свидание со светом прилетела и ночная бабочка. Дукхи смотрел, как она бьет нежными крылышками по стеклу.

На этой неделе проводились парламентские выборы, и всю округу наводнили политики, агитаторы и всякие лизоблюды. Как обычно, разнообразие политических партий, их предвыборная возня развлекали всю деревню.

Некоторые жаловались, что страшная, обжигающая нутро жара мешает в полной мере получать удовольствие от этого зрелища – правительству нужно было сначала дожждаться дождей. Нараян и Дукхи посещали с друзьями митинги и брали с собой Омпракаша – пусть тоже повеселится. Однако Рупа и Радха были недовольны тем, что на это тратится время краткого пребывания внука.

Чего только ни обещали кандидаты в своих речах: новые школы, чистую воду, медицинское обслуживание; землю безземельным крестьянам – путем перераспределения и строгого соблюдения земельного закона; соблюдение законов против любой дискриминации и притеснения высшими кастами низших каст; отмену зависимого труда⁵¹, детского труда, сати, выкупа за невесту, брака между детьми.

– В наших законах много повторов, – сказал Дукхи. – Каждый раз на выборах говорят о законах, которые были приняты двадцать лет назад. Кому-то надо напомнить, что пора применять эти законы на практике.

---

⁵¹ Зависимый труд – ситуация, когда лицо вынуждено отрабатывать долг, который не может вернуть другим способом.

– Для политиков принять закон – что воду пролить. Все равно стечет в канаву, – отозвался Нараян.

В день выборов все дееспособные жители деревни выстраивались возле избирательного участка. Как всегда руководил выборами тхакур Дхарамси. Его система при поддержке других землевладельцев работала безотказно уже много лет.

Дежурного по участку щедро одаривали и отводили туда, где он мог вдоволь наслаждаться вкусной едой и питьем. Двери участка открывали, и избиратели входили внутрь.

– Пальцы вперед, – командовал служитель, контролирующий очередь.

Избиратели покорно исполняли приказ. Сидящий за столом клерк откупоривал небольшую бутылочку и наносил на каждый вытянутый палец черные, несмываемые чернила, чтобы предотвратить обман.

– А теперь приложите палец сюда, – говорил клерк.

Люди оставляли отпечатки в регистрационном журнале, что говорило о том, что они проголосовали, и расходились по домам.

Затем пустые бюллетени заполняли подручные землевладельцев. Под конец являлся представитель закона, наблюдал, как из урн достают бюллетени для подсчета голосов, и торжественно объявлял, что выборы прошли честно и демократично.

Иногда создавалась интрига. Между местными землевладельцами возникали трения – часть из них поддерживала другого кандидата. Начиналось яростное противостояние. Естественно, побеждала та группа, которая захватила больше кабин для голосования и набила бюллетенями больше избирательных урн.

Но в этом году не было ни борьбы, ни перестрелок. В целом это был унылый день, и Омпракаш возвращался домой с отцом и дедом в подавленном состоянии. Завтра ему предстоял обратный путь в компанию «Музаффар». Неделя пролетела как один день.

Мужчины сели на циновку у дома, чтобы подышать свежим вечерним воздухом, и Омпракаш принес им воды. Из листвы деревьев заливисто доносилось пение птиц.

– На следующих выборах я сам помечу свой бюллетень, – сказал Нараян.

– Тебе не позволят, – сказал Дукхи. – Зачем такое затевать? Думаешь, что-то изменится? Это все равно, что бросить ведро в колодец глубже, чем столетия. Этот всплеск не увидеть, не услышать.

– Но это мое право. И я воспользуюсь им на следующих выборах, обещаю.

– Последнее время ты слишком много думаешь о правах. Брось – это опасно. – Дукхи помолчал, отгоняя от края циновки красных муравьев. Они разбежались кто куда.

– Пусть даже ты сам пометишь бюллетень. Ты что, думаешь, они не могут вскрыть урну и уничтожить неудобные бюллетени?

– Не могут. Должностное лицо отчитывается за каждый лист.

– Забудь об этом. Пустая трата времени, а ведь твое время – твоя жизнь.

– Жизнь без достоинства ничего не стоит.

Красные муравьи опять сбились в кучку, но теперь Дукхи их плохо видел. Радха вынесла лампу на утопающее во мраке крыльцо, и на нем тут же заплясали тени. От одежды Радхи пахло дымком. Она постояла немного в темноте, взглядываясь в лицо мужа.

– В правительстве совсем разум потеряли, – жаловались люди накануне выборов в ассамблею штата. – О чем они думают? Разве можно устраивать выборы в месяц, когда воздух раскален, а земля трескается от жары. Они повторяют ошибку, допущенную два года назад.

Нараян не забыл обещания, данного отцу в прошлый раз. Утром он отправился голосовать один. Народу было немного. Неровная очередь вилась у дверей школы, оборудованной под избирательный участок. Запах меловой пыли и несвежей еды вызвал в его памяти день,

когда он был маленьким мальчиком и учитель избил его и Ишвара за то, что они осмелились прикоснуться к грифельным доскам и учебникам детей из высшей касты.

Поборов страх, он попросил бюллетень.

– Да его тебе и не надо, – объяснили мужчины за столом. – Просто оставь свой отпечаток, мы сделаем остальное.

– Отпечаток? Я хочу подписаться полным именем. Дайте только бюллетень.

Слова Нараяна побудили двух стоящих за ним мужчин потребовать того же.

– Да, выдайте наши бюллетени, – сказали они. – Мы тоже хотим сами подписаться.

– Мы не можем этого сделать – у нас нет таких инструкций.

– А они не нужны. Это право каждого избирателя.

Служители пошептались между собой, а потом сказали: «Ладно, подождите» – и один из них покинул избирательный участок.

Он скоро вернулся, приведя с собой около десятка человек и среди них тхакура Дхарамси, запретившего шестнадцать лет назад играть деревенским музыкантам на свадьбе Нараяна.

– В чем дело? Что тут случилось? – громко спросил он еще с улицы.

Служители через открытую дверь указали на Нараяна.

– Вот как, – пробормотал тхакур про себя. – Я мог бы догадаться. А кто эти двое?

Служитель не знал их имен.

– Да это и неважно, – отмахнулся тхакур Дхарамси и вошел внутрь вместе со своей свитой. В комнате сразу стало тесно. Тхакур утер потный лоб и поднес мокрый кулак к носу Нараяна.

– Из-за тебя я вышел из дома в такой жаркий день и весь пропотел. Ты что, издеваешься надо мной? Тебе заняться нечем? Сидел бы дома и шил. Или освежевал бы корову.

– Мы тут же уйдем, когда пометим свои бюллетени, – сказал Нараян. – Это наше право.

Тхакур Дхарамси рассмеялся, за ним одобрительно загоготали остальные. Когда он смолк, все тоже замерли.

– Пошутили – и хватит. Оставляй свой отпечаток и вали отсюда.

– Только после того, как по-настоящему проголосую.

На этот раз тхакур не засмеялся – поднял руку, будто прощаясь, и покинул участок. Его приспешники схватили Нараяна и двух других мужчин, приложили их большие пальцы к штемпельной подушечке и завершили регистрацию. Тхакур Дхарамси шепнул помощнику, чтобы всех троих отвезли к нему на ферму.

Их подвесили за лодыжки к сучьям баньяна и весь день с небольшими перерывами избивали. Несчастные все чаще теряли сознание, их крики слабели. Внуков тхакура Дхарамси не выпускали из дома. «Делайте уроки, – велел он детям. – Читайте или играйте с игрушками. Я ведь вам подарил красивый новый паровозик».

– Но сейчас каникулы, – ныли они. – Мы хотим играть на улице.

– Только не сегодня. На улице плохие люди.

Вдали, на краю поля, люди тхакура мочились на лица висевших вниз головой мужчин. Запекшиеся рты этих полуживых страдальцев жадно раскрывались навстречу влаге, они из последних сил лизали стекавшие струйки. Тхакур Дхарамси предупредил своих подчиненных, чтобы до поры до времени об этой экзекуции ничего не знали, особенно в поселке вниз по течению. Это могло сорвать выборы, и вынудить соответствующие органы пересмотреть их результаты. И тогда вся работа насмарку.

Вечером, когда урны с бюллетенями увезли, половые органы трех мужчин прижгли горящими углями, а потом запихнули угли в рот. Истошные вопли разносились по всей деревне, пока огонь не выжег полностью губы и языки. Неподвижные, молчащие тела сняли с дерева.

Они еще шевелились, и тогда веревки сняли с лодыжек и завязали на шеях, а потом всех троих повесили. Трупы выбросили на деревенскую площадь.

Подручные тхакура Дхарамси, освободившись от выборных забот, занялись по приказу хозяина низшими кастами.

– Я хочу преподать хороший урок этим неприкасаемым псам, – говорил он, разливая спиртное своим людям перед новым заданием. – Пора обратиться к прежним временам, когда в нашем обществе были уважение, дисциплина и порядок. И не спускайте глаз с дома этого чамара-портного – никто не должен оттуда выйти.

И люди тхакура направились в район неприкасаемых. Они избивали случайных прохожих, раздевали и насиловали женщин, сожгли несколько хижин. Новость об их бесчинствах быстро разнеслась по округе. Все попрятались по домам, дожидаясь, когда минует гроза.

– Отлично, – сказал тхакур Дхарамси, когда к вечеру ему доставили сообщение об успехах его людей. – Думаю, здесь надолго это запомнят. – По его приказу тела двух неизвестных мужчин положили на берег у реки, чтобы родственники могли их опознать. – Сердце мое сострадает этим двум семьям, кем бы они ни были. Они достаточно пострадали. Пусть оплатят сыновей и потом кремируют.

Но для семьи Нараяна наказание не кончилось. «Он не заслуживает настоящей кремации», – решил тхакур Дхарамси. «А его отец виноват даже больше сына. В своем высокомерии он пренебрег тем, что священо для нас. Духи осмелился покуситься на то, что складывалось веками, он из кожевников перевел сыновей в портные и тем самым нарушил в обществе равновесие. Покушение на кастовую систему должно наказываться с предельной суровостью», – сказал тхакур.

– Схватите всех – родителей, жену, детей, – приказал он своим людям. – Смотрите, чтоб никто не улизнул.

Когда вооруженная охрана ворвалась в дом Нараяна, Амба, Пьяри, Савитри и Падма стали кричать с крылец своих хижин, чтобы друзей оставили в покое.

– Зачем вы трогаете их? Они не сделали ничего плохого!

Защитниц тут же втащили внутрь домашние, боясь за их безопасность. Соседи не осмеливались даже нос на улицу высунуть, они тряслись в своих хижинах от страха и стыда и молились, чтобы ночь прошла быстро и не унесла жизни невинных. Чхоту и Дейарам пытались незаметно прокрасться за помощью в полицейский участок, но их поймали и зарезали.

Духи, Рупу, Радху и девочек связали и притащили в большую комнату.

– Двое отсутствуют, – сказал тхакур Дхарамси. – Сын и внук. – Кто-то подсуетился и доложил хозяину, что они живут в городе. – Ладно. Хватит и этих пяти.

В комнату втащили искалеченное тело и бросили перед пленниками. В комнате было темно, и тогда тхакур Дхарамси велел принести лампу, чтобы семья увидела, чей это труп.

Свет разорвал спасительный покров темноты. Лицо мужчины полностью сгорело. Только по красному родимому пятну на груди родные узнали Нараяна.

Страшный вопль вырвался из груди Радхи. Но этот крик боли вскоре потонул в предсмертной агонии несчастной семьи – дом подожгли. Первые языки пламени коснулись связанных людей. Милосердие в эту ночь проявил лишь суховей, яростно раздувший огонь, который в считанные секунды охватил всех шестерых.

* * *

К тому времени, когда Ишвар и Омпракаш узнали страшную новость, пепел уже остыл, а сгоревшие останки спустили в реку. Тетя Мумтаз прижимала к себе Омпракаша, а дядя Ашраф

отправился вместе с Ишваром в полицейский участок для составления Первого информационного отчета⁵².

У помощника инспектора болело ухо, и он непрерывно ковырял его мизинцем. Полицейскому было трудно сосредоточиться.

– Имя? Повторите еще раз. Помедленнее.

Чтобы смягчить чиновника, Ашраф посоветовал ему домашнее средство от ушной боли, хотя сам кипел от гнева, еле сдерживаясь, чтобы не надавать инспектору по щекам и заставить слушать.

– Теплое оливковое масло поможет, – сказал он. – Меня так всегда лечила мать.

– Правда? А сколько нужно капель? Две или три?

С большой неохотой в контору отправился полицейский, чтобы проверить это голословное утверждение, вернувшись, он показал, что нет никаких свидетельств умышленного поджога.

Помощник инспектора разозлился на Ишвара.

– Что вы здесь мне мозги пудрите? Хотите, чтоб Первый информационный документ состоял из лживых домыслов? От вас проклятых неприкасаемых всегда одни неприятности! Убирайтесь вон, пока вас не привлекли за клевету!

Ишвар потерял дар речи и смотрел на Ашрафа, который пытался объясниться с помощником инспектора. Но тот грубо его оборвал:

– А вас это вообще не касается. Мы же не вмешиваемся, когда вы, мусульмане, обсуждаете с муллой ваши проблемы, разве не так?

Следующие два дня ателье Ашрафа было закрыто, а сам он терзался своей полной беспомощностью. Ни он, ни Мумтаз не решались утешать Омпракаша или Ишвара – разве найдешь слова для такой утраты и такого беззакония? Они могли только плакать вместе с ними.

На третий день Ишвар попросил Ашрафа открыть мастерскую, и они снова принялись шить.

– Я соберу небольшое войско из чамаров, раздам им оружие и поведу на дома землевладельцев, – сказал Омпракаш под шум работающей швейной машины. – Нетрудно найти нужное количество людей. Мы поступим как наксалиты. – Склонившись над шитьем, он рассказал Ишвару и Ашрафу о стратегии крестьянских восстаний на северо-востоке. – А под конец отрубим им головы и насадим на острые колья на рынке. И они никогда больше не осмелятся притеснять наше сообщество.

---

⁵² Первый письменный документ, составляемый полицией о совершенном преступлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.